

Н. Т. Рахматов

**Из истории материальной
культуры Таджикистана
(Замок Каппатера)**

Худжанд-2001

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Институт истории, археологии, этнографии им. А. Дониша
Худжандский государственный университет им. академика
Б. Г. Гафурова

Научно-исследовательская кафедра ЮНЕСКО

Н. Т. РАХИМОВ

Посвящается 10-летию
Независимости Республики Таджикистан

Из истории материальной культуры Таджикистана

(Замок Каппатепа)

Худжанд — 2001

Автор выражает глубокую признательность хукумату г. Табошар и лично председателю города И. Х. Закирову за финансовую помощь в издании данной монографии.

Ответственный редактор
академик АН РТ Н. Н. Негматов

Введение

Средневековый Илак — один из важнейших историко-культурных областей Средней Азии. Первые сведения об этой области как о политически независимом владении относятся к V веку, периоду раздробленности Средней Азии. Однако позднее область чаще упоминается как часть более крупного владения — Чача. Под названием Илак арабо-персоязычные географы IX—XI вв. подразумевали юго-восточные районы современного Ташкентского оазиса. Основной территорией Илака являлась плодородная и густонаселённая долина реки Ахангаран, называемой в источниках «рекой Илака».

По сообщениям географов, в Илаке насчитывалось 14-17 городов, что говорит о значительной степени урбанизации этого края. В экономике области очень хорошо сочетались земледелие, скотоводство и горнорудное дело. В горах Илака добывались многие полезные ископаемые, но особое место занимали разработки серебро-свинцовых руд. Серебряные месторождения Илака по объёму добычи в X в. уступали только славившимся в то время на Востоке рудникам Панджшира на территории Афганистана.

История этой богатой и важной части Средней Азии до XX века оставалась почти не изученной. Большая заслуга в представлении широкому научному кругу досель малознакомого Илака принадлежит академику В. В. Бартольд, в работах которого собраны и систематизированы сведения письменных источников (Бартольд, 1963, с. 226—232; Он же, 1965, с. 218—222). Однако на основании только письменных источников трудно судить о всех сторонах жизни Илака, особенно о материальной культуре.

Начатые в конце 20-х — начале 30-х годов работы по изучению археологических памятников (Машковцев, 1928; Ракитин, 1929, с. 149—151; Массон, 1930 а; Иванов, 1932 и др.) были прерваны началом Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Но в послевоенные годы исследование Илака развернулось ещё с большим размахом.

Накопленный в ходе исследований археологический материал стал основным источником наших знаний, который в совокупности с письменными источниками позволил осветить многие вопросы по быту и культуре, социально-экономической и политической жизни населения Илака. Особо следует отметить роль патриарха среднеазиатской археологии профессора М. Е. Массона. Ему принадлежат многие работы как по истории добычи отдельных видов полезных ископаемых (Массон, 1930 б, Он же, 1934; Он же, 1936), так и по истории в целом горного дела (Массон, 1934 г; Он же, 1935; Он же, 1930 в; Он же, 1953 а) в Средней Азии и общие работы по истории Илака (Массон, 1953 б).

Все эти работы — первые публикации по археологическим памятникам Илака — не потеряли своё значение и в настоящее время.

Немаловажна заслуга в изучении истории Илака и другого крупного археолога Средней Азии — Б. А. Литвинского. Им тщательно изучены погребальные сооружения южных склонов и предгорной полосы Кураминского хребта (результаты работ обобщены Б. А. Литвинским в многотомнике «Могильники Западной Ферганы — см. Литвинский, 1972; Он же, 1973 а; Он же, 1973 б; Он же, 1978. Там же подробная библиография предыдущих работ Б. А. Литвинского по истории материальной культуры населения предгорий Курамы).

В публикациях результатов работ исследователь детально проанализировал материальную и духовную культуру населения Курамы, его историко-культурные связи и роль в истории Средней Азии. Б. А. Литвинский уделил много внимания средневековым разработкам полезных ископаемых, технике горного дела, горным инструментам и способам добычи (Литвинский 1952, с. 83—91; Он же 1954 а; Он же, 1954 б, с. 119—171; Литвинский, Исламов, 1953, с. 21—44; Литвинский, 1959, с. 47—52).

В последние десятилетия на территории Илака проводятся значительные по объёму археологические работы коллективом Чач-Илакской экспедиции под руководством Ю. Ф. Бурякова, исследуется почти вся территория Ташкентского оазиса. Не останавливаясь на всех публикациях по материалам экспедиции, хотелось бы отметить обобщающие работы Ю. Ф. Бурякова (Буряков, 1974; Он же, 1975; Он же, 1979; Он же, 1982), в которых рассматриваются вопросы исторической топографии и географии, генезис го-

родов и проблема урбанизации Чач-Илака, материальная и духовная культура населения, вопросы экономики области, в частности горнорудной промышленности. Сопоставление сообщений средневековых арабо-персоязычных географов IX—XII вв. с результатами полевых исследований позволили Ю. Ф. Бурякову уточнить локализацию городов и крупных населенных пунктов Чача и Илака.

Средневековая историко-культурная область Илак занимала значительную территорию и не все части области равномерно изучены в археологическом отношении. Вышеназванные публикации в большей мере относятся к долине реки Ахангаран. Однако горная часть Южного Илака, в частности южные и юго-западные склоны Кураминского хребта, входящие ныне в пределы Таджикистана, ещё слабо изучены.

Кураминский хребет, известный по средневековым письменным источникам как «Илакские горы», — район, богатый полезными ископаемыми. На склонах гор и в ущельях располагались посёлки рудокопов, рудники.

Во второй половине 70-х гг. археологические изыскания сотрудников Северо-Таджикистанской археологической экспедиции сконцентрировались в окрестностях Табошара. На протяжении ряда лет изучались разные категории памятников: раскопаны два замка — Тиркаштепа и Каппатепе, могильники Чугзхона и Такмак, обследованы пункты древних выработок. Результаты работ предварительно опубликованы (Салтовская, 1984, с. 292—314; Салтовская, Пулатов, 1985, с. 388—398; Пулатов, Салтовская, 1987, с. 332—349; Рахимов, 1986, с. 619; Салтовская, Пулатов, 1988, с. 32—56.), но обобщающей монографической работы пока ещё нет.

Исследование района показало, что окрестности Табошара, богатые в археологическом отношении, наряду с Алтын Топканом и Кони Мансуром, являлись важной частью горнорудного Илака.

Необходимость тщательного изучения окрестностей Табошара и всего района Карамазара определяется указаниями письменных источников на значимую роль, которую играл этот район как в истории Таджикистана, так и Средней Азии в целом. Интерес к данной части Средней Азии определяется ещё и тем, что эта часть Чач-Илака, в какой-то мере отделенная от её основной территории горным хребтом, имела тесные культурно-экономические связи с соседними историко-культурными областями — Уструшаной, Худжандом и Ферганой и соответственно это не могло не

отразиться на материальной культуре района. Поэтому вполне естественно, ещё до начала раскопок можно было ожидать здесь сочетание каких-то местных традиций с традициями соседних областей.

Сочетание земледелия и пастушеского хозяйства кочевников при значительной роли горнорудного промысла в экономике населения Илака открывает большие возможности для постановки и изучения ряда интересных вопросов, ответы на которые трудно найти в каком-нибудь другом регионе. Полученные в ходе раскопок археологические данные, дополняя сведения письменных источников, создадут целостную историческую картину района.

В ходе работ Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан в окрестностях Табашара исследованы разновременные и разнохарактерные памятники. Среди них видное место занимает замок Каппатеп, полностью раскопанный в 1985—1986 гг. По результатам раскопок были сделаны предварительные публикации (Рахимов, 1987, с. 619—620; Негматов, Мамаджанова, Рахимов, Умаров, Эшонкулов, 1988, с. 515—516; Рахимов, 1989 а, с. 42—44; Он же, 1989 б, с. 36—37). В связи с тем, что накопление археологических материалов значительно опережает их публикацию, введение в научный оборот результатов археологических исследований в окрестностях Табашара имеет важное значение для изучения истории Илака, и вообще раннесредневекового периода истории Средней Азии. В настоящей работе автор представляет общие результаты изучения замка Каппатеп с рассмотрением особенностей архитектуры и анализом предметов материальной культуры раскопанного замка. Автор надеется, что настоящая публикация в какой-то мере восполнит существующий в изучении материальной культуры Илака пробел. Возможно, в некоторых случаях выводы автора не совсем бесспорны. Многие вопросы истории Илака ещё далеки от окончательного решения и это дело времени.

Пользуясь случаем автор выражает искреннюю благодарность руководителям предприятий, поселкового совета народных депутатов М. И. Кудряшевой, Р. К. Куйлибаеву, учащимся школ г. Табашар и всем товарищам, оказавшим помощь в содействии в производстве раскопочных работ в зоне строительства водозабора в 1985—1986 гг.

Особая признательность нынешнему Хукумату г. Табашар во главе с председателем И. Х. Закировым за помощь в издании настоящей книги.

Работа выполнена в Отделе истории культуры Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан. При подготовке монографии и её обсуждении, ценные замечания и предложения высказали доктор исторических наук, профессор Н. Н. Негматов, доктор исторических наук У. П. Пулатов, А. К. Мирбабаев, Г. М. Майтдинова, кандидат исторических наук Абдухолик Холики, а также Р. З. Авзалов и др., которым автор приносит глубокую признательность.

Глава I

Из истории археологического изучения юго-западной части Кураминского хребта (Карамазара)¹

Рассматриваемый нами район Кураминского хребта — юго-западные отроги Курамы, понижающиеся в самой западной части и переходящие в адыры, а затем смыкающиеся с Дальверзинской степью. В разные исторические периоды район входил в состав ряда государственных образований и благодаря богатым месторождениям полезных ископаемых, разрабатываемых с древнейших времён, всегда играл важную роль в экономической жизни Средней Азии.

Письменных данных по истории района чрезвычайно мало, что конечно осложняет изучение его истории. Однако район богат памятниками археологии. При таком положении дел роль археологического материала, как основного источника наших знаний значительно возрастает. Учитывая это обстоятельство, в данной главе мы попытаемся дать обзор процесса накопления знаний по истории окрестностей Табошара.

Самые первые достоверные письменные источники по истории и географии многих районов Средней Азии — свидетельства древнегреческих и римских информаторов. Однако древним авторам ничего не было известно о землях на правом берегу Сырдарьи, за исключением небольшого отрезка к востоку от древнего Худжанда — Александрии Эсхаты, где побывали греко-македоняне, преследовавшие

1. Нами будет рассмотрена история изучения в основном района Табошара.

кочевников—саков (Арриан, 1962). Само название Илака, в приложении к данному району, относится к V в. н.э., в то время, когда Илак входил в состав историко-культурной области Чач. В описании путешествия Сюань Цзяна (VII в.) по Восточному Туркестану говорится, что вступив в пределы Аизини, он перевалил через горный кряж Инь-шань, очень высокий и широкий, богатый серебряными рудниками, откуда государи западных владений добывали в то время серебро, необходимое для чеканки монет. По мнению М. Е. Массона, это известие относится к Фергане и Карамазару (Массон, 1934 б, с. 72). Зафиксировано немало и монет Илака VII—VIII вв. н.э.

В работах географов IX—XII вв. горнорудному Илаку уделяется значительное место, что было связано с положением этого владения в экономической жизни Средней Азии (Бартольд, 1963, с. 226—242). В X в. трасса Великого шелкового пути (В Ш П) пролежала от Худжанда в Ахсыкёт и другие города Ферганы по правому берегу р. Сырдарьи, вдоль южных склонов Кураминского хребта. Естественно, благодаря близости этой оживленной трассы Карамазар был втянут в орбиту международных торгово-экономических связей. Кроме основной дороги вдоль реки ответвления В Ш П меридиально пересекали Кураминский хребет в нескольких местах. Один из них описан Кудамою: дорога от Худжанда шла вдоль Сырдарьи (по правому берегу) до развалин, известных под названием «место обсерватории» (Мауди, ал-Марсад), оттуда 2 фарсаха до замка Мухинан, находившегося «около устья реки серебряного рудника» (Бартольд, 1963, с. 229). Описанная дорога вела из долины Сырдарьи в долину Ахангарана.

Как известно, в последующие века объём работ по разработке рудных месторождений в Илаке значительно уменьшился. Многие рудники, как показали исследования, были заброшены. После этого исследуемый район выпал из поля зрения историков и географов XIII—XVIII вв. Да и основные торговые пути изменили своё направление преимущественно к северу и югу от Кураминского хребта. Заброшенность рудников и удаленность от главных дорог стали причиной того, что некогда оживленный район стал глухим уголком.

В XIII в. на территории между реками Ахангаран и Сырдарья поселились джелаиры, тюрко-монгольские племена, ставшие основой для образования отдельной этнической

кой группы узбеков — курама, давших в последствии название горному хребту. По мнению В. В. Решетникова, слово «курама» обозначает смешение (узб. «аралаш-куралаш»).

Джелаиры вобрали в себя другие этнические компоненты — таджиков, тюрков других племён, монголов, а с XVI в. — кочевых даштикипчакских узбеков, позднее частично казахов.

Письменно название «Курама» зафиксировано с XV в. — в одном из вакфных документов крупнейшего феодала Средней Азии того периода — Ходжи Ахрара, датированном 1489 г.

В этом документе, в перечне населённых пунктов, наряду с другими упоминается название «милк Курама из вилаята Ташканд». (Самаркандские документы, 1974, с. 191). В это же время топоним «Илак» начинает выходить из употребления, упоминаясь всё реже и реже. Так, Хафиз Таныш Бухари в своей работе «Шарафнома Шохи» упоминает виночерпия «со светлым лицом, как у тюрков Илака» (Хафиз Таныш, 1989, с. 202).

Очень короткое свидетельство об интересующем нас районе мы находим в работе крупного балхского учёного-энциклопедиста XVII в. Махмуда ибн Вали, который пишет «Гора Илак — горы эти в Туркестане. Там есть рудники золота и серебра; но ныне они не разрабатываются» (Махмуд ибн Вали, 1977, с. 165).

В начале XIX в., а точнее в 1813—1814 гг., по пути из Ташкента в Коканд, русский офицер Филипп Назаров пересёк Кураминский хребет. В своих путевых записках он упоминает о добыче бирюзы, «древний памятник, имеющий внутри отверстие, посреди коего выложена каменная могила» (Назаров Филипп, 1968, с. 36). Положение в некоторой степени изменилось во второй половине XIX века. Сразу же после присоединения этих районов к Российской империи в 1868 г. комендант Худжанда полковник Н. Фавицкий проявил интерес к горам, расположенным севернее Сырдарьи — Моголтау и Курама. Незамедлительно были начаты поисковые работы. В том же году из Карамазара наёмными рабочими Сангином и Азизом были добыты интересные образцы пород, отправленные в Петербург, в Географическое общество.

Через 7 лет (в 1875 г.) месторождения в Карамазаре, откуда были получены эти образцы, посетил геолог Г. Д. Романовский (Массон, 1935, с. 215). Результаты его иссле-

дований, опубликованные в том же году, — первые сведения о Карамазаре как о богатой рудной области. В эти же годы в Средней Азии работает другой известный геолог И. В. Мушкетов. Тщательное изучение Кураминского хребта дало богатый материал для выяснений геологической картины этого района Средней Азии. В своих трудах, изданных в течение 1875—1878 гг., И. В. Мушкетов впервые выделил юго-западную оконечность Кураминского хребта под названием «горы Карамазара» (Наследов, 1935, с. 28).

Вероятно, первое упоминание об археологических памятниках Карамазара появилось в статье Д. Граменицкого «О древних урочищах Туркестанского края», опубликованной в 1879 г. в «Туркестанских ведомостях». Автор статьи указывает, что «в горах между Ангреном и Сырдарьёй и в Алайских—кучи камней, арыки, вообще пункты, обращающие на себя внимание, следы работ, производившиеся в незапамятные для населения времена, приписываются народу Мук» (Туркестанские ведомости, 1879; Протоколы ТКЛА, 1897—1898, с. 151).

В 1884 г. Археологическая комиссия поручает Н. И. Веселовскому «произвести систематические раскопки как на Афраснабовом городище, так и в других наиболее интересных пунктах этого района и вообще исследовать Туркестанский край в археологическом отношении», для этого ему была предоставлена годичная командировка (Отчёт археологической комиссии, 1891, с. 11).

В конце декабря 1884 г. Н. И. Веселовский выехал в Ахангаран, где в течение трёх дней провёл земляные работы на городище Той-тюбе, а чуть позднее — в феврале 1885 г. в окрестностях Ашта (Восточная часть Кураминского хребта) и других районах. Обследование погребальных памятников Восточной Курамы Н. И. Веселовским было первой попыткой научного изучения исторических памятников этой части Средней Азии (Литвинский, 1972, с. 137).

Несколькими годами позднее эту часть древнего Илака посетил М. С. Андреев, ставший в годы Советской власти одним из крупнейших исследователей истории и культуры народов Средней Азии. Призывая коллег-учёных и администрацию края к охране и сбережению археологических находок и памятников материальной культуры народа, М. С. Андреев с огорчением замечал, что местные кладочисты усиленно раскапывают курганы», в особенности по ночам, и добытые монеты и старинные золотые и серебрян-

ые вещи тотчас же, не донося русской администрации, переплавляют у местных ювелиров на кольца, браслеты и т.п.» (Андреев, 1893; Акрамов, 1974, с. 98).

Даже после образования Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА, 1895), положение в деле изучения Карамазара не улучшилось. Несмотря на то, что соседние с Карамазаром районы — Ташкентский оазис, окрестности Худжанда, Фергана — посещались не раз, территория Кураминского хребта в археологическом отношении оставалась малоизученной. К началу XX в. имелись лишь скудные сведения письменных источников о горных разработках. Однако именно они привлекли внимание русских учёных-геологов и предпринимателей к Карамазару. Здесь побывали П. К. Назаров, А. Кастанье (1913-1914), Р. Р. Буб и А. Я. Булытников, В. М. Вебер (1915), И. И. Бездека (1916), П. И. Степанов (1916) и другие (Наследов, 1935, с. 28-30). Они произвели разведку района, ими были открыты некоторые месторождения, которые частично разрабатывались. Конечно же геологи не могли не заметить на исследуемой территории археологические памятники. Так, геолог В. Н. Томилин отметил, что в Турунгулсае (Северо-Западный Карамазар) «..., имеется куполообразная постройка из громадных камней довольно правильной формы, немного развалившаяся» (Томилин, 1912, с. 45-6).

Однако, археологические памятники окрестностей Табошара и Карамазара в период до первой мировой войны исследователей не заинтересовали.

Коренной перелом в изучении Карамазарских гор произошёл после Октябрьской революции. Молодому социалистическому государству нужен был металл. Во многих регионах страны, богатых месторождениями полезных ископаемых, начались работы по их разведке и разработке. Карамазар, известный по работам дореволюционных геологов, привлёк к себе внимание как перспективный для разработок район.

Вопрос об изучении Карамазара был ускорен в связи с интересными находками геологов.

В 1925 г. в горах Карамазара проводились изыскания по составлению геологической карты района. Во время работ геолог А. Ф. Соседко взял несколько образцов пород из древнего рудника по Табошарсаю, в которых при электро스코пическом обследовании была установлена повышенная радиоактивность.

Для первых геолого-разведочных работ в районе Табошара в 1926 г. выделено 26 тыс. руб. Табошарскую партию возглавил известный геолог Б. Н. Наследов. Геологи тщательно обследовали древние рудники Табошара — место находок пород руд с повышенной радиоактивностью и другие заброшенные рудники (Кансай, Кони Мансур, Алтын Топкан и др.) (Наследов, 1935, с. 32).

Результаты работ Табошарской партии показали необходимость более широких исследований в этом районе. В связи с этим в следующем 1927 г. кредиты для изысканий были увеличены. Район Табошара посетил помощник директора Геологического Комитета В. К. Котульский и профессор Н. И. Трушков. В окрестностях Табошара были проведены детальные геологоразведочные, топографические и алмазно-буровые работы. К концу полевого сезона партия построила опорную базу в сае Табошар (ныне старый Табошар). В кишлаке Карамазар, на городище Кургантепа геологи обнаружили джагатаидский дирхем, чеканенный в 709 г.х. (1331-1332). Монета была передана археологу Массону М. Е. (Массон, 1930 г., с. 7).

В 1928 г. изыскательские работы развернулись по всему Карамазару. Исследования велись четырьмя самостоятельными партиями. Табошарской партией руководил А. В. Королёв. Геологи не оставляли без внимания находки старины при обследовании заброшенных разработок. В одном из рудников Табошара, в частности, были обнаружены два прогнивших обломка деревянной лопаты, которая, вероятно, употреблялась при какой-нибудь вспомогательной работе (Массон, 1930 в, с. 5). Оба куска древнего орудия труда рудокопов хранятся в Государственном Эрмитаже. При работах Карамазарской геолого-разведочной партии под руководством Б. Н. Наследова в Табошаре был найден один чираг, покрытый зелёной поливой (Массон, 1930 в, с. 11).

Обследование Карамазара несколькими партиями позволило охватить большой район. При геологических работах были зафиксированы и описаны старинные рудники, металлургические центры, рудничные поселения и другие памятники старого рудного промысла. В 3 км от кишлака Карамазар геологами был отмечен интересный памятник Чильдухтар («Кырк Кыз»), (Машковцев, 1938). Этот памятник, представляющий из себя несколько рядов вертикально поставленных камней, по предположению М. Е. Массона, является некрополем эпохи бронзы (Массон, 1953 а, с.9).

Группа погребальных сооружений, известных среди местного населения как «мугхона», была зафиксирована Карамазарской геологической партией С. Ф. Машковцева в 1928 г. в северных предгорьях Карамазарских гор (Массон, 1953, б, с. 15). Подобные сооружения, возведенные без скрепления раствором из крупных необработанных камней, были встречены и зафиксированы сотрудниками геологических партий во многих пунктах маршрутов исследований.

Как правило, в мугхона вместе с погребённым оставляют разные виды утвари и украшения. В поисках драгоценностей местное население часто разрушало погребения (Массон, 1956, с. 8).

Группа А. В. Королёва продолжила исследования и в 1929 г. Параллельно с ней вели работу сотрудники Табашарской разведочной радиометрической партии А. П. Кириллова, организованной Всесоюзным геологическим комитетом. В том же 1929 г. вместе с геологами в течение трёх недель в горах Карамазара работали археолог М. Е. Массон и художник М. Г. Пластунов. Во время маршрутных исследований они занимались изучением рудничного поселения IX—X вв. у месторождения Джаркамар (Массон, 1956, с. 8). На повороте дороги на Конджола в Табашар М. Е. Массон обследовал один курум — была обнаружена могильная яма (Массон, 1953 б, с. 17).

Работы археолога М. Е. Массона в 1929 г. в составе Таджикско-Памирской экспедиции положили начало подлинно научному исследованию специалистами-археологами памятников Карамазарских гор — Южного Илака.

В ходе работ геологов продолжалась фиксация отдельных археологических находок. Так, в 1929 г. у кишлака Долон студентом-геологом Н. П. Васильковским был найден слегка дугообразный примитивный бронзовый нож грубой отливки (длиной 21 см) (Массон, 1953 б, с. 12). В 1930—1932 гг. в горах Карамазара продолжались изыскательские работы геологических партий.

Бурное развитие геолого-разведочных исследований влекло за собой открытие большого количества старинных рудников. Уже к 1929 г. на юго-западе Карамазара были зафиксированы около 3000 древних выработок (Литвинский, 1954). Тщательное их изучение давало в руки исследователей неоценимый материал по истории горного промысла в этом районе Средней Азии, который также характеризовал

уровень знаний, способы разработки месторождений, а также представлял сведения о разновидностях добываемых полезных ископаемых. Большинство разрабатываемых в древности месторождений оказались перспективными и в наше время, так как их разработка в древности была прекращена не из-за истощения залежей, а по причинам техническим или политическим. Кроме того, как было отмечено выше, в ходе геологических исследований отмечались места и других памятников старины, собирались отдельные археологические находки — монеты, утварь, орудия труда древних рудокопов и др.

Осенью 1931 г. (18—26 октября), по постановлению правительства Таджикистана был организован I Карамазарский съезд по цветным, редким и малым металлам в г. Худжанде.

После завершения работы съезда часть выставочного геологического материала была передана в Худжандский краеведческий музей, что значительно пополнило экспозицию музея, содействовало его обогащению, а также расширению тематики экспозиций (Ташпулатова, 1983, с. 30). Вместе с геологическим материалом поступили и археологические находки — среди них фрагменты орудий труда и утвари древних горняков (Массон, 1935, с. 226).

Дар геологов, находки в г. Худжанде и поступления от местных жителей позволили создать новую экспозицию в музее. Через год, в конце 1932 г. директор музея А. В. Уэльс докладывал Наркомпросу Таджикистана об открытии экспозиции археологических материалов по истории горной промышленности Карамазара (Марафиев, Москаленко, 1987, с. 302).

В 1934 г. в составе Таджикско-Памирской экспедиции уже работал специальный 29-й отряд (начальник — археолог М. Е. Массон), который провёл обследование района с наибольшими раскопочными работами.

К изучению истории горнорудного Илака приступили и сотрудники Краеведческого музея Северного Таджикистана (ныне Худжандский областной историко-краеведческий музей — ХОИКМ). Среди объектов изучения музея были старинные рудники, поселения и погребальные сооружения Кураминского хребта, в районах Алтынтюпкана, Акташа, Тузконсая. В ходе работ были сняты инструментальные планы некоторых памятников, обследованы древнерудные горные выработки, курумы (Марафиев, 1987, с. 322). К

сожалению, материалы работ остались неопубликованными. Не увидели свет и готовые к изданию выпуски «Известий» музея, для которых были написаны две статьи, касающиеся истории Илака — «Горнорудный Илак. Из истории горной древней промышленности Карамазара» (автор — профессор Б. Н. Наследов, объём — 1,5 п.л.) и «Мусульманские монеты Шаша, Илака и Ходжента» (автор — ст. н. сотр. А. Н. Тереножкин) (Марафиев, 1987, с. 321).

В послевоенные годы археологические работы в Северном Таджикистане получили значительный размах. Это было связано с организацией Таджикско-Согдийской экспедиции (1947 г.), которая начала планомерные исследования на территории республики.

В южных отрогах Курамы главное внимание уделялось изучению погребальных сооружений — курумов и мугхона (Б.А. Литвинский, Е. Д. Салтовская). В период с 1953 по 1957 год производились разведки и вскрытия могильников предгорий Курамы. Всего было вскрыто 160 курумов (Литвинский, 1956 а; Он же, 1959 б; Он же, 1959 в). Это явилось значительным вкладом в изучение погребальных сооружений Илака. Наряду с погребальными сооружениями в 1954—1955 гг. фиксировались места, связанные с горными разработками: старинные выработки, отвалы, металлургические печи, развалины поселений древних рудокопов. Основной керамический материал с мест находок датирован IX—XII вв. (Литвинский, 1956 б, с. 50—53). Одновременно фиксировались и отдельные находки. Так, в 1954 г. в завале древней выработки близ поселка Конджол был обнаружен клад медных тимуридских монет, чеканенных в Бухаре в 832 г.х. (1428—1429 гг.). Клад представляет интерес для изучения истории Карамазара в XV в. (Давидович, 1979, с. 296). В 1955 г. в районе рудника Кони Мансур работал отряд Института геологических наук АН СССР. Сотрудники отряда провели большую работу по геолого-археологическому обследованию древних выработок, собрали важный материал в истории горного дела (Исламов, Рутковская, 1957, с. 155—176).

В том же году геологами Н. Н. Орловым и Г. А. Мионовым (ими найден вышеуказанный клад) были найдены три серебряные монеты бухархударского типа (VIII—X вв.), переданные в Институт истории АН Таджикской ССР (Давидович, 1956, с. 96).

В 1959 г. Карамазарским отрядом ТАЭ проводилась археологическая разведка на южных склонах Кураминского хребта. Окрестности Табошара посетили Е. Д. Салтовская и У. П. Пулатов. Здесь ими был зафиксирован ряд интересных памятников: могильники, отдельные курганы и два холма с одинаковым названием Актепа I и Актепа II.

Почти в это же время начались планомерные разведочные работы на северных склонах Кураминского хребта и долине Ахангарана. В 1961 г. Ю. Ф. Буряков исследовал развалины древнего Тункента и памятники его округи. Им же были проведены осмотры и изучение древних рудных выработок, мест плавки руды, при этом Ю. Ф. Буряков посетил окрестности Табошара (Шишкин, 1963, с. 21—22).

В районе Табошара была найдена медная литая монета. На аверсе — изображение хищника с поднятым хвостом, на оборотной стороне — вилообразная тамга с легендой. Эта монета принадлежит эмиссии Чача поры завоевания Средней Азии арабами (VII—VIII вв.) (Буряков, 1974, с. 85).

В 1966—1968 гг. было исследовано поселение рудокопов вблизи известного Карамазарского рудника Кони Мансур. Работы позволили уточнить время эксплуатации рудника (X—XI вв.), был получен инвентарь, связанный с добычей руды (Бубнова, 1973, с. 205—206).

Во второй половине 60-х — нач. 70-х годов Е. Д. Салтовская продолжила изучение памятников предгорий Курамы. Были исследованы Аштский могильник, поселения Тудан Калон, Тудан Хурд и Калаи Афрасиаб (Негматов, 1973, с. 82—83; Он же, 1979; Искандаров, 1977, с. 56).

Интенсивный рост посёлка Табошар затронул и археологические памятники. Поселковый совет народных депутатов принял решение о постройке на холме Актепа, отмеченном археологами при разведках 1959 г., здания почтового отделения. В связи с этим в 1972 г. холм и его окрестности осмотрел сотрудник Института истории им. А. Дониша П. Т. Самойлик. На памятник был составлен охранный акт, выделены средства на раскопочные работы (Салтовская, 1984, с. 293).

В эти же годы геологом С. Я. Абдурахимовым на территории Карамазара изучались типы древних горных выработок, закономерности их распространения, а также особенности древней технологии выработки рудного сырья (Абдурахимов, 1977, с. 118—121).

Образование отдельной экспедиции — Северо-Таджикистанской комплексной (СТАКЭ, 1974 г.) позволило вести одновременно изучение отдельных памятников во всех историко-культурных областях древности: Худжанде, Уструшане, Северо-Западной Фергане и Илаке, находившихся на территории современной Согдийской области Таджикистана.

Осенью 1975 г. сотрудники Западно-Ферганского отряда начали раскопки холма Актепа в посёлке Табошар (П. Т. Самойлик). Здесь были вскрыты верхний и часть нижнего строительного горизонтов с остатками фортификационных сооружений замкового типа позднеантичного времени и связанного, по мнению его исследователей, с горными разработками (Негматов, 1980, с. 266).

Раскопки замка Актепа, позднее получившего новое название — Тиркаштепа, были продолжены. В августе—ноябре 1978 г. раскопки проводили сотрудники Табошарского отряда СТАКЭ. Это положило начало полному изучению значительного памятника осёдлой культуры таджикостанской части Илака.

За первый сезон был фактически раскопан замок IV—V вв. с утолщенными внешними стенами и четырьмя эллипсовидными башнями (Салтовская, 1984, с. 292—313). Как показали раскопки следующего полевого сезона (1979 г.), проведенные сотрудниками Западно-Ферганского отряда СТАКЭ, замок Тиркаштепа был возведён на остатках здания более раннего времени (Салтовская, Пулатов, 1986, с. 397). В 1980 г., в нижнем горизонте Тиркаштепа раскопано первичное ядро памятника — небольшой комплекс, явно храмового характера, с квадратным залом в центре и обводными коридорами (Пулатов, Салтовская, 1987, с. 343).

Раскопки Тиркаштепа были завершены Табошарским отрядом СТАКЭ в 1982 г. Полная зачистка самого нижнего (третьего) строительного горизонта позволила определить планировку самого раннего по времени здания. Выяснилось, что южный обводной коридор играл роль входного вестибюля, связанного с залом и другими коридорами. В юго-восточном углу зала расчищен колодец. Раннее здание, определённое исследователями памятника как храм, датировано первыми веками н.э. Раскопки этого интересного памятника дали важный материал по истории Илака рубежа античности и раннего средневековья (Негматов, 1990, с. 15).

Одновременно, в 1981—1982 гг. сотрудники Табошарского отряда СТАКЭ вели исследование могильника Чугзхона, расположенного в 5 км западнее замка Тиркаштепа. Были частично раскопаны две группы курумов и курганов могильника. Курганы, по сопровождавшему инвентарю, датированы первыми веками н.э., курумы дали материал III—IV вв. н.э. По результатам раскопок могильника получено представление о погребальном обряде Илака (Салзовская, Пулатов, 1988, с. 32—55).

Другой значительный памятник осёдлоземледельческой культуры Илака — замок Каппатепе был раскопан и изучен в течение двух полевых сезонов (1985, 1986) сотрудниками Илакского отряда СТАКЭ.

Таким образом, в изучении окрестностей Табошара выделяются следующие периоды:

I период — с древности до 1925 г. Это время, когда шёл процесс накопления знаний о Кураме: отрывочные и косвенные свидетельства разных путешественников, географов, позднее — свидетельства учёных геологов о наличии археологических памятников в указанном районе.

II период (1925—1934) — это тщательное изучение недр Карамазара геологами. Особый вклад внесли сотрудники Таджикско-Памирской экспедиции. Во время маршрутных поисков геологи фиксировали и археологические памятники, собирали отдельные находки. Во второй половине периода (1929) к геологам присоединился и археолог М. Е. Массон. Результатами работ геологов явились крупные обобщающие работы по геологии Карамазара, в которых содержится также важный материал по истории горнорудного промысла Южного Илака.

III период (1934—1941). В 1934 г. в составе ТПЭ создаётся отдельный 29-й отряд для изучения памятников археологии в Кураме. В это же время к исследованию Карамазара присоединяются и другие специалисты — историки, сотрудники Музея Северного Таджикистана (позднее ЛОИКМ) Оболдуева и Тереножкин. Готовятся к публикации исследования по истории материальной культуры Южного Илака. Организуются полевые исследования Курамы и Моголтау. Изучение Илака было прервано началом войны 1941—1945 гг.

IV период (1947—1974). После окончания войны исследование Южного Илака возобновляется. В этот период ведутся широкомасштабные работы по изучению погребаль-

ных сооружений Карамазара (Б. А. Литвинский, Е. А. Салтовская). Попутно фиксировались отдельные и случайные находки.

V период — с 1974 г. по настоящее время. Создание СТАКЭ позволило выделить средства и кадры для изучения Южного Илака. Изучение памятников земледельческой культуры Илака стало отдельной темой исследований. Раскопочные работы в окрестностях Табошара ведут сотрудники Западно-Ферганского, Табошарского и Илакского отрядов СТАКЭ. Среди исследованных в этот период памятников — замки Тиркаштепа, Каппатепа, могильник Чугзхона, отдельные погребальные сооружения.

Глава II

Археологические памятники Табошара

Кураминский хребет — юго-западная ветвь Западного Тяньшаня на территории Северного Таджикистана, протяженностью 170 км — представляет собой своеобразный историко-географический район. Северные склоны хребта — пологие, южные сравнительно крутые. Наиболее высокая точка хребта — вершина Бобои Об — (3768 м над ур. м.) находится в восточной части Курамы. В зимний период вершины гор покрываются снегом.

Западная оконечность хребта, постепенно понижающаяся к Дальверзинской степи, по орографии и гидрографии заметно отличается от всей остальной части Курамы. Здесь своеобразный, сложный рельеф местности, растительный покров и животный мир. Очертания гребневой линии плавные, склоны пологие, перевалы невысокие и удобные для общения. Горные отроги отделены друг от друга межгорными впадинами и котловинами, а также многочисленными сухими и маловодными саями. В отличие от восточной части Курамы с её древесно-кустарниковым покрытием, здесь изрезанные склоны гор, сильно сглаженные возвышенности и мелкосопочник, совершенно пустынные и безлесны.

Климат резко континентальный, количество выпадаемых осадков незначительно (100—200 мм.). Летом осадки почти не выпадают, поэтому уже в мае растительный покров выгорает и район представляет собой голый каменистый массив (Мирзобаходуров, 1971, с. 273). Преобладают северные и северо-восточные ветры.

В предгорной зоне имеются родники, вокруг которых сконцентрированы растительность и животные.

Самой крупной водной артерией юго-западной Курамы является речка Уткесу с сильно развитой системой притоков. Эта речка не многоводна и пересыхает в своей нижней части, теряя воду на поливных полях и в русловом галечнике.

На северо-запад от Уткемсу находятся ещё два крупных сая — Табошарсай и Токмаксай, по которым протекают небольшие речушки, многоводные в период таяния снегов и выпадания осадков и часто иссякающие к концу летнего периода.

Эту часть Кураминского хребта (рис. 1), по административному делению входящую в Матчинский и Гафуровский районы Согдийской области, населяют таджики и узбеки-кураминцы. В средней части долин трёх вышеуказанных речек расположены небольшие кишлаки. Ныне экономическим и культурным центром района является Табошар (население ок. 15 тыс. чел.). Табошар — молодой, но быстро развивающийся город. В конце 1927 г. геологическая партия, проводившая изыскания в этих местах, построила опорную базу в средней части сая Табошар. В окрестностях базы геологов стали оседать отдельные семьи узбеков-кураминцев, занятых на вспомогательных работах геологической партии. Именно эта база, расширяясь на юго-запад по сая, впоследствии превратилась в благоустроенный горняцкий посёлок.

Интересно происхождение названия посёлка. Известно, что часто путешественники и исследователи становятся авторами топонимов, которые позже прочно занимают место на географических картах. Одним из таких примеров на Карамазаре является топоним Конджол — «рудничная тропа», который благодаря геологу Б. Н. Наследову прочно занял место в топонимике Курамы (Наследов, 1935, с. 264).

Берега сая, где было выбрано место для базы геологической партии, богаты меловыми отложениями. Эта часть Карамазара, известная в геологической литературе как Токмакская депрессия, занята чешуйчато перемещенными мезозойскими осадками (Наследов, 1935, с. 15). Как известно, третий период мезозойской эры по обилию мела в основе назван «Табошир». (В толковом словаре таджикского языка слово «табошир» объясняется как: 1. Мел. 2. Сок индийского тростника бело-голубого цвета, обладающий лечебными свойствами. Слово также используется для обозначения наступления рассвета, когда на небосклоне появляется первая бело-голубая полоска наступающего дня (табошири субх) — см. Фарханги забони тоҷики, 1969, сах, 295).

Именно в период мезозоя создавались широкие всхолмленные пространства с мелкосопочником, луговыми и па-

шенными угодьями. Небольшие долины саев (Токмакская, Табошарская и Талская) оказались наиболее культурными и обжитыми частями Западной Курамы. И не случайно здесь возникла опорная база геологов и в соответствии с ландшафтом была названа «Табошир» (меловый, белый), закрепившимся затем за разросшимся рабочим посёлком.

К 1931 г. Табошар был небольшим кишлаком: в 11 хозяйствах проживало 41 человек, а среди окрестных населённых пунктов, да и во всём Карамазаре в этот период наиболее крупным был кишлак Токмак, здесь было 70 хозяйств с населением 315 человек (Список населённых пунктов, 1932, с. 12, 13).

В связи с развёртыванием поисковых работ и началом эксплуатации ряда рудников значение кишлака Табошар усилилось, увеличивалось и население. В октябре 1937 г. Табошар получил статус посёлка городского типа с подчинением Чкаловскому горсовету (ЭСТ, 1987, с. 221), а с 1992 г. — статус города. Табошар связан с центром области г. Худжандом автомобильной дорогой (40 км).

Окрестности г. Табошара (в радиус 6—8 км) представляют большой интерес для археологов. Местность здесь гористая, изрезанная лощинами и руслами пересыхающих саев. По природно-климатическим условиям район пригоден для ведения хозяйства смешанного типа — в небольших ущельях, орошаемых родниками и водой саев — орошаемого земледелия, на адырах — богарного земледелия и скотоводства; здесь много полезных ископаемых, разработка которых началась в древности и средневековье. Именно с этим связано наличие здесь, на относительно небольшой по площади территории, компактно расположенных разнообразных археологических памятников: поселений, замков, погребальных сооружений, древних рудников.

К настоящему времени памятников каменного века на территории Южного Илака не обнаружено. Ещё в 1934 г. район был обследован 29-м отрядом Таджикско-Памирской экспедиции. Руководитель отряда М. Е. Массон отметил, что среди собранного материала отсутствуют находки, относящиеся к каменному веку (Массон, 1953 б, с. 21). В 1985—1986 гг. в составе Илакского отряда СТАКЭ работала группа по изучению памятников каменного века. Руководитель группы В. А. Жуков пришёл к выводу, что «расчленённый долинами многочисленных саев, образовав-

шихся в результате эрозионных процессов последующих (после нанайского времени) эпох, почти полное отсутствие первичного материала для изготовления предметов каменного века, делает шлейф конусов выноса у подножия Кураминского хребта если не бесперспективным, то крайне сложным районом в плане поисков местонахождения памятников каменного века» (Жуков, с. 16). Исследователь отмечает, что к северу от интересующего нас района на одной из террас Алтынопкана, выше кишлака Кургантепа, был найден хорошо выраженный отщеп с изогнутой ударной площадкой, на спинке которого прослеживается параллельная фасетка предыдущих снятий (Жуков, с. 14).

В 2 км к западу от рудника Кони Мансур в середине 50-х годов был обнаружен наконечник копья верхнепалеолитического облика из кремнистой породы (Исламов, Рутковская, 1957, с. 163). Однако эта находка выходит за пределы рассматриваемого нами района.

Таким образом, отсутствие памятников каменного века не позволяет нам, во всяком случае на данном этапе изучения края, говорить о времени заселения и ранних этапах жизни населения этой части Карамазара. То же самое следует сказать и об эпохе бронзы и раннего железа, хотя следует отметить единичную интересную находку времени поздней бронзы: при расчистке внешней стены одной из башен замка Тиркаштепа обнаружен наконечник стрелы из стеатита со шлифованной поверхностью (Салтовская, Пулатов, 1986, с. 396—397).

Южнее Карамазара, в долине р. Сырдарья изучены поселения эпохи развитой и поздней бронзы (Литвинский, Окладников, Рапов, 1962). Жители поселений Кайракумской культуры занимались, наряду со скотоводством, горным делом и металлургией, о чём свидетельствуют находки археологов (Гафуров, 1989, с. 31). Хотя прямых свидетельств нет, исследователи предполагают, что кайракумцы разрабатывали некоторые месторождения Карамазара. Памятники раннежелезного века (VII—V вв до н.э.) хорошо известны восточнее интересующего нас района (Восточная Курама, Северо-Западная Фергана) и исследованы Е. Д. Салтовской (Салтовская, 1972).

Археологические памятники собственно Табошара в основном относятся к I тыс. н.э.

Наиболее многочисленны погребальные сооружения —

курганы и курумы. Вдоль автодороги Худжанд—Табашар, от моста через р. Уткемсу и почти до въезда в Табашар по гребням невысоких гряд разбросаны одиночные курумы и курганчики. Немало их на востоке и северо-востоке от города. На северо-западной окраине Табашара, непосредственно за крайними домами города располагается группа курумов. Все курумы этой группы разрушены местными жителями и ныне представляют кучи из камней и щебня.

Вскрыт и обследован большой одиночный курум, расположенный в небольшой ложбине по левому борту Токмасая, в 1 км севернее города Табашар. До начала работ курум представлял из себя большую груду крупных камней с мелким щебнем. Диаметр каменной насыпи около 14 км. В середине высота насыпи достигает 1,5 м, а к краям понижается (за исключением южной части насыпи, где скопления камней с щебнем образуют как бы ещё две небольшие кучки, примыкающие к основной насыпи). Насыпь в основании имеет кольцо из крупных камней.

При вскрытии курума в центре насыпи зачищена прямоугольная камера. В отличие от насыпи, сложенной из рваного и окатанного камня, зачищенная камера выложена из плоских камней, стены её в верхних частях разрушены, дно заглублено в гравийно-щебёнковую поверхность адыра. Плоские камни перекрытия камеры упали внутрь, повредив при этом костяк погребённого, лежащего головой на север.

Сопровождающий инвентарь небогат—горшкообразный сосуд и два керамических пряслица.

Могильник Чугзхона («пристанище сов»). Это крупный могильник к западу от г. Табашар. Состоит из наземных погребальных сооружений, выложенных из камня — курумов и курганов с каменной и каменно-земляной засыпкой над погребальной ямой. Погребения находятся на надпойменных террасах обоих берегов Такмаксай (Шишоб). В 1981 г. были раскопаны 13 курумов и 5 курганов могиль-

1. Изучением погребальных сооружений окрестностей Табашара занималась отдельная группа Илакского отряда. Работами руководил В. К. Джумаев.

1. Раскопки могильника Чугзхона проводили Е. Д. Салтовская, У. П. Пулатов, В. К. Джумаев. Данные о курумах и курганах приведены по публикациям и дневниковым записям авторов раскопок.

ника (Салтовская Е. Д., Пулатов У. П.), а в 1986 г. изучены ещё 6 курумов и 3 кургана (В. К. Джумаев).

Курумы окрестностей Табошара мало чем отличаются от подобных сооружений остальной части Курамы, хорошо изученных Б. А. Литвинским и Е. Д. Салтовской. Они представляют собой круглую в плане каменную насыпь с погребальной камерой в центре. Форма насыпи в основном уплощенная или полусферическая (бывают, в исключительных случаях, насыпи неправильной формы, подобной раскопанному севернее поселка большому куруму, описанному выше). Обычно насыпь сложена из разных по размерам камней и щебня, а в своём основании имеет кольцо из одного—двух рядов крупных камней. Диаметр насыпи раскопанных курумов Чугзхона колеблется от 6 до 12 м, а их высота — 0,5—1,3 м. Погребальные камеры в виде каменных «ящиков» почти во всех случаях располагаются в центре насыпи. Нередко контуры «ящиков» хорошо просматриваются ещё до вскрытия. Дно камер заглублено в материковом щебне. Наблюдение в раскопанных курумах Чугзхона показало следующее: а) «ящики» — камеры сложены из плоских камней, таковыми и перекрывались, б) по форме камеры прямоугольные, реже овально-вытянутые, в) размеры в пределах: длина — 2—2,7 м, ширина 0,6—1,2 м, глубина — 0,6—1,8 м.

На дне ямы в галечно-щебенчатой засыпке расчищены кости человеческого скелета, лежащего головой на север. Почти всегда в погребениях имеется сопровождающий инвентарь: один или несколько керамических сосудов (миски, кружки, горшки), целых форм или их фрагменты, пряслица, иногда изделия из металла.

В одном из раскопанных курумов (№ 10) находки вообще отсутствуют, некоторые из них (№ 11, 13, 16) оказались кенотафами — поминальными сооружениями. Многие камеры оказались разграбленными ещё в древности (Салтовская, Пулатов, 1988, с. 32—55).

Один курум (№ 3) несколько отличается по форме от других — имеет форму двухступенчатой пирамиды. Это мугхона с двойным рядом стен, внешний из которых сложен из крупных камней. Камера оказалась небольшого размера: 1,7х1,15 м. К камере ведёт проход—коридор длиной 2,5 м. Погребённый лежал, как и в других курумах, головой на север. Рядом с ним найдены лепная миска, станковый сосуд типа горшка, светлоангобированный кувшин, несколько

фрагментов кружек. Здесь же находились три железных ножа и один браслет (Салтовская, Пулатов, 1988, с. 35).

Исследователи могильника Чугзхона на основе сопоставления и анализа, полученных в ходе раскопок материалов, датировали вскрытые курумы могильника III—IV вв. н.э. (Салтовская, Пулатов, 1988, с. 45).

Как было отмечено выше, в могильнике Чугзхона с курумами соседствовали и курганные захоронения. Эти погребения представляли собой лёссово-щебенчатую насыпь с могильной ямой.

Всего раскопано 7 курганов. Их насыпи по размерам близки к каменным насыпям соседних курумов: круглые в плане, диаметр от 12 до 16 м, высота — от 1,1 до 1,8 м., чётких внешних колец из камней по основанию насыпи не наблюдается. Насыпь по структуре — лёссово-щебенчатая, с включением небольшого количества камней средних размеров.

Могильные ямы находятся в центре кургана и начинаются от современной дневной поверхности. По форме двухчасты: дромос (впускная яма) и катакомба (погребальная камера). Впускные ямы с вертикальными стенками имеют в плане овально-вытянутую форму, ориентированную по линии С—Ю. Размеры дромосов курганов: длина 3,5—3,7 м, ширина 1,15—1,2 м, глубина 2—2,4 м. Дно щебенчато-гравийное, а остальной объём впускных ям до дневной поверхности заполнен камнями разных размеров попеременно с гравийно-щебенчатой засыпкой.

В северо-западном углу дромоса — катакомба, вход в которую заложен рядом плашмя лежащих каменных плит или крупными камнями. Размеры катакомб: длина 2,2—2,5 м, глубина 0,9—1,0 м, высота 1,0—1,2 м.

В катакомбах двух курганов были обнаружены женское (в кургане № 5) и мужское (в кургане № 6) захоронения.

Скелеты лежали на спине в вытянутом положении, головой на север. Погребальный инвентарь обоих захороненных очень интересен и отличается по набору предметов. Керамика присутствует в обоих погребениях — это лепные

1. По определению антрополога Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Т. П. Кияткиной, возраст погребенной 25 — 30 лет, рост 150 — 155 см, возраст погребенного мужчины 55 — 65 лет, рост приблизительно 174 см. — Салтовская, Пулатов, 1988, с. 49, 52.

сосуды разных форм. Кроме них рядом с погребенной был обнаружен ряд предметов, характерных только для женских захоронений: железный косметический пинцет, бронзовое зеркало дисковидной формы с боковой ручкой, косметическая палочка (сурматаш), много разных бусин и игольник с железной иглой. Последнее изделие очень интересно и представляет собой изделие из трубчатой кости животного, украшенное сложным резным орнаментом (длина игольника 8 см).

В погребении мужчины рядом с костяком лежали однолезвийный железный меч (длина 91 см), железный трёхлопастный черешковый наконечник стрелы и однолезвийный железный кинжал (длина 22,5 см), деталь костяной обкладки лука.

Курганные захоронения Чугзхона по устройству и сопровождающему инвентарю подобны погребениям, распространенным во многих частях Кураминского хребта и детально изученным Б. А. Литвинским (Литвинский, 1972, с. 148—176). Исследователи могильника Чугзхона на основе анализа полученного из погребений материала, сопоставления предметов сопровождающего инвентаря с аналогичными из других курганов датировали курганы Чугзхона II—IV вв. н.э. (Салтовская, Пулатов, 1988, с. 55).

Три раскопанных кургана (№ 1, 7, 8) оказались поминальными сооружениями. Под насыпью могильных ям не оказалось, за исключением кургана № 1. Чуть ниже уровня дневной поверхности зачищено сооружение из сырцовых кирпичей, под которым был слой мягкого лёссового суглинки. Ближе к центру кургана обнаружена неглубокая яма без захоронения.

На некотором удалении от могильника разбросаны одиночные курумы, и курганы. В 7 км. на запад от г. Табашар были раскопаны ещё два кургана, материалы которых полностью повторяют курганы могильника Чугзхона.

Замок Тиркаштепа. Значительным памятником г. Табашар является замок Тиркаштепа, по времени функционирования примыкающий к описанным выше погребальным сооружениям Южного Илака (III—IV вв. н.э.).

Памятник располагается на юго-западной части города Табашар. Впервые осмотрен сотрудниками Карамазарского отряда (руков. Е. Д. Салтовская) в 1959 г. при разведочных маршрутах в юго-западных районах Кураминского

хребта. Вторично холм был осмотрен археологом П. Т. Самойликом в 1972 г., а начало археологическому изучению памятника положили небольшого объёма раскопочные работы Западно-Ферганского отряда СТАКЭ в октябре—ноябре 1975 г. (руководил работами П. Т. Самойлик). Все это время памятник фигурировал под названием Актепа I. Памятник раскапывался в течение трёх полевых сезонов (1978—1980). При раскопках поздней части замка, по всему периметру обнажились хорошо сохранившиеся бойницы и памятник получил новое название — Тиркаштепа («тиркаш» — бойница, тадж.), впоследствии закрипившееся за раскапываемым объектом.

Замок раскопан полностью. Изучены три строительных горизонта. Первоначальный, самый ранний, горизонт датирован III—IV вв. н.э., верхний — V—VI вв. н.э. Результаты раскопок опубликованы руководителями работ Е. Д. Салтовской и У. П. Пулатовым (Салтовская, 1984, с. 292—313; Она же, 1980, с. 478; Салтовская, Пулатов, 1986, с. 388—397; Пулатов, Салтовская, 1987, с. 332—345).

Холм Актепа I (Тиркаштепа) имел форму усеченной пирамиды, с прилегающей к ней с юга площадкой-двориком. С восточной стороны дворика, согласно описанию памятника П. Т. Самойликом, ещё до начала раскопочных работ прослеживался подъезд—пандус, а в обрезах самого холма были видны остатки сложенных из сырцового кирпича стен, мощные зольные прослойки, насыщенные костями животных и керамикой. У юго—западного основания холма, на ровной площадке, функционировали природные источники с питьевой водой.

Раскопки показали, что памятник функционировал на протяжении нескольких столетий, со временем менялся и архитектурный облик самого здания.

Самое раннее по времени возведения здание Тиркаштепа представляло собой комплекс из центрального подквадратного зала и огибающих его со всех сторон четырёх узких коридорообразных помещений. Планировка здания и наличие в юго-восточном углу центрального зала колодца с водой дали основание исследователям памятника У. П. Пулатову и Е. Д. Салтовской предположить, что Тиркаштепа в

1. Характеристика периодов функционирования памятников Тиркаштепа дается по публикациям исследователей — авторов раскопок.

начальном периоде функционирования являлся храмом богини плодородия и вод Анахиты (Пулатов, Салтовская, 1987, с. 343).

Через некоторое время планировка здания претерпела изменение — посредством постройки стены центральный зал был разделён на два узких помещения. После перестройки комплекс приобрёл коридорно-гребенчатую планировку. Изменилось и функциональное назначение здания — храм превратился в замок. Выявлены два строительных горизонта замка: нижний и верхний.

Замок Тиркаштепа нижнего горизонта хорошо сохранился. В комплексе шесть помещений. Четыре узких помещения по периметру здания близки друг другу по размерам (11, 10х2,15 м; 11,45х2,30 м; 11,20х2,10 м; 11,25х2,25 м;) их связывали узкие арочные проёмы. Центральные два помещения (бывший зал храма, разделённый надвое) несколько меньшего размера — 6,20х1,65. Главный вход располагался в центре южной стены замка и вёл в первое помещение — одно из вышеназванных четырёх узких помещений, расположенное вдоль южной стены периметра замка. Первое помещение имело три арочных проёма: два крайних вели в боковые помещения, средний соединял с центральными.

Стены всех помещений замка до высоты 100—105 см пахсовые, выше идёт регулярная сырцовая кладка вперевязку. Кирпичи квадратные, размером 39—41 х 39—41 х 9—12 см. При зачистке западной стены помещения № 3 обнаружены два световых проёма. Ещё два проёма зачищены в северной стене помещения № 5. Один из них несколько отличается от других по устройству и размерам. Исследователи памятника считают, что он служил одновременно для освещения и вентиляции воздуха (Пулатов, Салтовская, 1987, с. 341). Свод помещений Тиркаштепа (за исключением пом. № 4) ползучий, сложен в технике поперечных наклонных отрезков. При этом, в отличие от стен, использован сырец прямоугольного формата (52х30х10 см). Высота от пола до замка свода помещений колеблется от 3,50 до 3,90 м.

Исследователи отмечают немногочисленность находок при раскопках замка раннего периода: обнаружены, главным образом, небольшие фрагменты керамической посуды III—IV вв. н.э. В конце функционирования, в IV в., здание

Рис. 1. Центральная часть Ленинабадской области.

замка было полностью забутовано кирпичами и глиной (Пулатов, Салтовская, 1987, с. 343).

В следующий строительный период, в IV—V вв, обитатели Тиркаштепа, забутовав нижний замок и приставив мощные дополнительные стены, значительно расширили площадку для новой постройки. Замурованный замок III—IV вв. стал высокой искусственной платформой-стилобатом. Возведённый на стилобате замок представлял собой квадратное здание из 7 помещений и 4 башен по углам. Планировка несколько иная, чем в предыдущий период. В центре — большой зал, огибаемый с севера, востока и юга узкими коридорообразными помещениями, а с западной стороны располагались три небольшие, подквадратные в плане комнаты. Главный вход в замок был в восточной стене. Сообщение комнат осуществлялось через проёмы. В середине центрального помещения раскопана монолитная тумба (размеры 7х3,5х2,5 м) с оштукатуренными боковыми поверхностями (Салтовская, 1984, с. 306).

Стены помещений замка сохранились на высоту 2,5—2,7 м, за исключением помещения № 5, где они несколько ниже других и достигают 0,7—2,5 м. Все стены возведены из сырцового кирпича прямоугольного формата; в некоторых случаях наблюдается комбинация кирпичей с пахсой. Кирпичные подпорки на нескольких участках и многослойная штукатурка стен почти всех помещений указывают на неоднократные ремонтные работы (Салтовская, 1984, с. 308). В северном и южном помещениях (№ 4 и 7) расчищены суфы, а в двух других (№ 2 и 6) — сводчатые ниши. Толщина внешних стен замка достигает 1,5—2 м, а внутренних — до 1,5 м.

По углам здания раскопаны четыре круглые в плане башни, возведенные из прямоугольных кирпичей. Однако их сохранность неудовлетворительная, за исключением одной из них. Тщательная зачистка последней позволила представить форму башен. Судя по наиболее хорошо сохранившейся, стены башен постепенно сужаясь кверху, смыкались в купол. Поверхности были хорошо оштукатурены. На стенах башни № 2 зачищены 13 щелевидных бойниц, расположенных в шахматном порядке. Высота бойниц 85—90 и 42—45 см, а ширина их равняется 11—16 см. Подобные бойницы расчищены и в башне № 1, а также на южной и западной стенах замка. К концу существования башни утратили своё первоначальное назначение и были

превращены сначала в жилые помещения, а позднее — в места выброса отходов. Проёмы, соединявшие башни и внутренние комнаты замка, в этот период заложены кирпичами. К этому же времени относится закладка и обмазка всех бойниц на внешних стенах Тиркаштепа (Салтовская, 1984, с. 302).

Кроме помещений собственно замка, было вскрыто одно помещение дворовой застройки. Оно примыкает снаружи к юго-восточной башне. По содержанию заполнения помещения, сильно обгорелым стенам и, в общем, по ситуации и аналогиям с другими памятниками предполагается, что эта комната выполняла функции хозяйственного помещения, вероятнее всего кухни (Салтовская, Пулатов, 1986, с. 395).

Раскопки замка второго строительного периода дали богатый материал. Среди находок наконечник стрелы, часть стеклянного бокала, многочисленные изделия из камня; зернотёрки, оселки и пряслица разных форм, подвески, ядра, косметические принадлежности (сурьматаш). Но основную массу находок составлял разнообразный керамический материал. Керамика Тиркаштепа этого периода находит аналогии в материалах памятников Каунчинской культуры и датирована раскопщиками замка IV—V вв. н.э. (Салтовская, Пулатов, 1986, с. 397).

Если в первоначальный период своего функционирования Тиркаштеп был, вероятно, зданием культового назначения, то во второй период все выглядит иначе; мощные полутораметровой толщины стены и башни, снабженные многочисленными бойницами. Тиркаштеп этого периода, вне всякого сомнения, представляет собой классический образец раннесредневековой сельской усадьбы замкового типа (Салтовская, Пулатов, 1986, с. 395).

Постройки последнего по времени — верхнего строительного горизонта плохо сохранились. Раскопаны три смежных помещения, вытянутых по линии северо-юг. С юга к ним примыкает четвертая комната, также узкая в плане, коридорообразная. Параллельные комнаты соединены с последней проемами. Стены помещений, сложенные из кирпичей формата 55х35х10 см и 38х36х10 см и покрытые глиняной штукатуркой, сохранились на высоту до 40 см. Вдоль одной из стен комнат зачищены суфы-лежанки.

По полученному значительному керамическому материалу последний этап жизни памятника был датирован V—VI вв. н.э. (Салтовская, 1984, с. 295).

Таким образом, Тиркаштепа, построенный как храм, позднее был перестроен в замок. Период обживания памятника охватывает от III до VI вв. н.э. Раскопки памятника представили богатый материал по истории Южного Илака. Особенно неопределимы данные по архитектуре и строительному делу. Открытый замок оказался выдающимся архитектурно-фортификационным памятником, характеризующим уровень развития и достижения зодчества этой историко-культурной области в пору раннего средневековья (Негматов, 1986, с. 357).

Рудники и древние выработки. Раннесредневековая область Илак в работах арабских географов предстаёт как район, богатый полезными ископаемыми. Здесь существовал крупный государственный рудник Маадин-аш-Шаш, рудник Шаша (Чача). В горах Илака добывали многие виды цветных металлов и драгоценных камней (особенно богаты были запасы серебра и бирюзы). М. Е. Массон допускает, что уже в IV в. н.э. на Карамазаре существовала разработка месторождений меди и золота, но максимальный расцвет разработки месторождений, пик горной промышленности Илака приходится на IX—XI вв. н.э.

При маршрутных исследованиях как русских геологов XIX—нач. XX вв., так и во время работ отрядов Таджикско-Памирской экспедиции в 20-нач. 30 гг., на Карамазаре были зафиксированы многочисленные памятники горнорудного промысла, которые являлись свидетельством существования здесь богатых месторождений (Абдурахимов, 1977, с. 119; Он же, 1979, с. 150).

Наиболее крупное скопление древних выработок обнаружено в среднем течении Табошарсая (рис. 2). Общее количество их достигает 50. Самый крупный рудник расположен на восточном склоне сая. Древние выработки сравнительно небольшими и разрозненными группами располагаются вблизи главного рудника Табошар, который представлял собой одну наклонную и две вертикальные шахты. Остальная часть рудного поля разрабатывалась щелеобразными открытыми выработками, переходившими в подземные работы (Наследов, 1935, с. 225; Бураков, 1974, с. 84). Основная часть выработок к настоящему времени замята и заделана.

Отдельные выработки зафиксированы и ниже по течению Табошарсая. Небольшая группа древних рудников рас-

положена на юго-западе от рудника Табошар—по берегу Сарымсаксая.

Открытые выработки с отвалами отмечены и на левом склоне по среднему течению Долоньсая (вблизи от автомобильной дороги).

На водоразделе саев Долона и Тал, в гранитах видны две небольшие выработки. Ещё одна небольшая древняя выработка расположена в гряде, на правом склоне Долоньсая. В 1 км к северо-западу от кишлака Токмак отмечены две пещерообразные выработки и штольня длиной до 20 м. Местное население издавна добывало здесь квасцы для обработки шкур (Наследов, 1935, с. 281).

Богаты месторождениями и соседние с Табошаром участки Карамазара. Так, только в Конджоле (к востоку от Табошара) геологом Н. Б. Наследовым зафиксированы около 1500 древних рудников, из которых, по приблизительным подсчётам ученых, было добыто около 2000 т. серебра (Абдурахимов, 1979, с. 151). Много древних выработок и к западу от Табошара — в районе Такели. Севернее Табошара расположены рудники Алтынтопкана.

Рудники Табошара эксплуатировались очень интенсивно. Вместе с рудниками Конджола они стояли на втором месте в Карамазаре (после Конн Мансур). Объем выработок рудников Табошара и Конджола составлял 26% объема выработок всего Карамазара (Наследов, 1935, с. 9). К настоящему времени почти все древние рудники окрестностей Табошара завалились, запылились наносами. О подлинном масштабе работ судить трудно. Однако огромные отвалы пустых пород, значительная глубина штолен свидетельствуют, что здесь проделана огромная работа.

В окрестностях Табошара, в основном велись работы по добыче серебра. Обследование отвалов показало, что древние рудокопы хорошо знали своё дело — опробованные породы были тщательно использованы и сейчас содержат ничтожное количество свинца и марганца (Наследов, 1935, с. 265).

Многочисленные рудники и древние выработки—это не только исторические памятники. Если для историков изучение средневековых рудников позволяет восстановить уровень знания древних рудокопов о полезных ископаемых, методы их работ по добыче, судить об инструментах, применяемых при работах в штольнях, то геологи могут использо-

вать древние рудники для обогащения своих знаний в определении минералогических составов рудных тел и форм их залегания в данном районе, а также в качестве надёжных поисковых признаков (Исламов, 1954, с. 97—102; Петрунь, 1959, с. 124—131).

Как показали исследования известных советских геологов С. Ф. Машковцева, Н. Б. Наследова и других, большинство разрабатывавшихся в древности месторождений Западного и Восточного Карамазара оказались перспективными и в настоящее время. (Массон, 1934, а, с. 53—54; Абдурахимов, 1979, с. 150). Изучение древних горных выработок позволило геологам заново открыть ряд крупных месторождений Карамазара, так как они являлись надёжными поисковыми признаками.

Хронологически все археологические памятники окрестностей Табошара укладываются в 1 тыс. н.э, а их разнообразность позволяет охватить вопросы истории района в указанный период.

Глава III

Раскопки замка Каппатепа

Памятник представляет собой холм овальной формы (пл. 0,25 га. при высоте 13 м), расположен на южной оконечности адырной гряды по левому борту ущелья Токмак-сая. Визуально холм похож на хорошо известные в Средней Азии раннесредневековые тепа с площадкой¹. При выборе места для строительства замка был хорошо использован рельеф местности: южная оконечность вытянутой адырной гряды была отделена от её остальной части искусственным рвом, а затем на разровненной площадке возведены строения. Таким образом, слегка подправленная галечно-лессовая оконечность адыра стала естественной платформой под будущее здание замка. Ровная территория между зданием и рвом была превращена во двор.

По всей поверхности холма до начала раскопочных работ, лежали фрагменты керамики, главным образом лепных изделий. В северо-восточной части — две—три неглубокие ямы — результат изыскательских работ геологической партии, работавшей в окрестностях г. Табошар в 1983-1984 гг. в связи с предстоящими работами по строительству водозабора. Судя по отвалам керамических фрагментов, шурфы геологов прорезали культурные слои памятника. Самая пологая часть склонов холма — в северо-западной части, по всей вероятности, именно здесь и находился подъем к замку. Западное подножие холма Каппатепа — самая широкая часть ущелья Токмаксай, обильная родниками. Маловодная речушка Токмаксай, берущая начало с

1. Данный холм известен у жителей окрестных кишлаков под двумя названиями: Актепа и Каппатепа. Учитывая многочисленность часто употребляемость в археологической литературе памятников с названием Актеппа, мы отдали предпочтение второму названию, хотя и менее употребляемому местными жителями. О подобных памятниках на территории Чач-Илака см.: Буяков, Касымов, Ростовцев, 1973, с. 85/583, 89/618, 92/640) и др.

ручейков Кураминского хребта, в летний период пересыхает. Основная часть воды в виде родников выходит на поверхность у холма Каппатепа и сливается в один ручей. Вдоль речушки вверх по ущелью тянется старая грунтовая дорога, ведущая к Алтынтопканскому перевалу через хребет и далее в долину р. Ахангаран — центральную часть средневекового Илака.

Как видно из описания месторасположения памятника, замок был построен при выходе из ущелья в широкую долину — в восточную часть Дальверзинской степи, расположенную между хребтами Курама и Моголтау. Уже само расположение памятника указывало на его ключевую позицию в торговле на приграничной полосе между Илаком и Ходжентом.

Решение о полном вскрытии этого памятника — замка Каппатепа — определялось и рядом других обстоятельств. Замковое зодчество Средней Азии эпохи раннего средневековья в целом изучено достаточно хорошо: определены особенности замково-крепостного строительства Хорезма (Неразик, 1963; Она же, 1966), разных частей исторического Согда (Нильсен, 1966; Кабанов, 1958; Он же, 1977; Он же, 1981; Якубов, 1988; Шишкина, 1963), Северного Тохаристана (Альбаум, 1960; Он же, 1965; Аннаев, 1988), Уструшаны (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973; Пулатов, 1975; Он же, 1976; Он же, 1977; Он же, 1978), Ферганы (Горбунова, 1965; Она же, 1966; Она же, 1971; Она же, 1972) и Чача (Филанович, 1978; Она же, 1983). К сожалению, этого нельзя сказать об Илаке, особенно о его южной горной части. В Табошаре был раскопан первый на таджикистанской части Илака памятник замкового зодчества — Тиркаштепа, яркий образец фортификационного искусства этой области, здесь были получены материалы III—IV вв. н.э. Подъемный материал с холма Каппатепа датировался в пределах V—VIII вв., т.е. раскопки этого памятника в значительной степени восполнили бы пробел в изучении материальной культуры Илака, раннего средневековья.

Руины замка, возведенного из сырца на адыре, четко выделяются в окружающем ландшафте. На фоне грязно-желтого галечника адыра выжженная пахса возвышается белым бугром. Видимо, с этим связано одно из названий холма — Актеппа. Это один из наиболее распространенных

топонимов для обозначения искусственных холмов в Средней Азии. Очень интересно предположение М. Е. Массона по этому вопросу. Он считает, что топоним «Актеппа» (белый холм или бугор) — это осмысливаемое населением наименование, указывающее на бывшие местопребывания прежних владельцев, т.е. как развалины замков или укрепленных усадеб дикхан-феодалов (Массон, 1953б, с. 5). Другое название холма, принято нами как основное — Каппатепа (холм-шатёр, холм-шалаш), видимо, связано с формой холма, издали выделяющегося на фоне окрестных адыров.

Среди жителей близлежащего кишлака Токмак, расположенного в 1 км западнее Каппатепа вниз по течению Токмакская, существует предание о том, что под этим холмом зарыт большой котёл с сорока ушками, в котором готовили пищу для жителей всей округи. Согласно преданию, раскопки холма приведут к потопу: вылившаяся из котла вода зальёт всё вокруг холма. Сюжет о большом котле часто встречается в преданиях жителей разных частей Средней Азии: так, хорошо известен большой котёл с сорока ушками из Туркестана. По преданию жителей к. Лангар в Науском районе Таджикистана, этот котёл раньше находился в мавзолее Лангарата, а затем был перевезён в Туркестан (Билалов, 1980, с. 72).

Раскопочные работы начались в северо-восточной части холма (рис. 3). Здесь заложен раскоп № 1 размером 8х4 м. Под дерновым слоем грунт не очень плотный — серый лёсс с вкраплениями мелкого щебня. Уже в конце 1 яруса прослеживается стена по оси север-юг. Дальнейшая зачистка показала, что в северной части раскопа стена под прямым углом поворачивается на восток. В этой части раскопа наметились углы двух смежных помещений. Слой первого яруса (от репера) насыщен обломками сырца и многочисленными фрагментами лепной керамики, среди которой встречаются отдельные части изделий станковой работы, в основном стенки и донца сосудов. Среди находок нижняя часть кувшина, фрагменты венчиков, стенка закопченного котла с ручкой, петлевидные ручки кружек. По обнаруженным фрагментам трудно восстановить форму изделий. По составу теста и технике изготовления фрагменты керамики 1-го яруса идентичны подъёмному материалу.

В южной части раскопа 1 обнаружена стена по направлению 3—В, перпендикулярная ранее обнаруженной. Таким

образом, был зачищен юго-восточный угол помещения. На удалении 1 м от угла на запад зачищен проход, выводящий из помещения за пределы раскопа. По характеру грунта северная и южная части раскопа отличаются друг от друга: в северной — более плотный, с обломками сырца и кусков пахсы, в южной — рыхлый порошкообразный лесс с гумусом и золой. Здесь встречаются кусочки обгорелой древесины, угля, фрагменты керамики. Среди находок — металлические наконечники стрел, гвоздь и фрагменты стекла. Интересна хорошо сохранившаяся ножка стеклянного бокальчика.

В начале второго яруса порошкообразный лесс по всей площади раскопа, лишь в его юго-западной части — зольник, насыщенный фрагментами керамики, среди них пряслица, два металлических изделия. К сожалению, из-за сильной коррозии форму и функциональное назначение изделий трудно определить. Полная зачистка раскопа на уровне II яруса показала следующую картину.

В северной части зачищен скелет головой на север, однако его анатомический порядок был нарушен — кости лежали в беспорядке. Судя по размерам костей здесь был погребён ребёнок. Сопровождающий инвентарь отсутствовал, что затрудняет датировку погребения. Судя по всему, погребение было совершено после прекращения жизни на Каппатепа, в мусульманский период. В западной части раскопа полоса рыхлого грунта, перемешанного с золой. Здесь, на двух участках — скопления камней средних размеров. Под камнями — зола, угольки и кости. Вокруг и среди камней был сделан ряд интересных находок: многочисленные фрагменты мелкопузырчатого стекла разных цветов и стеклянных изделий (ручка кружки, поддон, стенки и ножки рюмок), металлические изделия, куски шлака и две серебряные монеты. Очень много фрагментов керамики, среди них и станкового производства. Здесь же был обнаружен единственный за весь полевой сезон фрагмент поливного изделия — часть чашечки, покрытая плотной коричневой глазурью. Других глазурованных фрагментов керамики на территории раскопа не было обнаружено.

В южной части раскопа на этом уровне зачищен ряд кирпичей (размеры 50x25x10 см), которые поставлены под углом к северу. Дальнейшее углубление показало, что в следующем, III ярусе, под вышеописанными кирпичами

рыхлый лёсс; т.е. зачищенный ряд кирпичей как бы «повисает» в воздухе. Возможно, это часть свода.

Ввиду того, что в раскоп попали отдельные части смежных помещений, площадь раскопа была расширена на запад ещё на 6 м (размер новой прирезки 6х8 м). На уровнях II—III ярусов от репера обозначались контуры нескольких помещений, соединённых между собой проходами.

Раскоп № 2. Для выяснения характера культурных наслоений южной части холма был заложен раскоп 2 (размеры 6х2 м), вытянутый с запада на восток. Под дерновым слоем в этой части холма — рыхлый лёсс серого цвета с отдельными кусками сырца. Архитектурные остатки на уровне верхнего яруса отсутствуют. В центре раскопа — скопление камней среднего размера, вокруг которых зольные пятна, обожжённый грунт (комья глины красно-бурого цвета). Здесь же были обнаружены фрагменты стеклянных и керамических изделий. Интересна горловина керамического сосуда с двумя рядами вертикальных насечек; от венчика до плечика сосуд. Рядом был найден груболепной котёл со следами копти на стенках. Тулово округлой формы. Венчик и тулово соединены вертикальной ручкой с жгутовым орнаментом — насечками, что характерно для изделий подобного рода с памятников Каунчи II и III, а также комплекса Мингурюк Ташкентской области (Буряков, 1975, с. 130, рис. 48, 9, 10). Кроме фрагментов керамики найден неповреждённый бронзовый колокольчик.

В начале III яруса рыхлый грунт сменился более плотным: местами встречались комья глины и обломки кирпичей. В центре раскопа № 2, под камнями расчищено подковообразное в плане сооружение из пахсы, со следами воздействия огня, возможно это очаг, а вокруг — камни. К западу от очага, на расстоянии 1,5 м. найдены многочисленные фрагменты стекла, небольшой обломок ножа и миниатюрная бронзовая (?) ложечка (длина 11 см, диаметр стержня — ручки — 0,4 см.). В северо-западной части раскопа расчищен отрезок оштукатуренной стены. В самом углу раскопа стена закругляется, образуя своеобразную, округлой формы нишу. Ниша заполнена лёссом, насыщенным органическими остатками, золой, и мелкими камушками. Здесь найдены фрагменты керамики, в основном стенки сосудов, изготовленных на гончарном круге; петлевидные ручки кружек (2 шт.): верхняя часть кувшина (горловина

с венчиком и часть тулова с ручкой), верхняя часть горшка-котелка с закопченными стенками, на которых с двух сторон имеются дугообразные ручки; донные части небольших сосудов, похожих на чашевидные кубки, венчик хума с насечками по нижней внешней стороне. Остальная часть керамического материала сильно фрагментирована и не дает форму изделий. Наряду с керамикой, обнаружены фрагменты мелкопузырчатого стекла разных цветов, плоское каменное пряслице; два железных изделия, один из которых похож на нож. Раскоп № 3 был заложен на восточном склоне холма. Размеры 8х2 м. Раскоп вытянут по оси север-юг. Основной целью работ в этой части памятника — выяснение назначения упорядоченной каменной выкладки по всей окружности холма. На 8-метровом отрезке производилась зачистка, которая показала, что холм опоясан вымосткой из рваного камня. Зачищены 3-4 слоя камней, образующих вертикальную каменную стенку высотой 60-80 см. Никаких находок вдоль очищаемой стенки не обнаружено. По всей вероятности, эта кладка — укрепление краев платформы под зданием от оползней.

Таким образом, раскопочные работы велись почти по всей площади памятника, за исключением площадки (двора), примыкающей с севера к основному холму.

На уровне III яруса в раскопках 1 и 2 оконтурились помещения, и основные усилия сотрудников отряда были направлены на их зачистку и выяснение функционального назначения. Дальнейшая зачистка, фиксация находок и описание велось по помещениям раскапываемого комплекса (рис. 2).

Помещение № 1, наиболее хорошо сохранившееся из всех, расположено в северо-восточной части комплекса и несколько выступает от его остальной части. В плане прямоугольное (близкое к квадрату), размером 3,85х3,45 м. Стены помещения, сложенные из крупноформатных прямоугольных кирпичей, сохранились на очень большую высоту: в юго-западном углу достигает 4,2 м, в других точках немного ниже, но в пределах 4 м. На внутренней поверхности стен сохранилась штукатурка (лучше на северной и западной стенах).

На удалении 2,5 м от северо-западного угла помещения северная стена обрывается, оставляя пространство для прохода в угол. Ширина проема 1 м, толщина северной стены (по проему) 1 м. Этот проем выводит из помещения № 1

во двор. Проём арочный, начинается на уровне III яруса от репера и заканчивается в конце VII яруса, т.е. высота проёма равна 2 м. Западная стена на удалении 2,5 м. от северо-западного угла помещения № 1 поворачивает на запад. Как было отмечено выше, северная и западная стены хорошо оштукатурены.

Восточная стена обмазку не сохранила. На удалении 2 м. от северо-восточного угла на стене прослеживаются контуры сводчатого проема.

На отдельных участках южной стены сохранились следы штукатурки. В 20 см от юго-восточного угла помещения № 1, на южной стене также имеется сводчатый проход, но он невысокий, ширина прохода 60 см. Южная стена не смыкается с западной, а на удалении 2,2 м от угла поворачивает на юг, образуя восточную стену помещения № 2.

Все стены в своих нижних частях имеют следы воздействия огня. Западная стена на уровне VII—IX ярусов сохранила копоть. Северная стена на этих же уровнях буровато-коричневого цвета, сохранились многочисленные угольки, ввевшиеся в обмазку стены. Следы воздействия огня наблюдаются и на восточной стене; они здесь и выше на 1 м, т.е. начинаются с уровня V яруса. Хорошо заметны чередующиеся красно-оранжевые и буро-коричневые полосы. В юго-западном углу помещения большое скопление угольков.

Пол помещения зачищен на уровне IX яруса. Заполнение неоднородное: в верхних ярусах неплотный, местами рыхлый, порошкообразный серый лёсс, в внизу чаще плотные массивы с обломками кирпичей или кусками пахсы. В северо-западном углу — группа крупных камней, а на юго-западной части — плотный завал из кирпичей, который, начинаясь в самых верхних ярусах, доходит до уровня пола. В заполнении помещения на уровне IV—V ярусов зачищены две обгоревшие балки. Они лежали наклонно вдоль северной стены помещения, понижаясь к востоку. Диаметр обгорелых балок 12-14 см. В других частях помещения крупных балок нет, но много зольных линз, особенно у восточной стены. Линзы имеют наклон от севера на юг.

В нижних ярусах особенно участились фрагменты керамики. На полу были обнаружены два небольших хума ручной лепки. В одной из них был маленький лепной сосуд. На уровне VII—VIII ярусов было обнаружено много фрагментов керамики. Пол зачищен в конце V яруса. В

центре помещения на полу обнаружена археологически целая хумча, лежавшая на боку. Сосуд лепной, неровного обжига, тесто с примесью шамота. Венчик слегка отогнут наружу. Размеры хумчи: высота 45 см, диаметр венчика 25 см, диаметр донца 33 см, прямая горловина 4 см. По всей вероятности, сосуд лежал на полу, обвалившиеся сверху кирпичи придавили его, и он треснул. Вокруг хумчи грунт темно-коричневого цвета. К западу от сосуда и на расстоянии 1 м. к северу от него лежали несколько кусков обгорелого дерева, видимо, балки. Камни и фрагменты керамики, обнаруженные здесь же, имеют следы воздействия огня. Найден фрагмент интересного сосуда — нижняя часть изделия (вероятно, ножка), похожая на ножки крупных бокалов (размеры: сохранившаяся высота 25 см, диаметр нижней части 9 см). На дне, с края имеется отверстие. В самой нижней части боковых поверхностей ножки диаметры расположены ещё два небольших отверстия.

Вся нижняя часть помещения № 1 над полом завалена обломками сырцовых кирпичей. Иногда встречаются целые кирпичи. Среди них, в 20 см над поверхностью пола, найдена лепная круглодонная чашечка (размеры: диаметр 11 см, высота 3,5 см, толщина стенок 0,6 см) тесто грубое, содержит многочисленные мелкие белые вкрапления гипса и шамота. Сосуд подвержен сильному воздействию огня. Рядом найдены две косточки персика (?), они также обгорелые. Как было сказано выше, лесовое заполнение в нижней части помещения коричнево-бурого цвета. Некоторые сырцовые кирпичи обожжены до красноты. В юго-западном углу помещения лежал хум, верхняя часть которого разбита. Внутри него — кирпич большого формата. По всей вероятности, этот кирпич, упав на хум сверху, разбил его и оказался внутри него.

Завал юго-западного угла помещения № 1, начинаясь от верхних ярусов, доходил до пола. Зачистка показала, что многие изделия, бывшие на полу, оказались раздавленными упавшей на них сверху массой глины и кирпича.

На полу, под завалом раскопан большой хум кружального изготовления с потеками коричневой краски по тулову. При зачистке пола найдена каменная бусина ромбичес-

1. В правобережье среднего течения р. Сырдарья подобные изделия с потеками краски по тулову характерны для V — VIII вв. (см.: Левина, 1971; Буряков, 1982, с. 83).

кой формы. Недалеко от вышеописанного хума на полу встречен фрагмент металлического изделия, похожего на наконечник стрелы. В смежном для двух помещений № 1 и № 2 углу, среди обломков кирпичей завала зачищен хум, но сохранилась только его нижняя часть. Диаметр донца равен 42 см. Рядом лежал перевёрнутый алебастровый столик — дастархан на трех коротких ножках. Диаметр поверхности столика равен 43 см. Кроме этого здесь же в углу помещений обнаружено много фрагментов керамики, в основном большеемкой тарной.

Помещение № 1 зачищено полностью, до поверхности пола, который был обнаружен на глубине 4,5 м от реперной точки. Заполнение помещения разнохарактерное: рыхлый лесс, плотный завал из кусков битых кирпичей и уплотненный грунт вперемежку. На полу много фрагментов керамики. В нижней части помещения обмазка стен, разные участки заполнения и находки имеют следы воздействия сильного огня. В северо-восточном углу зачищен проем, выводящий из помещения во двор. При зачистке данного проема были обнаружены фрагменты керамики и металлическое изделие, по форме напоминающее наконечник стрелы.

Помещение № 2. Юго-западнее помещения № 1 расположено помещение № 2, узкое, вытянутое с севера на юг. Зачистка помещения уточнила размеры — 7х2 м. В средней части помещения обнаружена поперечная стена, сложенная из сырцовых кирпичей. Зачистка мест, соприкосновения продольных и поперечных стен показала, что кирпичи последней уложены без перевязки и здесь сохранилась штукатурка основных стен помещения № 2. Бывшее в начальный период единым, через определённое время это помещение разделено поперечной стеной на две комнаты. Северная (помещение № 2) — меньшая по размерам, полностью забита кирпичами. В завале (на уровне IV—V ярусов) найдено много фрагментов керамических изделий, среди которых две лепные кружки. Кружки маленькие, грубого изготовления. В средней части невысокого прямого тулова есть ручки. Под кружками обнаружены фрагменты металлического изделия, бесформенность которого не позволила определить его назначение.

В северо-восточном углу помещения, на стыке с помещением № 1, сильный завал. При зачистке обнаружены фрагменты алебастрового столика-дастархана и маленькое бронзовое колечко.

Южная часть единого в начальный период помещения № 2 — помещение № 3 по характеру заполнения отличается от северной: здесь грунт рыхлый, порошкообразный. Многочисленные фрагменты керамики. В северо-западном углу имеется проход в соседнее помещение № 4. Здесь же в углу, впритык к стене, разделяющей помещения № 2 на две части, найдены три жернова, лежащие друг на друге. В северо-западной части помещения № 3 найден бронзовый колокольчик закрытого типа. В восточной стене, на уровне IV яруса, оконтурился узкий проход, заканчивающийся большой стреловидной бойницей на восточной поверхности внешней стены. В толще стены проход имеет длинное ответвление, по которому можно попасть в помещение № 1. Эти ходы в толще внешней стены очень узкие и низкие; передвижение по ним возможно лишь на четвереньках.

Помещение № 4. К западу от помещений № 2—3 зачищено ещё одно — помещение № 4. Эти смежные помещения разделены кирпичной стеной толщиной 60 см. В верхнем ярусе под дерновым слоем часто встречаются фрагменты керамики. В середине помещения, на уровне начала II яруса — большой зольник, насыщенный находками. Среди них фрагменты кружек, на ручках которых горизонтальные заклёпки, обломок ножа и другие металлические изделия, трудно поддающиеся определению (подвержены сильной коррозии).

Первоначально была зачищена северная стена помещения № 4 (по оси запад—восток). При дальнейших работах оконтурились все стены данного помещения.

Помещение № 4 — узкое, прямоугольное, вытянутое с севера на юг, со сторонами 7,5х1,8 м. Зачистка была начата с северо-восточного угла. Грунт рыхлый, серовато-пепельного цвета. На границе I и II ярусов найдены точильный камень (кайрак) вытянуто-подтреугольной формы и фрагменты керамики. Во II—III ярусах грунт постепенно меняется. Здесь мощный слой, содержащий обгорелые остатки — угольки, мелкие кости, грунт черного цвета, перемежку с золой.

На уровне IV—V ярусов найдены фрагменты керамики со следами воздействия огня: венчик хума, почти целая лепная чашечка, фрагмент кружки с петлевидной ручкой, а также другие находки — три заготовки для пряслиц из стенок сосудов, продолговатая зернотёрка, большой жернов,

на обеих поверхностях которого имеются небольшие лунки. Размеры жернова: диаметр 41,3 см, толщина 8,5, диаметр лунок 5,5 см. Наряду с керамикой встречаются и обожженные кости животных.

В начале VI яруса почти на всей расчищаемой поверхности появились крупные камни. Под камнями и между ними — рыхлое заполнение, лёсс бурого цвета вперемежку с золой.

Камни встречаются и ниже. Обнаженные при зачистке нижние части стен помещения выложены из крупных камней, которые образуют своеобразный фундамент. Среди камней в западной стене найден сильно коррозированный железный предмет. Здесь же находились несколько фрагментов керамики, часть которых с потёками ангобной краски по тулову. Интересна найденная вместе с керамикой плоская каменная бусина с отверстием в верхней части.

На уровне IX яруса в средней части помещения № 4 зачищен небольшой отрезок утрамбованной поверхности с тонкой обмазкой. Плотная забутовка помещения только до уровня пола. В южной части, где нижние части стен выложены из камней, пол не обнаружен, заполнение рыхлое, слегка закрывшее пустое пространство. Дальнейшая расчистка этой части помещения показала, что ранее выявленная каменная выкладка (названная нами «фундаментом») на деле является своеобразной шахтой колодца. И это, думается, не удивительно, чтобы выдержать долговременную осаду замка или крепости необходимо наличие источника воды или её достаточный запас. В предшествующем Каппатепе по времени памятнике Табошара — Тиркаштепа также раскопан колодец в центре комплекса (Пуллатов, Салтовская, 1987, с. 343).

В северной части найдены отдельные фрагменты керамики. В северо-западной части восточная стена помещения не смыкается с северной, оставляя довольно широкий проход (1,17), выводящий в следующие помещения № 5—6.

Помещение № 5. Вышеописанный проход в северо-западном углу помещения № 4, огибая в форме буквы «Г» западную стену этого помещения, соединяет его с помещением № 5. Это помещение, подобно двум предыдущим, узкое, прямоугольное в плане, вытянутое с севера на юг, но уступает им в длине. Размеры помещения — 4,8х2 м. Хорошо сохранились все стены помещения. Заполнение разно-

родное: в отдельных местах рыхлый грунт серого цвета, а местами заполнение довольно плотное. В этом помещении реже встречаются фрагменты керамики. В юго-восточном углу раскопаны два хума, расположенных один на другом. Южная стена, вероятно, поздняя по времени возведения. Это заметно по плохой стыковке южной стены с боковой поверхностью восточной стены помещения в юго-восточном углу. Можно предположить, что в первый период между помещениями № 5 и следующим помещением № 7 не было стены (как это было между помещениями № 1 и № 2), а позднее, при перепланировке внутренней части здания, они были отделены друг от друга стеной.

На восточной стене помещения, на уровне начала V яруса, просматривается ряд камней, до которых прослеживается обмазка стены, далее вниз (V—VIII ярусы) эта стена без штукатурки, с неровной боковой поверхностью. На противоположной, западной стене помещения № 5 такой границы не видно, но в нижних ярусах стена также оштукатурена. В северо-западном углу помещения, на месте стыка северной и западной стен, на уровне IV яруса зачищена небольшая ниша. Вероятно, в эту нишу ставился светильник-чираг, освещавший данное помещение.

Уровень пола прохода, соединяющего помещения № 4 и № 5, приходится на начало IV яруса. Углубление в юго-восточном углу показало, что пол помещения — хорошо утрамбованная поверхность, обмазанная слоем глины, находится на том же уровне, что и в других помещениях, т.е., на IX ярусе от реперной точки. Все помещение было зачищено до поверхности пола. По сравнению с другими комнатами, здесь реже встречаются находки, да и следов пожара нет. Найдены фрагменты керамических изделий, лепных и изготовленных на станке. В самом юго-восточном углу помещения обнаружены два хума, расположенные на разных уровнях.

Интересен нижний хум, стоящий на полу. Изделие ручной работы, размеры: высота 52 см, диаметр дна 25, диаметр тулова в самом широком месте — 46 см. Венчик и горловина не сохранились. Хум изготовлен из грубоотмученной глины с примесью шамота и известняка. На плечике хума имеются свастика и трезубец, прочерченные до обжига. Хорошо известно, что знак, похожий на трезубец, является тамгой правителей Чач-Илака и довольно часто встречается на монетах (Буряков, 1982, с. 136).

В 50 см выше уровня пола, недалеко от хума найдены обломки ладьевидной зернотёрки из крупнозернистого песчаника. Рядом лежал небольшой терочник. Кроме того, ещё одно каменное орудие, похожее на песту, с небольшими лунками. Много фрагментов керамики, на некоторых из них имеется зигзагообразный орнамент трёх или четырёхзубчатой гребёной. Интересна нижняя часть вазы или же крупного бокалообразного сосуда, покрытая плотным ангобом ярко-красного цвета.

Помещение № 7. Расположено на юго-западной части холма. После снятия дернового слоя, уже в конце I — начале II ярусов начали проступать контуры помещения и был зачищен его северо-восточный угол. В связи с тем, что помещение располагается на юго-западном склоне холма, другие углы и стены оконтурены значительно ниже. Северная стена помещения № 7 общая с помещением № 5, т.е. эта стена разделяет два помещения. Из стен хорошо сохранились северная и восточная. Запорнение разнородное: плотный лёсс серого цвета, встречаются фрагменты сырца. В восточной части помещения заполнение очень плотное. На уровне IV—V ярусов диагонально проходят два гумусных слоя, между которыми натечный слой. Многочисленны фрагменты керамики, лепной и станковой. Преобладают фрагменты тарных изделий типа хума и хумчи. Среди находок два больших фрагмента каменных зернотёрок. В северо-западном углу зачищен целый амфоровидный сосуд без ручки, ниже зафиксирован хум. На уровне VI яруса восточная часть помещения занята плотным слоем. Зачистка показала, что это ряд кирпичей, лежащих наклонно к северу. Юго-западный угол помещения имеет следы воздействия огня: на обмазке — сильная копоть. В середине помещения, на уровне V яруса обнаружено маленькое плоское пряслице, также сильно прокопчённое, обломки чашечки, стенки крупной кружки с петлевидной ручкой. Кружка лепная, красноглиняная. Здесь же найдена глиняная очажная подставка.

Хорошо прослеживается восточная стена помещения № 7. Сохранность стены хорошая. Лишь только на одном небольшом участке поверхности обмазка обвалилась и обнажила кирпичи. В юго-восточном углу на уровне V яруса обнаружена крупная каменная бусина, несколько стенок сосудов станковой работы. Заполнение в этой части помещения плотное, вперемежку с обломками кирпичей. При окон-

туривании помещения выяснилось, что восточная стена не смыкается с северной. В северо-восточном углу широкий проход (ширина 2 м) или же глубокая ниша.

У восточной стены помещения на уровне V яруса обнаружен интересный керамический фрагмент — венчик большого котла или тагора. На горизонтальной площадке отогнутого венчика — волнистый узор, проведенный семизубой гребенкой. Такой же узор проведен ниже венчика по горловине изделия. Изготовлен на круге, красноглиняный. По качеству выделки, обжигу и составу теста фрагмент резко отличается от ранее найденных.

Стена в юго-восточном углу помещения № 7 начинается не под дерновым слоем, а значительно ниже, приблизительно на 30—70 см. В этой же части помещения — плотный завал из обломков кирпичей. Завал имеет уклон на запад; под ним зачищен упорядоченный ряд кирпичей, стоящих на коротком ребре. При углублении в западной части помещения встречаются в большом количестве фрагменты керамики. Грунт рыхлый, со значительным включением угольков. Поражает обилие битой керамики, наличие большого количества угольков и золы. Фрагментов керамики настолько много, что создается впечатление, что в последний период функционирования помещения здесь складывали битую посуду. В 50 см от юго-западного угла помещения на боку лежал большой хум. Сохранилась только донная часть изделия. Рядом находились фрагменты этого хума. В противоположной части помещения, так же в 50 см от северной стены, обнаружен небольшой фрагмент металлического изделия. По-прежнему встречается много фрагментов керамики.

Стены помещения в своих нижних частях имеют следы воздействия сильного огня. В северо-восточном углу найдены бесформенные куски железа и фрагменты керамики. Здесь же найдена трубчатая бусина с насечками на внешней поверхности.

На уровне IX яруса от репера обнаружен и зачищен пол помещения № 7. Это, как и в других помещениях здания, хорошо утрамбованная и обмазанная раствором из отмученной глины поверхность. Юго-западный угол помещения обожжен. Вдоль южной стены сохранились остатки обгоревшей балки (диаметр 9 см). И в других частях помещения встречаются угольки и другие следы сильного огня.

Полная зачистка пола прояснила картину. В юго-западной части помещения № 7, на расстоянии 60 см от западной и 65,5 см от южной стен лежал большой хум, размеры которого — высота 90 см, диаметр дна 40 см, максимальный диаметр тулова 56 см. Хум лежал на полу боком. Верхняя боковина поломана. Вероятно, здесь как и в помещении № 1, обвалившиеся верхние части стен разбили хум. Описанный хум лежал горловиной к восточной стене. Между стеной и хумом зачищены фрагменты ещё одного большего сосуда. Сохранилась основная часть изделия — от изгиба горловины до дна. Размеры изделия: высота сохранившейся части 47 см, диаметр дна 34 см. Сосуд лепной, по своей форме напоминает кухонные горшки с выпуклыми боками. В тесте изделия много примесей. Рядом с хумом и корчагой, в 20 см севернее, на полу зачищена донная часть изделия, возможно, хума, диаметр 30 см.

Под горловиной хума найдена алебастровая крышка конусовидной формы и пастовая бусина серо-голубого цвета. Сбоку от этой горловины хума найден ещё один «гнет» — конусовидная алебастровая крышка. Остатки хумов зафиксированы вдоль западной стены помещения: в 45 см от вышеописанной донной части хума ещё один фрагмент — дно хума диаметром 40 см, в 82 см от последнего, немного севернее, на полу рядом располагались донные части ещё двух хумов (диаметром 40 см), а в самом северо-западном углу — скопление фрагментов толстостенного изделия, вероятно, хума. Были получены находки и в других частях помещения № 7: в 1,3 м к востоку от западной стены (от остатков хумов) найдены синяя пастовая бусина, сердоликовая бусина, раковина-каури, плоский белый камешек со следами попыток сверления и фрагмент изделия, напоминающего «шашлычницу». Во внутренней части «рогатины» имеется орнамент «насечками» и «розетки». Немного севернее, в 70 см, найдено железное изделие, а вокруг — фрагменты дисковидного алебастрового изделия, вероятно крышки. Крышка, упав на металлический предмет, разбилась и её фрагменты оказались вокруг изделия, функциональное назначение которого трудно определить из-за сильной коррозии. Здесь же найдена «глазчатая» бусина. По всему помещению много угольков, среди них встречаются довольно крупные фрагменты балок, а также тонкостенные косточки, по форме напоминающие семечки подсолнуха (рис. 6).

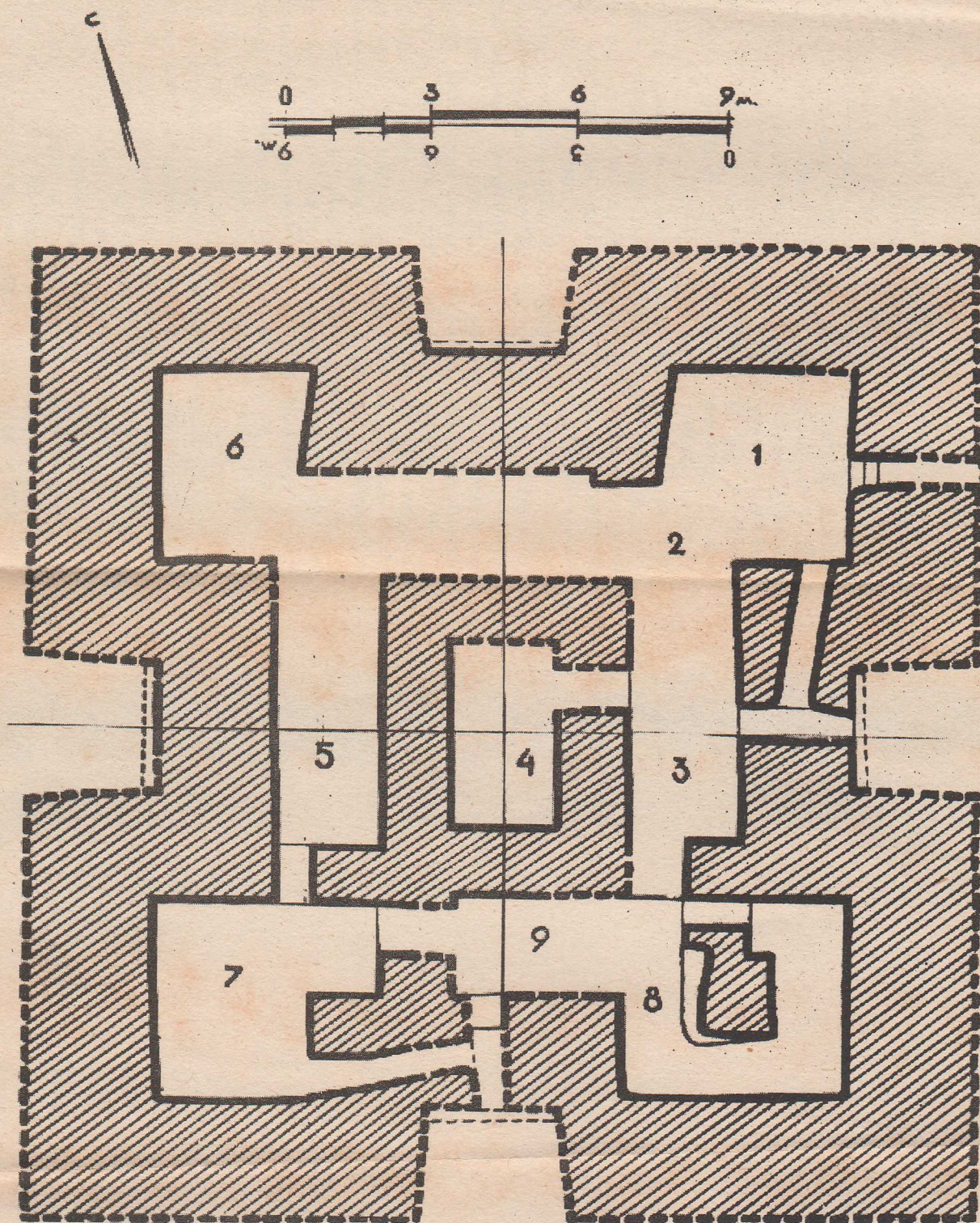

Рис. 2. Замок Каппатепа. План первого строительного горизонта.

В северо-восточной части помещения № 7 зачищены два — три ряда лежащих наклонно кирпичей, над полом прохода из помещения № 7 в соседнее. Можно предположить, что это часть сводчатого перекрытия проёма.

У восточной стены помещения, рядом с ранее зачищенными хумами зафиксированы ещё две большие корчаги. Над ними — толстый слой земли и кирпичей. Здесь же очень много фрагментов керамики. Новые находки большеемкой посуды ещё раз наводят на мысль, что это помещение имело складской характер и было хранилищем. Над находками — остатки обгоревшей балки. А в юго-восточном углу помещения — скопления больших камней, между ними — угольки и фрагменты керамики. По-прежнему основная часть найденных фрагментов керамики является частями большеемких изделий (хумов и хумча). Изредка встречаются фрагменты маленьких изделий: стенки чашек, ручки кружек и небольшие донца мисок.

Хумы, обнаруженные у восточной стены, как по форме, так и по размерам несколько отличаются от предыдущих: от дна, диаметр которого 26 см, плавно расширяясь, идут вверх стенки, толщина которых равна 2 см; у хумов диаметр тулова в наиболее широкой части 58 см. Верхняя часть изделий не сохранилась. В северо-восточной части, в углу помещения, найдено конусовидное пряслице без орнамента. При зачистке поверхности пола вновь были найдены фрагменты толстостенной керамики. На некоторых из них имеется прочерченный по сырой глине до обжига изделия орнамент, который в основном наносился на верхнюю часть. Орнаментированое и плоское изделие круглой формы. Найден точильный камень — кайрак красно-коричневого цвета, его длина 14 см.

В северо-восточной части помещения № 7 (рис. 6) — широкий проход, сплошной завал из кирпичей разбил разные керамические изделия. Верхняя часть завала имеет обмазку.

При расчистке прохода обнаружены фрагменты керамики, большое дискообразное изделие, похожее на противень переносных очажков (диаметр 54 см, толщина 4 мм). Найдены изделия из легкого металла и интересная керамическая форма, ранее не встреченная при раскопках Каппатепа. Это небольшой кувшин с ручкой. Бока тулова с обеих сторон уплощены, венчик отбит. При внимательном осмотре выяснились следующие детали: кувшин был двуручным

(они располагались по две стороны от горлышка, симметрично друг другу), но сохранилась только одна из ручек, другая отбита. На боковую поверхность тулова, по кругу, нанесён орнамент насечками. Кувшин изготовлен из хорошо отмученной глины, покрыт желтоватым ангобом. По всей вероятности, это одна из разновидностей фляг — специальных сосудов, предназначенных для перевозки воды. Фляги очень часто встречаются в зонах контактов оседлого и кочевого населения. По мнению Е. М. Пещеревой, оседлые гончары-земледельцы изготавливали фляги специально для продажи их соседнему кочевому населению (Пещерева, 1959, с. 276). Однако наш кувшин небольшого размера и изготовлен с особой тщательностью, что позволяет считать этот экземпляр, как близкий к нему сосуд из Карабулака, (Брыкина, 1974, с. 62, рис. 36) декоративной столовой посудой.

Рядом с кувшином найдено круглое каменное изделие. На полу зачищен железный предмет и кусок ткани.

Пол помещения № 7 по всей площади зачищен на одном уровне. Для выяснения основания стен и изучения подосновы пола была проведена зондировка. В северо-восточной части помещения, у северной стены был заложен небольшой шурф размером 1х1 м.

Под глиносаманной обмазкой пола помещения (толщиной в 3 см) встречены два небольших фрагмента керамики, кусок железного изделия и далее начинается галечник, перемешанный с серым грунтом. Зондаж показал, что северная стена помещения № 7 была поздней, она приставлена к западной стене помещения № 5. Под этой приставленной стеной были обнаружены один целый сосудик и несколько фрагментов керамики, кости животных, металлические изделия.

К западу от шурфа при зачистке пола выявлены два хума, вкопанные в пол. Рядом со вторым, у западной стены, железная цепочка, звенья которой, слипшись от коррозии, образовали один сплошной комочек¹. Рассмотрим вкопанные хумы. Хум № 1 лепной. Венчик слегка отогнут наружу. Размеры: высота 62 см,

1. Возможно, это другая вещь, например, часть кольчуги. Однако мы предполагаем, что это цепочка кольца связаны друг с другом в одну линию.

наибольший диаметр тулова 48 см, диаметр дна 30 см, диаметр венчика 26 см. При очистке в хуме найдены косточки персика, фрагменты керамики. Заполнение хума рыхлое. Хум № 2, также ручной выделки. Тулово вытянутой формы, венчик слегка отогнут наружу. Размеры: высота 75 см, диаметр венчика 32 см, наибольший диаметр тулова 44 см, диаметр донца 34 см. Хум заполнен порошкообразным лессом. При зачистке найдены кости животных, фрагменты керамики, а на самом дне лежала керамическая крышка дисковидной формы, без ручки (размеры: диаметр 28 см, толщина 3 см).

Помещение № 8. К востоку от помещения № 7 были начаты работы по изучению юго-восточной части холма Каппатепа. Зачистка двух верхних ярусов дала небогатый материал. Были оконтурены небольшой отрезок стены и небольшое овальное сооружение, напоминающее по форме очаг.

Ярусом ниже зачищено скопление больших камней. Керамики относительно немного. На южном склоне обнаружена монета. При полной зачистке обозначались контуры помещения № 8. В его северной части зафиксирован ряд кирпичей, лежащих наклонно. Грунт здесь рыхлый, бурого цвета, встречаются фрагменты кирпичей, также подверженные воздействию сильного огня. Бурый по цвету рыхлый слой достигает толщины 30-35 см, а затем он сменился 10-сантиметровым слоем угольков, ниже — грунт пепельного цвета. Отдельные кости животных, встречающиеся в слое, такого же цвета и рассыпаются при первом же прикосновении к ним.

Под вышеописанным рядом кирпичей обнаружено удлинённое металлическое изделие. Керамика встречается изредка, также со следами воздействия огня. Ниже кирпичей на 50 см найдено дисковидное каменное изделие с небольшой лункой-вмятиной в центре (размеры: диаметр 16 см, толщина 7 см).

Зачищалась и восточная стена помещения. Вдоль неё — рыхлое заполнение. Стены сложены из кирпичей, штукатурка почти не сохранилась. Под рыхлым лессом находится бурый горелый слой значительной толщины. На этом же уровне стена помещения покрыта копотью. Местами — большие скопления золы. Найдены фрагменты керамики: нижняя часть лепной чашечки, стенка кружки

с ручкой, несколько венчиков хумов и др. Все они подвержены воздействию огня. Кости животных из этого слоя также обгорелые. Среди находок — каменная бусина.

Дальнейшая зачистка показала, что северная и часть западной стен помещения также сохранились хорошо. По расположению и размерам помещение № 8 сходно с помещением № 1. Можно предположить, что помещение № 8 также башенного типа.

При зачистке рыхлого слоя выяснилось, что его подстилает слой гальки, занимающий северо-восточную часть помещения. Примерно в середине помещения зачищены два отрезка стен, расположенных параллельно друг другу. Вскрытие верхнего слоя помещения № 8 выявило следующую картину: на уровне конца III—начала IV ярусов, от юго-западного угла, наискосок к восточной стене идёт ряд сложенных наклонов кирпичей (наклон кирпичей к северу). Самый восточный в ряду кирпичей — наклоном к югу, этот кирпич имеет крестообразную тамгу. На последний в ряду кирпичей (на котором тамга) положен другой кирпич. Под кирпичной кладкой рыхлый пепельно-коричневый обгорелый слой, а ниже — какая-то платформа. Кирпичная кладка на 1 м не доходит до восточной стены помещения. Все кирпичи прямоугольного формата (50x30 см).

В северо-западном углу помещения — рыхлый грунт светло-коричневого (близкого к пепельному) цвета. Такое же заполнение было и в других частях помещения. Над этим слоем очаг, сложенный из больших, продолговатых по форме камней. В очаге — большое количество древесного угля. Здесь, в северо-западном углу, найдены фрагменты стеклянного изделия и плоской крышки с грибовидной ручкой. При углублении по всей площади помещения № 8 оказалось, что её центральная часть очень плотная, а вокруг — рыхлое заполнение — серый грунт с гумусными прослойками.

В верхних ярусах северо-западного угла сохранился ряд кирпичей (7 штук). На уровне VI—VII ярусов в западной части помещения рыхлое заполнение. Найдены целое пряслице и один фрагмент другого. Рядом с ними фрагмент хума с глубокопрочерченным знаком в виде крючка.

В северо-западном углу к северной стене помещения № 8 приставлена дополнительная стенка.

Завал прохода между помещениями № 7 и 8 состоит из обломков обгорелых кирпичей, чередующихся со слоями

угольков, золы и порошкообразного грунта разных цветов: серого, бурого и красноватого. В верхней части завала и под ним — скопление камней.

Таким образом, зачистка помещения № 8 показала, что это угловое помещение комплекса. После выемки рыхлого грунта вокруг плотного столба определилось и функциональное назначение помещения как пандусной клетки: в центре помещения находился прямоугольный в плане кирпичный столб, а вокруг него, постепенно поднимаясь, идёт пандусный подъём на второй этаж. Размеры помещения: 4,3х4,15.

Помещение № 9. Между помещениями № 7 и 8 начали проявляться контуры ещё одного помещения, обозначенного под номером 9. В верхних слоях, непосредственно под дёрном — буро-коричневый рыхлый грунт. Лишь в восточной части, на стыке с помещением № 6 имеется небольшой твёрдый участок, под которым обнаружено скопление камней на рыхлом грунте темно-серого цвета.

Именно здесь найдены несколько фрагментов железа, петлевидные ручки кружек и маленькая ложка. После выемки камней зачистилась южная стена. Вероятно, помещение № 7 более позднее, оборудованное между юго-западным и юго-восточным помещениями башенного типа. Заполнение рыхлое. В восточной части помещения № 9 лёсс оранжево-бурого, обожженного цвета. Здесь найдена граненая бусина из камня чёрного цвета.

Западная часть помещения № 9, граничащая с помещением № 7 заполнена рыхлым порошкообразным грунтом, а к востоку встречаются камни. Особенно их много на стыке с помещением № 8. По всей видимости, проход между помещениями № 8 и 9 был заполнен камнями. Их очень много. Камни образуют регулярную кладку-перемычку между помещениями. Над камнями — обломки кирпичей, подверженных воздействию сильного огня. Зачищена балка диаметром 14 см. Она сохранилась на длину около 30 см. Большая её длина обгорела, а небольшая, самый конец, зажатый между кирпичами, не подвергался горению и сгнил. При дальнейшей зачистке найдены фрагменты железного ножа и керамическое изделие необычной цилиндрической формы с вмятинами—углублениями в качестве орнамента.

Помещение № 6. Северо-западная часть холма Капштепа значительно ниже противоположной. По симметрии здесь должна располагаться четвёртая башня замка (три

другие — помещения № 1, 7 и 8). В начале был зачищен небольшой участок. Продолжение работ подтвердило предположение. Под плотным лессовым слоем толщиной 25—30 см, появился рыхлый, местами порошкообразный слой с включениями фрагментов керамики: фрагмент лепного горшкообразного изделия с дуговидной ручкой, прикреплённой к тулову непосредственно под венчиком, несколько стенок кружек и обломки ручек кувшинов. Выявилась северная стена и небольшой отрезок восточной. Таким образом, раскопан северо-восточный угол помещения № 6. Стены начинаются с уровня ниже, чем во всех других помещениях. Видимо, это связано с более сильными разрушениями и соответственно пологостью холма.

Под рыхлым слоем камни разных размеров. Среди них обнаружен фрагмент стеклянного изделия. Стекло непрозрачное, коричневого цвета.

Зачистка вдоль стен помогла оконтурить помещение. По планировке оно похоже на другие угловые помещения. Южная стена не доходит до восточной, поворачивает на юг. Заполнение помещения № 8 более плотное, чем в других. У самого поворота стены получены важные находки: небольшой точильный камень — кайрак, бусина из белого камня и двухчастное металлическое изделие — две пластины, соединённые двумя тоненькими стержнями. Рядом найдены ещё два бронзовых изделия, назначение которых пока трудно установить.

Юго-западная часть помещения заполнена кирпичами, а к противоположному углу грунт смягчается, заменяется порошкообразным. Здесь чаще всего встречаются фрагменты керамики, кости. Найден целый лепной сосудик и два точильных камня, ножка бокала и две заготовки для пряслиц из стенок сосудов.

Размеры помещения № 6: северная стена — 3 м, западная — 4м, восточная — 2,2м, южная — 1,85м.

Таким образом, внутренняя часть замка Каппатепа полностью раскопана, выявлена его планировка: четыре больших помещения в центре и по углам — четыре подквадратные в плане башни.

Для выяснения картины замка с внешней стороны, от восточной стены по склону холма до его основания проложена траншея. При зачистке отвала найдены несколько фрагментов керамики, один целый сосуд, маленький плоский камень белого цвета с отверстием и лазуритовая бу-

сина (удлиненной формы, граненая). Под дерновым покрытием склона холма — рыхлый грунт. Изредка встречаются фрагменты керамики, кости. Сверху вниз, соответственно уклону холма тянутся линзы.

В 4,5 м от восточной стены зачищено скопление камней. Рядом найден обломок хума, ручка сосуда с интересным навершием. После выемки камней в рыхлом слое обнаружен целый горшковидный сосуд небольшого размера, высотой всего 4 см. Подобные маленькие сосуды практического применения не имели, и многие исследователи склонны считать их детскими игрушками (Керамика Хорезма, 1959, с. 252; Брыкина, 1982, с. 74—75). Здесь же, у восточной стены, найдены три плоских пряслица с разным диаметром основания, заготовки для пряслиц из стенок сосудов.

Раскопочные работы на холме Каппатепа вблизи посёлка Табошар показали, что здесь похоронены руины ранне-средневекового замка. Здание небольшое: в центре раскопаны четыре узкие помещения, по углам комплекса зачищены четыре подпрямоугольные башни. Произведена почти полная выемка грунта из внутренней части замка, траншея на восточной стороне и зачистки в нескольких пунктах позволили представить внешний контур замка и уточнить толщину стен. Хорошо сохранившаяся интересная архитектура, многочисленные разнообразные находки, определяющие место и роль раскопанного замка среди других археологических памятников осёдлоземледельческой культуры Северного Таджикистана периода раннего средневековья, требуют отдельного рассмотрения в последующих главах.

Глава IV

Архитектура замка*

Археологическими работами вскрыта внутренняя часть помещений и северо-восточный контур подпорных стен, составляющие террасы-площадки под сооружение. Раскопки дали материал для определения структуры сооружения раннего средневековья на территории древнего Илака.

АНАЛИЗ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДОВ

Анализ элементов плана и внутреннего объема здания указывает на то, что Каппатепа является замком с элементами жилья. Продолжительность жизни замка охватывает три основных строительных периода. Планировка помещений, вписанная в прямоугольник (21x19,1 м), располагалась на стилобате, состоявшем из уступчатых площадок, обложенных каменными стенками (ширина уступов 10 и 5 м, высота 50—100 см).

Раскрытием северо-восточного помещения (№ 1) было положено начало всего раскопа (высота сохранности стен 4,0 — 4,5 м). Планировка пространства его несколько необычна: четырехугольный, почти квадратный план (3,85x3,45 м), слегка вытянут с севера на юг. Юго-восточный угол отсутствует, его заменяют угловые отвороты, создавая коленчатые перегибы в плане. В северной стене справа имеется пролом шириной 0,9 м. Высота первой ступени в проломе 0,5 м, далее наружу ведет пандус с выбоинами, угол подъема составляет 30 градусов.

В центре восточной стены — проём бойницы с тремя ступеньками в основании. Ширина проёма 0,68 м. Внутреннее пространство бойницы сужено до 0,5 м. Перекрытие выполнено в виде сводика, вырезанного в толще стены в одном из горизонтальных рядов кладки на высоте 2,4 м

* Глава написана архитектором С. В. Шетухиной.

от пола. Правый угол бойницы стерт в результате взаимодействия её с близко расположенным проёмом лабиринта южной стены. Лабиринт высотой 1,1 м также перекрыт сводиком. Основание лабиринта на 0,5 м выше пола помещения. Пространство лабиринта соединяется с бойницей соседнего коридорообразного помещения № 3.

Западная стена помещения № 1 имеет некоторую особенность: она не составляет прямого угла с северной стеной, а имеет скос того же направления, что и у лабиринта, с отклонением на 8° к юго-западу от общей оси замка С—Ю.

Поверхность стен, исключая восточную, на всю высоту покрыта однослойной штукатуркой (толщиной 2 см). Она состоит из лёсса желтоватого цвета с включением мелко-рубленной травы. При размалывании пальцами легко крошится. После снятия небольших участков штукатурки на северной, западной и южной стенах обнажилась кладка из сырцового кирпича форматом 0,5х0,3м х0,1 м. Ряды кладки чередуются «тычковыми» и «ложковыми» сторонами. Между рядами прослойка раствора толщиной 0,1 м. Цвет кирпичей темновато-красноватый, прослойка из более светлого состава земли. Растворы, из которых создавался строительный материал, имеют значительное количество мелкой гальки, чем сильно отличаются от штукатурки, имеющей более тщательную отмучку.

На восточной стене штукатурка отсутствует. Кирпичные ряды, тянущиеся от бойницы к юго-восточному углу, скошены вниз. Выше сводика бойницы по всей стене наблюдается сбой горизонтальности рядов, в связи с чем можно предположить ремонтное их происхождение.

Штукатурка в северо-западной части помещения покрыта патиной из копоти, по которой можно проследить уровни полов различных строительных периодов. Очаговое пятно длиной 0,25 м, высотой 0,4 м располагается и на северной стене в 1,3 м от западного угла и близко к уровню пола, что, несомненно, относится к началу обживания замка. В основании западной стены на высоте полметра от пола проходит полоса из мелкой гальки, приплюснутой к поверхности стены, чуть выше этого уровня, в 0,7 м от коленчатого угла, там же имеется очажное пятно длиной 0,4, высотой 0,27 м. Полуметровая высота, над которой наблюдается очаг, является вторым уровнем пола, он совпадает с высотой первой ступени пролома в северной стене, что предпо-

лагают одновременность полов второго периода и создание «искусственного» прохода в виде пролома.

В прилегающем с юга коридорообразном помещении, стены не имеют перевязок между собой: там отсутствует угловая связь между северной и западной стеной, причем приставленной является последняя. Южная стена, покрытая штукатуркой, расчленяется на 2 участка; один соединен с восточной стеной, другой сполз внутрь помещения целым многолитом, образовав в центре стены трещину шириной 10 см. «Оползень», кроме того, не имеет связи с западной стеной, оштукатуренная поверхность которой продолжается внутрь за лицевую поверхность «оползня».

Коридорообразное помещение разделено стеной (толщина 1 м) со сквозным проемом. Перегородка не имеет перевязки с восточной и западной стенами и приставлена к оштукатуренным поверхностям. Перегородка устраивалась с учетом имевшейся в западной стене бойницы. Низ бойницы на 1,5 м выше пола, ширина её по мере выхода на фасад сужается от 0,66 до 0,5 м. Со стороны помещения перекрытие бойницы представляет собой сводик, аналогичный бойнице пом. № 1. Со стороны фасада бойница треугольного очертания, стреловидная, с плечиками на уровне пят. Бойница кроме своего оборонительного назначения выполняла ещё функции светового проема. Не случайно поэтому верх её со стороны фасада на 20 см выше, чем внутри помещения. Несмотря на то, что бойница снаружи заужена, сечение просвета здесь несколько больше ($0,4 \text{ м}^2$), чем внутри ($0,34 \text{ м}^2$). Правый угол бойницы стерт, что говорит о частом взаимодействии его с юго-восточным помещением, внутреннее устройство которого предполагает наличие пандуса (пом. № 8).

В западной стене описываемого помещения напротив бойницы расчищен только верх сквозного прохода. Просвет его сдвинут относительно противолежащей бойницы восточной стены к северу. Верх данного проема совпадает с верхом проема ранее упомянутой перегородки, но оба верха ниже основания бойницы на 15 см. Высота проёма от пола — 1,35 м.

Кладка перегородки коридорообразного помещения выполнена из легкого крошащегося кирпича без определенного формата с большим включением гальки, костей, керамики. Вероятно, ремонтным материалом в один из строитель-

ных периодов служили кирпичи и земля, взятые от разрушенных частей здания. Кладка стены выше уровня бойницы также не выдерживает того основополагающего образца, который наблюдается в стенах пом. 1. В прокладках между рядами раствор с большим количеством гальки и на протяжении рядов наблюдается волнообразность. На высоте 2 м от пола в тычковом ряду, в швах между кирпичами прослеживаются пустоты (сечением 7x10, 10x10, 12x10 см), заполненные золой и угольками. Такие же пустоты имеются на высоте 3,0 и 3,1 м от пола, как в помещениях № 1, 2—3. Более крупные пазы, предполагающие наличие деревянных балок, расположены на более низкой высоте. Так, ниша сечением 26x30 см и глубиной 20 см зафиксирована на высоте 1,65 м от пола в 35 см от северо-восточного угла пом. № 2—3. Вторая ниша сечением 26x16 см находится на западной стене помещения № 1 в 90 см от коленчатого угла на высоте 1,80 м.

Таким образом, в организации внутреннего пространства участвовала бревенчато-балочная поэтажная система перекрытия. Обращает на себя внимание разновысотность расположения её частей в зависимости от размера сечения балки. Нижние брёвна с большим сечением являлись опорными для настилов, верхние балочки могли быть как настилами, так и перекрытием замка. Возможность одновременного взаимодействия выявленных конструкций вызывает определенные сомнения. Анализ показывает, что опорные бревенчатые конструкции принадлежали первоначальному периоду, а брусчатые настилы, оставившие следы в ремонтных кладках восточных стен пом. 1, 2—3 появились в последующие строительные этапы. Этому положению не противоречит и само сочетание стен в рассматриваемой части замка. Отсутствие перевязок в кладках и углах отражает три этапа в изменении плана помещений: к первому относятся стены с чередованием «тычковых» и «ложковых» рядов до уровня перекладки, начинающейся над верхом бойницы, ко второму — верхняя половина западной стены коридора и ремонтная докладка выше бойниц в восточных стенах. Этому же периоду принадлежит часть южной стены коридора, закрывающей проход в помещение с предполагаемым пандусом (№ 8). Поверхность стен в этот период была оштукатурена. Возможно, пролом в северной стене (пом. 1) появился во второй период, когда было заблокировано или заложено пандусное помещение. На третьем

этапе появилась стена-перегородка с проёмом (между пом. 2 и 3).

Центр замка занимает вытянутое помещение № 4 площадью 2,17х7,6 м, имеющее два уровня полов со значительно отличающимися высотными отметками (рис. 4). Верхний пол последнего периода расчищен в северной половине. Стены, относящиеся к верхнему полу сохранились на высоту 1,7—1,76 м с востока и 2,08 м с запада. Верх стен с заметным уклоном вовнутрь помещения и, хотя пята сводов обнаружить не удалось, сводчатое перекрытие здесь присутствовало (разрез I—I, II—II).

Поверхность стен оштукатурена и несёт на себе следы пожара. Верхние участки сильно закопчены, внизу имеются очажные пятна красноватого цвета. Очаг, находящийся почти в центре помещения, был отгорожен поперечной каменной стеночкой. За очажной перегородкой с севера находится проём шириной 0,85 м, ведущий из помещения в западную часть замка.

Кладка стен из красновато-коричневого кирпича с большим количеством мелкой щебёнки и гальки. В кладке попадаются ряды с кирпичами 0,5х0,3 м. Горизонтальность в рядах не выдержана и создаётся впечатление общей небрежности или поспешности строительства помещения.

Поверхность восточной стены совершенно утратила вертикальность, изгибы и заглабления выполнены золой и пеплом, прокалёнными комьями земли. Общую картину разрухи дополняет пролом, расчищенный в восточной стене (на высоте 0,48 м от упомянутого пола) с каменным заполнением (рис. 4). Вероятно, пролом создавал доступ к бойнице пом. 2 на последнем этапе существования замка.

Южная стена помещения на уровне верхних полов без перевязки с боковыми стенами и является заставкой между ними. В центре стены у пола находится заглабление в виде ниши с бесформенными краями. Заполнение его состоит из золы и угольков. Лопость ниши нарушает целостность кирпичной кладки. Провисшие ряды над нишей — результат деформации массива стены из-за полости.

Южная часть помещения была раскопана на 2-метровую глубину от верхнего пола. Оказалось, что сырцовые стены покоятся на каменной кладке высотой 1,60, толщиной по западной стене 1,90 м. В плане каменные стены выступают внутрь помещения на 0,4—0,5 м, южная торцовая стена западает под верхнюю кирпичную кладку на 0,65 м. Над

каменной кладкой были проложены деревянные балки. От них остались обгорелые участки с запада высотой 0,2 м и длиной около 1 м, с севера балка находилась под полостью ниши в кирпичной кладке (см. описание выше). Нижние полы помещения не раскопаны, неизвестна и глубина каменных стен. Если они являются «обоймой» для колодца, то их основание должно находиться на уровне грунтовых вод холма.

Таким образом, в центре замка прослеживаются два различных строительных периода, причем основным является «колодец». Источники воды, как неотъемлемая часть всякого жилого организма, решен здесь с центральным расположением, вокруг которого в первый строительный период были обходные коридоры (рис. 8). В свою очередь, через углы коридоров можно было попасть в боковые прямоугольные помещения.

В едином замысле с первоначальной планировкой сочетаются также деревянные прогоны пом. 1 и 2 и балочные прокладки по контуру «колодца». Во второй и третий периоды помещение с колодцем № 4 ещё функционировало. Подтверждением тому служит перегородка с проемом пом. № 2-3. Она относится к третьему периоду и выстроена с учётом проёма в пом. 4.

С верхнего пола помещения № 4 можно попасть в соседнее западное помещение № 5 через проём шириной 0,73 м, расположенный с севера. «Порог» этого проёма на 1,4 м выше пола. Планировка помещения аналогична помещению № 2-3 и является западным обходным коридором. Ремонтные заставки с севера и юга замкнули пространство коридора, превратив его в малодоступное помещение—камеру. Кладка западной стены выполнена в тех же декоративных приемах, что и стены помещения № 1. Бойница в коридоре отсутствует, на ее предполагаемом месте глубокая сводчатая ниша, уходящая в стену (глубиной 0,81 м), с неровными краями (шириной 1,1 м, высотой 0,75 м). Дно ее выше пола на 0,35 м. Заполнение на всю глубину состояло из мелкой гальки.

В западной стене на высоте 1,95 м от пола имеются четыре паза различной глубины и сечения, с обожженной поверхностью, заполненные угольками. Три из них сосредоточены в северной половине (с размерами сечений и глубины: 20x25—18 см, 1x10—25 см, 10x10—20 см). Четвертый паз — в центре южной половины, низ

его проходит на высоте 1,75 м от пола (сечение 12х50 см). Пазы, предназначавшиеся для деревянных балочек, не имеют своего «продолжения» на противоположной восточной стене, потому, что вся она представляет собой ремонтную перекладку. В основании ее выступает ряд из крупного булыжника: это нижняя часть кладки разрушенной стены вокруг «колодца». Неровная и оплывшая поверхность восточной стены со следами пожаров.

В южной стене коридора нижняя часть выложена ровными рядами на метровую высоту от пола, но выше идет бесформенная оплывшая поверхность. С правой стороны стены имеется полость, напоминающая недоделанный проем, ведущий в юго-западное прямоугольное помещение замка. Доделка по какой-то причине не была осуществлена, в результате чего в стене осталась ниша высотой 1,24 м с перекрытием в виде ползучего свода.

С северной стороны коридора — мощная закладка (высотой 1,4 м), на которой, как уже было сказано выше, имелся проем. Кладка массива ровная и не перевязана с соседними стенами. Северо-западный угол представляет собой пролом-лаз в угловое прямоугольное помещение № 6.

Массив, который закрыл проход не только в коридор, но и в помещение № 6, составлял самый верхний уровень полов в замке и мог относиться только к последнему периоду.

Итак, в помещении № 5 прослеживаются те же три строительных периода, что и на рассмотренных участках замка: к первому относится вся западная стена, восточная стена только в основании, где имеются остатки каменной кладки колодца. Сюда же относятся пазы в западной стене, из высоты близкие пазам пом. 1 и 2. Во второй период коридор был заложен с юга (аналогично произведенной закладке из пом. 2-3 в пандусное), а массивная закладка с севера в третий период вынудила проломить лаз в юго-западное угловое помещение. Замкнутое и труднодоступное помещение в третий строительный период могло служить хранилищем. Доступ в него осуществлялся через пролом-лаз из помещения № 6, которое изначально могло являться кухней-хранилищем, о чём можно судить по площади пола, меньшей, чем у остальных аналогичных помещений (4,0х2,0), с сильно закопченными поверхностями стен.

Стены кухни-хранилища сохранились на высоту 2 м от пола. На этом уровне тянется горизонт с обгорелостями и

покраснениями на верхней кромке стены, а также с очаговыми линзами. Вероятно, это следы от деревянного перекрытия над первым этажом. Интерес вызывает восточная стена, соединяющаяся с северной под острым углом, она имеет то же отклонение от центральной оси, что и западная стена пом. 1. Проем, который должен был находиться с востока, плотно заложен северным массивом до уровня полов (пом. 4, 5), относящихся к последнему периоду.

Южная часть замка, состоящая из двух угловых помещений и коридора в планировочном отношении отделена от всего остального пространства замка перегородками. По всей вероятности, во второй период произошла полная изоляция и функциональное отмирание этой части замка.

Юго-западное помещение в плане (№ 7 размером 4,3х3,1 м) отличается от двух других угловых помещений № 1 и № 6 не только размерами, но и деталями планировки. Так, в юго-восточном углу расчищен проход (шириной 0,85 м) очень похожий на арочный проем лабиринта пом. 1, контуры его теряются в стене на глубине 1,8 м. Проход имеет направление в северо-восточную сторону. Коленчатый отворот восточной стены не переходит сразу в обходной коридор, а образует ещё один угловой поворот для небольшого пространства «сени». Этот дополнительный угол со стенкой сужает ширину обходного коридора на 0,85 м, оставляя для дверного проема 0,95 м. Порог проема поднят на 0,65 м. С северной стороны, как указывалось выше, хорошо читается закладка коридора (пом. 4); выступающая изгибом из общей кладки стены на 10 см. Поверхность стен помещения без штукатурки, но ее следы сохранились в основании южной стены. Есть очажковое покраснение в левой половине северной стены над полом. С правой же стороны, под щебенчато-земляной засыпкой пола, выход некрупных булыжников. Фундаменты на замке специально не исследовались, но похоже, что покольная часть здания, выполненная таким образом, использует необходимый прием в строительстве, когда в почве близко расположены грунтовые воды. Этому не противоречит имеющийся через стенку колодец. Интересной находкой в этом помещении является монолитная часть упавшего свода. Если до этой находки вопрос перекрытия решался как плоские потолки, то после обнаружения монолита длиной 0,8 м с наклонными отрезками не оставалось никаких сомнений в том, что угловые помещения были перекрыты сводами, причем отрез-

ки свода опирались на короткую сторону помещения. Остатки свода принадлежали восточной стене и упали, видимо, после того, как сгорела балка над «сениями», поддерживающая их.

Уровень проема описанного пом. 5 переходит в полы юго-восточного помещения. Составные его части не дают сомневаться в том, что это пандус. В центре расположен массив сердечник, ломанной конфигурации (2,85x1,7 м). Северным концом он примыкает к северной стене, но не вплотную, а через закладку просвета шириной 0,6 м. Вдоль западной, южной и восточной стен — обходная дорожка (шириной 1,15-1,30 м) с небольшим пандусным подъемом, составляющим высоту 1,3 м. Конец подъема упирается в северную стену. На стенах остался четкий след темной копоти, повторяющий линию пандусного подъема на высоте 1,5 м от пола. След прерывается в метре от северо-восточного угла, обозначая, таким образом место выхода на кровлю.

Обращает внимание то, что полы пандуса никуда не ведут, а заканчиваются у северной стены, и это наводит на мысль о возможном существовании в этом месте тайника-засады, которым пользовались в случае крайней опасности. Северо-восточный конец пандуса представляет собой замкнутое пространство с Г-образным заглублением в тупиковой части (0,6 м). Здесь с западной стороны первоначально имелся просвет (шириной 0,5 м), дающий возможность обозревать южный коридор и контролировать спуск с пандуса. Просвет по ширине соответствует бойнице на восточном фасаде, что указывает на идентичность их функций.

В целом, это место в замке являлось продуманным элементом в оборонительной позиции, который действовал неожиданно и безотказно. Позже бойница пандуса была заложена, и изолированное пандусное помещение в следующий строительный период, вероятно, использовалось под хранилище.

Сложное решение представлял собой вход на пандус, который должен был бы иметь два яруса: одно — для нижнего пола, второе — для верхнего. Не случайно, сердечник имеет изгиб, а точнее угловой поворот, необходимый для нижнего входа. При данной ситуации с тупиковым уровнем полов выход по пандусу на кровлю должен был осуществляться со второго яруса, обгорелые следы от которого сохранились. Попасть на его, как минимум, полутораметровую

высоту, можно было только с помощью приставной лестницы.

Второй ярус, он же и перекрытие над полами в виде плоского пандусного подъема, был выполнен из деревянных балочек с настилом и начинался от юго-западного выступающего угла основной стены. Несмотря на то, что «закопченность» местами прослеживается на высоте 1,5 м от пола, высота поверхности перекрытия должна была составлять 1,8 м. Той же высоты соответственно была и приставная лестница, которая в крайне опасном случае убиралась и укладывалась вдоль западной стены, так же равной 1,8 м. Аналогичную высоту — 1,8 м от пола даёт низ паза от балки, находящейся в западной стене пом. 1.

Лестница, стоявшая наклонно в просвете обходного коридора, занимала часть его пространства и давала возможность только бокового попадания в низ пандуса. Поэтому в сердечнике и был предусмотрен небольшой угловой поворот (глубиной 0,6 м). Перекрытие над настилом, по аналогии с угловыми прямоугольными помещениями, должно было быть сводчатым.

Представления о габаритах всего здания было получено после прорисовки внешнего контура. Необходимую для этого толщину стен давала целиком расчищенная бойница в восточной стене пом. 2-3. В уровне бойницы толщина 2,4 м, под бойницей стена выступает полочкой на 0,2 м. Кроме того, стена имеет энтазис, что в итоге наращивает ее к основанию до 2,7 м. Определившийся контур по периметру (с толщиной всех стен 2,7 м) дал интересный образ здания с четырьмя башнями сконцентрированными у центрального ядра. Между мощными выступами башен (2,7 м) с юга и востока располагались бойницы.

Некоторое представление о фасаде сооружения даёт участок, вскрытый с восточной стороны. На метровом расстоянии слева и справа от бойницы отмечены угловые повороты, которые в плане читаются как контрфосы помещения, выступающие на фасаде угловыми башнями. На восточном участке замка между выступами стен произведена расчистка в виде траншеи (шириной 2,4 м). Глубина выемки грунта доведена на 1,3 м от основания бойницы. Вся нижняя часть расчищенного завала представляла смесь золы, пепла, угольков, фрагментов керамики, гумусных остатков (р-з 1-1, рис. 12). На расстоянии 9,6 м от фасада с бой-

ницей по склону холма обнаружена каменная стеночка (высотой 0,75 м, шириной 1,30-1,40 м). Это подпорное устройство укрепляет террасу-площадку, на которой стоит замок. Верхняя часть стеночки на данном участке на 0,7 м ниже пола пом. 1. Такие же подпорные стенки найдены с северо-восточной стороны холма. Расположены они в двух уровнях и имеют угловой поворот. Уровень стенки против северного фасада на 1,08 м выше полов того же самого пом. 1. Вторая стенка на 1 м ниже первой и образует площадку шириной до 5,25 м.

Сравнение высотных отметок показывает, что площадки имели уклон в южную сторону. Границу площадки с юга определял естественный выход гранита, оказавшийся природной точкой отсчета при возведении террас и основании здания. Подсчет уклона с севера до восстановленной южной границы террасы выявил разницу в высоте между площадкой и уровнями полов замка с юга (равной 2,7 м). Таким образом, фасад, обращенный в открытую долину, откуда осуществлялся основной подход к зданию, искусственно поднят, создавая иллюзорную высоту несуществующего внутреннего пространства.

Все здание решено в двух уровнях, что совершенно очевидно из присутствия остатков от балочных прогонов и настилов, завершавшихся на высоте 1,8 м. Величина 1,8 м, вероятно, является мерой, организующей внутреннее пространство замка по вертикали и ее можно принять за модуль — «М». Сводчатое перекрытие над настилом поднимало высоту замка ещё на 2,7 м (что составляло 1,5 М). Самая верхняя часть замка не сохранилась, и можно только догадываться о существовании парапетов, зубцов или бойниц, что еще на 0,9 м могло увеличить высоту (т.е. на 0,5 «М»). Подсчет косвенно подтверждается северо-восточным участком замка, где высота сохранности стен 4,5 м. Правда, не следует забывать, что здесь происходили ремонтные перекладка и докладка стен во второй строительный период. Сумма всех указанных высот составляет 5,4 м.

Если северные стены замка утопают почти в метровом слое грунта (см. описание террас с северо-востока), обнажая предположительную высоту стен на 4,4 м, то с южной — благодаря понижению террасы, к подсчитанной высоте фасада прибавляется ещё 2,0 м «фиктивной» высоты и получается 7,4 м. Кетати, высота южного фасада (7,4 м) очень

близка ширине площадки-террасы с восточной стороны (см. описание выше) и в десять крат больше подпорной стеночки террасы.

Впечатление полной неприступности замка создавалось башенными выступами угловых помещений, между которыми скрывались бойницы. Неприступность здания дополнительно выяснилась при поиске входа в замок. Внешний контур здания зафиксирован в трех точках: на востоке — с выходом бойницы, на западе и севере — по центральным осям плана. Расчистка производилась на ту глубину, которая могла дать верхнюю часть проёма в замок. По характеру всего плана и общему расположению замка относительно ущелья и долины вход ожидался с севера. Это предположение мотивировалось движением вооруженных людей, которые двигались так, что правое плечо идущего было обращено к фасаду (т.е. движение по часовой стрелке). Поиски не принесли ожидаемого результата: проема на уровне первого этажа не оказалось. Единственный доступ в здание осуществлялся через пролом в северо-восточном углу пом. I, но он принадлежал строительному периоду, когда был утрачен доступ к пандусу.

Остаются еще варианты попадания в замок с фасада, но с помощью легко убираемой приставной лестницы: либо на уровень второго яруса, либо на перекрытие. Последний вариант более вероятен в том случае, если лестница устанавливалась в северном заглублении между башенными выступами. Попадание в замок именно здесь возможно еще и потому, что в данном месте не обнаружено никаких признаков устройства бойницы. В пользу трансформирующегося входа говорит повышенный уровень площадки террасы на этом фасаде, скрадывающий внешнюю высоту здания на 0,92 м, и это позволяло пользоваться более короткой и легкой лестницей. Если высота её, как стандартного элемента, могла равняться высоте лестницы, используемой внутри пандусного помещения (т.е. 1,8 м), то уровень подъема на фасаде как раз соответствовал бы уровню пандусного выхода на кровлю. Доказательство следующее: подъем на северном фасаде складывается из высоты террасы относительно пола пом. I, — 0,92 м, высота лестницы 1,8, всего — 2,72 м; составными подъема пандуса являются подъем пандусной дорожки вокруг сердечника — 1,30 м, высота, на которой остался след копыт от горящего настила — 1,5 м, высота самого настила 0,1 м, всего — 2,9 м.

Около 0,2 м разницы в подъемах являются разницей уровней полов в пандусе (он ниже) и пом. 1.

Необычайная замкнутость и труднодоступность во внутреннюю часть замка, возможно, объясняет скошенное положение массива стены во входной части (см. план пом. 1 и 5). Скос на верхнем уровне при входе создавал искусственно ложное направление движения. Непосвященный посетитель или нежеланный гость двигался не к пандусу, находящемуся в юго-восточном углу, а в сторону от него, на запад. Возможно, что здесь, в западной стороне от входа в районе колодца было открытое помещение, служившее приёмной для гостей, здесь же ближе всего было расположено одно из наименьших помещений, служившее хранилищем и кухней (см. описание пом. 5). Если все же недоброжелателю удавалось выйти на пандус, то при спуске его ожидали неприятности; обрыв пандуса внутри на высоте 1,8 м от пола, при легко убираемой приставной лестнице, и потайная бойница в нижнем ярусе пандуса.

При анализе функций строительных деталей в замке не перестаешь удивляться лаконичному решению внутреннего пространства. Судя по всему, строительное дело к периоду возникновения замка не было зачаточным, а носило профессиональный характер.

В основе решения планировки замка делалась ставка на автономный источник воды, обеспечивающий длительную осаду. Почти полная изоляция помещений от внешнего мира служила гарантией безопасности её обитателей. Для дипломатического и товарообменного общения предусматривался подход к замку с выгодной для его обороны стороны. С той стороны, с которой больше всего ожидали опасности — восточной — использованы детали, отвечающие требованиям своего времени, к ним относятся бойницы, тайники и ловушки.

Рациональным можно считать решение пространства вокруг колодца. Хотя оно больше напоминает ритуальные обходные коридоры вокруг центрального зала в храмах, в данном случае коридор выполнял перераспределительную функцию. Он позволял быстро попасть в любую точку замка. С помощью бойниц решалось сразу несколько проблем, связанных с освещенностью, вентиляцией и мусоропроводом, роль которого выполнял лабиринт между бойницами пом. 1 и 2, 7 и 9), дававший возможность передвижения в нем

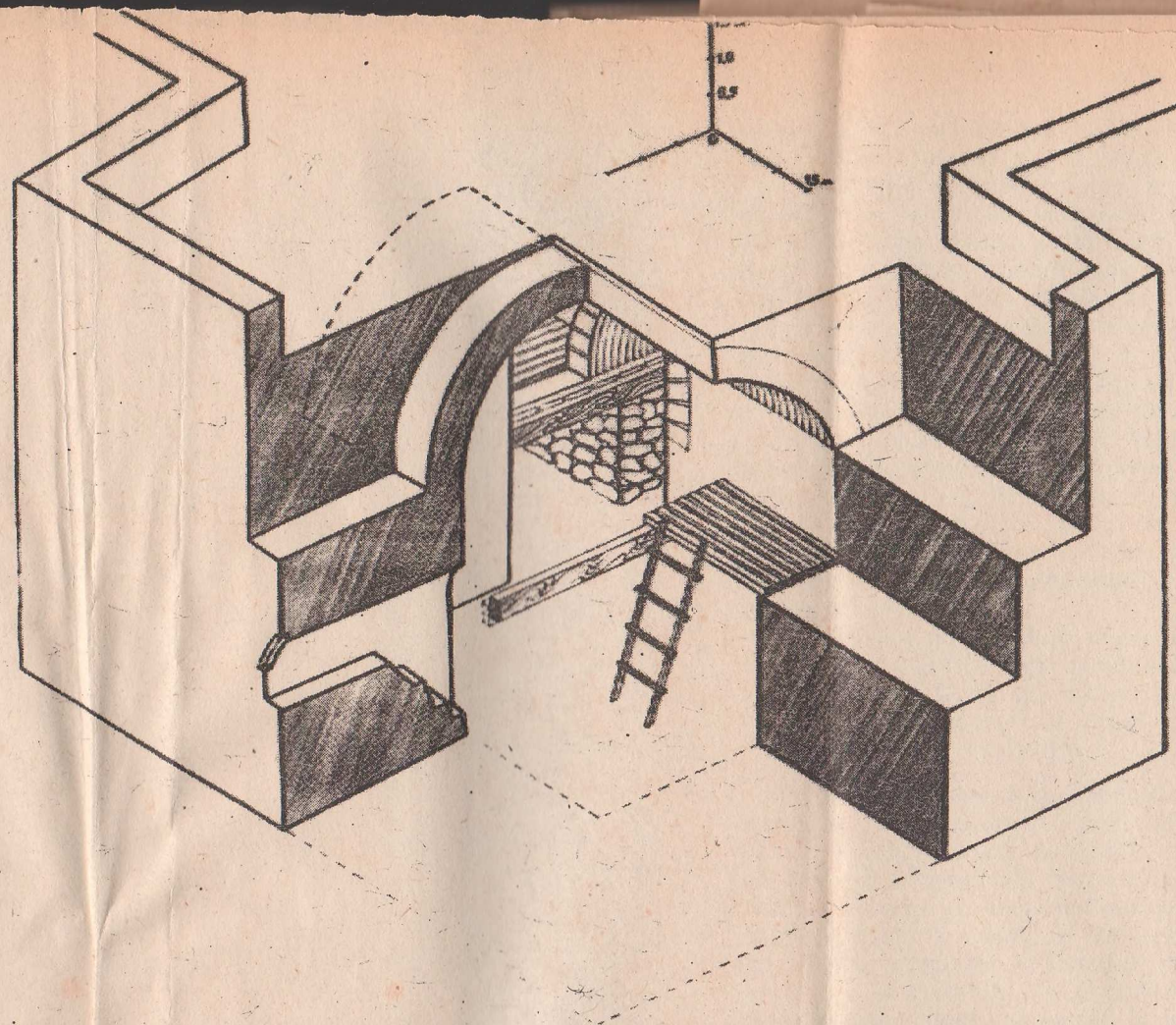

Рис. 3. Замок Каппатепе. Аксонометрия помещения №1.

почти в полный рост и имевший короткое расстояние до наружных частей здания. Вертикальное пространство членилось соответственно среднему росту человека (1,8 м). Неслучайно, в связи с этим, сырцовый кирпич замка имеет размер одной из сторон — 0,30 м. Это кратчайший модуль, равный в классической греческой пропорции $1/6$ человеческого роста, т.е. его стопе.

Деревянные конструкции второго яруса с балочными настилами предусматривали зону отдыха, в то время как пространство на полу было свободным для трудовой деятельности, связанной с кострами и ручными мельницами. К тому же настилы легко обогревались очагами с пола.

Чем же объяснить этот предельный рационализм, какие истоки помогли создать на небольшой по площади территории, в буквальном смысле «пяточке», этот искусственный жизнедеятельный архитектурный организм с теплорегуляцией, самообеспечением влаги, обороной и др.

Часть разгадки лежит в основе создания плана сооружения, метод, которым пользовались при выборе толщины стен, проемов, ширины коридоров и пролетов перекрытий, имел непосредственное отношение к пропорциям человеческого тела. В пропорционировании частей плана использовалось соотношение, подобное соотношению сторон в кирпиче (0,3:0,5 м). Две величины исходного элемента, каким являлся кирпич, создавали модульную вилку. Ложковая и тычковая стороны использовались в кладке одновременно через ряд. Возможность использовать обе стороны кирпича создавали некоторую декоративность, хотя разновеликость его создавалась для других целей. Такой кирпич, как исходный модуль, позволял манипулировать размерами, поддающимися симметричному делению либо на 0,5 м, либо на 0,3 м, либо на ту и другую величину одновременно. Подобный прием позволял иметь больше вариантов в размерах отдельных частей здания, при этом сохраняя его цельность, заложенную в исходном элементе.

Наименьшим общим делимым для размеров сторон кирпича является 1,5 м. Эта величина при среднем росте человека 1,8 м, равняется размаху рук с зажатыми кулаками (полный размах рук равен росту). Отсюда можно заключить, что ведущий строитель, размечавший план, пользовался размером, который был ему продиктован собственным размахом рук с зажатой в кулаках мерной бечевкой.

Размер 1,5 м не удобен для симметричной разбивки (например, в нем укладываются пять кирпичей со стороной 0,3 м или три — со стороной 0,5 м, т.е. ось симметрии попадает на центр кирпича). В создании исходного скелета сооружения необходима осевая чистота, поэтому размер 1,5 м потребовал удвоения. Получившиеся три метра дали расстояние между осями каменных стен колодца. Возможно, эти оси выглядели натянутыми веревками, по сторонам которых выкладывалась стена с толщиной в четыре полуметровых кирпича, т.е. 2 м. Вышеописанная раскладка относится к осям север-юг. Размеры, появившиеся по сторонам от оси запад — восток, имели уже исходные 2 м, которые были отложены по сторонам от оси, образовав длину колодезного помещения 4.

Не менее важным определителем планировки, который связал центр и периферию здания, является обходной коридор. В построение плана при разбивке на земле принимали участие не поверхности стен коридора, а его оси. Так, две оси в направлении север—юг, отстоящие на 2 м от осей каменной кладки колодца с восточной стороны, объединили северо-западный угол помещения 1 и западную стенку сердечника пандуса, с западной стороны на ось попадают северо-восточный угол помещения 6 и восточный простенок помещения 7. Оси коридоров в направлении запад—восток дали расположение на одной прямой, с юга—южную стенку проема помещения 7 и выступы в сердечнике пандуса как со стороны входа в него, так и внутри, возле потайной бойницы, с севера—восточный конец давал середину между углом и бойницей помещения 1. Интересно отметить, что размер северной стены помещения 1, на первый взгляд кажущийся случайным, в действительности был равен расстоянию от точки пересечения коридорной оси до северо-западного угла — 3,5 м. Метровые расстояния от осей в обе стороны определяли стены коридоров и коленчатые угловые развороты. Далее оставалось взять полученное внутреннее пространство в обойму внешних стен. Возведение их уже, как видно, не требовало осей. Толщина внешних стен определилась размером стен с угловыми разворотами. Промежуток между ними в общей задумке плана являлся толщиной задвинутого в пространство здания между помещениями. Об отсутствии осей говорит размер толщины стен — 2,5 м (в среднем), в натуре — с разгонкой швов — 2,6 м.

В построении плана наблюдается трехчастность. Центральная часть с запада на восток делится на трехметровые интервалы между крайними стенами коридоров и осями каменных стен колодезного помещения. Та же трехчастность имеется и в направлении север—юг и охватывает целиком весь размер плана в этом направлении. Два семиметровых интервала охватывают расстояние от внешних контуров стен до внешних стен колодезного помещения, средний интервал включает в себе все колодезное помещение, но точнее — массив кладки с бойницами между стенами помещений.

О том, что планировка выполнялась по предварительным разметкам на местности с отложением модульных размеров по обе стороны от оси, подтверждает поиск внешних контуров. Внешний контур здания замка был обнаружен на расстоянии 6 м от коридорных осей, это же расстояние имеется от осей север — юг до контура стены колодезного помещения с противоположной стороны. Расстояние между коридорными осями север — юг равняется 7 м, столько же между внешними контурами северной и южной стен колодезного помещения. Между осями запад — восток — 9 м, столько же между внешними стенами коридоров с запада и востока. Полученные 7 и 9 м находят свое место в перпендикулярном положении, но в деталях, расширяющих пространство. Все это не случайное совпадение, а отражение заложенной в здании закономерности и элементы в них вытекают один из другого.

Трехчастность отражена во всем внешнем облике замка: два уступа террас с уменьшающимися площадками и само здание в центре. Присутствие обходных площадок несколько противоречит замкнутости и недоступности самого замка. Думается, что «квадратно-концентрический план и террасообразное расположение (внутренние дворы повышаются по сравнению с внешними) — это дань той культуре, отголоски которой обнаруживаются на территории древнего Илака.

Замок Каппатепе не имеет прямых аналогий в близко расположенных исторических объектах. Но при рассмотрении отдельных элементов конструкций перекрытий, композиционных приемов при построении планов можно обнаружить временные связи и определить время существования замка. Близко, приблизительно в полутора километрах от Каппатепе, расположен памятник Тиркаштепе. Это храм с центрической композицией зала 10х10 м и обходными ко-

ридорами с совершенно идентичной шириной коридоров как на Каппатепа — 2 м. Перекрытие коридоров сводчатое, с наклонными отрезками. Еще одна интересная деталь роднит эти два памятника — наличие колодца в Тиркаштепа, но он расположен не в центре, а справа от входа в заглублении центрального зала. Колодец обложен каменными стенками. Вероятно, Тиркаштепа, датируемый IV в. н.э., является местным примером решения планировки отдельно стоящего здания. Удивительная похожесть храма с замком выражена в равных размерах по фасаду — 21 м. Различие этих памятников в социальной значимости: Тиркаштепа к долине с юга обращен входом, Каппатепа — с юга встречает неприступным глухим фасадом с бойницей. Несомненно, храм имеет более упрощенную и спокойную планировку и является, вероятно, более ранним примером для замка, подражание которому наблюдается в ширине сводчатых коридоров и размере фасада.

Более отдаленные по территории памятники находят аналогии с замком. Это объекты по среднему и нижнему течению Сырдарьи. К ним относятся постройки Хорезма IV—VI вв., в частности Яккапарсан, датируемый исследователями V в. н.э. и рассматриваемый «как первый пример сильно укрепленной усадьбы, появление которой связано с зарождением новых социальных отношений». В замок можно было попасть только по перекидному мосту. В случае осады этот мостик убирали, и он становился почти неприступным...». Схожесть Каппатепа с замками VII—VIII вв. Хорезма обнаруживается в наличии колодцев. Так, в комнате № 2 Яккапарсана был колодец, стенки так же, как и в колодце Тешиккалы, выложены сырцовыми кирпичами. В целом замок Каппатепа обладает чертами средневековых замков VII—VIII вв. — двух вышеуказанных памятников Хорезма. «У обоих квадратная жилая башня — кешк стоит среди двора... В кешке (Яккапарсан размером 24х24 м) центральное купольное помещение объединяло плоскостровельные комнаты, куда открывались двери с двойным тамбуром. На случай осады внутри башни был вырыт колодец. ...Мервские замки строились вокруг замкнутого двора со сводчатыми помещениями в два этажа, из которых нижний мог размещаться в платформе. Таковы: пригородные усадьбы Мерва Кызкала Большая и Кызкала Малая». Размеры последних по фасаду составляют 21 м.

Немалая роль в датировке Каппатепа принадлежит

формату кирпича. Размер 50х30 см является довольно редким явлением. По таблице с раскладкой форматов по объемам и датировкам по А. Нильсену, можно привести следующие аналогии: Фергана и Уструшана — замок Калаи — Боло до IV в., формат кирпича — 48х32х8 см; Согд — здание около Кафиркалы, VI—VII вв., формат кирпича — 50х30х8 см.; Северный Тохаристан, замок Чаянтепа, VI—VII вв., формат кирпича 50х30х8—10 см.

Как следствие вышеприведенных аналогий можно заключить, что первый строительный период Каппатепа относится к VI в. Второй строительный период можно датировать периодом между VI и VII вв., так как следующий, третий период знаменует собой сокращенный объем замка на 1/3 и превращения центрической композиции в коридорную систему. Последнее присуще большинству памятников VII—VIII вв., расположенных в соседних от Илака областях: это Тирмизактепа и объект II городища Калаи Кахкаха II в Уструшане, загородные усадьбы Пенджикента в Согде.

Центрическая основа планировки исследуемого замка включает в себе генетически устойчивую форму, которая в большей степени присуща жилым домам, но дошедшая до наших дней в культовых постройках X—XII вв. Ближайшим по расположению примером следует назвать мавзолей Мухаммада Бошаро в кишлаке Мазори Шариф в долине Верхнего Заравшана. Хотя до сих пор не стихают разногласия по его датировке, бесспорно то, что этот мавзолей значительно отдаленный от культурных исторических центров и затерявшийся в горной местности, имеет центрическую композицию с центральным купольным залом, который обрамляют угловые замкнутые помещения через коленчатые коридоры.

Территориально, но несомненно близкий по типу к замку Каппатепа памятник находится в Кулябе — это мавзолей Амира Саида Хамадони. Его центральный купольный зал также обрамляют замкнутые угловые коридорообразные помещения. Интересно отметить, что юго-восточный «коридор» является лестницей на кровлю. Возможно, что точное совпадение расположения лестниц случайное, но случаен ли такой элемент, как второй ярус из деревянного настила в угловых помещениях в Кулябском мавзолее. К сожалению, этот памятник не получил должного внимания исследователей. Более глубокие корни таятся, пожалуй, во вто-

ром ярусе из деревянного настила в Каппатепа, который к X в. трансформировался в обходную галерею в венчающих частях мавзолея, как в мавзолее Султана Санджара в Мервском оазисе или Исмаила Самани в Бухаре.

АРХИТЕКТУРНОЕ РЕШЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАМКА КАППАТЕПА

Археологические раскопки замка Каппатепа и проведение тщательных обмеров позволили представить памятник в планах и разрезах с периодизацией трех строительных периодов. Графический анализ выявил первоначальный вид замка, расположенного на наклонной площадке, укрепленной двумя уступами каменных стен. Обращает на себя внимание трехчастность в оформлении внешних объемов: два уступа площадок и объем самого замка над ними. Построение плана первого строительного периода основано на трех объемах внутреннего пространства, последовательно (или радиально) расположенных вокруг центра: помещение с колодцем, обходные коридоры вокруг него и четыре помещения, ответвляющиеся от угловых поворотов обходных коридоров.

На первоначальном этапе исследования плана стояла задача нахождения линий контура и определения размеров здания по внешнему периметру. Ее можно было решить, нарастив внутренний выявленный контур размеров в толщину стены, промеренной по восточной бойнице и по аналогичным участкам, но без бойниц, в северной и западной стенах. Толщина стен в среднем сечении с севера и запада равна 2,68—2,67 м. С восточной стороны толщина стены по просвету бойницы равна 2,40 м. Под бойницей с восточного фасада стена выступает полочкой размером 20 см. От основания до верха полочки стена имеет энтазис, утолщающий ее книзу еще на 8 см. Таким образом, размер толщины стены равен $2,4 \text{ м} + 0,2 + 0,08 = 2,68 \text{ м}$. После равномерно отложения толщины от внутренних стен замка выявились теоретические размеры фасадов с запада и востока — 22,1 м, и с севера, и юга — 19,1 м. Кроме того, прорисованный контур замка показывает заглубления по центрам фасадов, очень напоминающие так называемые «прясла» между башенными выступами крепостных стен. Размер «прясла» на уровне низа бойницы — 2,45 м. (восточный

фасад); заглабление его относительно крайней линии фасада можно высчитать, для этого необходимо привлечь размер южной стены помещения № 1, равной 2,25 м (толщина стены). Именно к ней наращивалась толщина стены — 2,68 м. Таким образом, общий массив юго-восточного угла помещения № 1— $2,25+2,68=4,93$ м (без малого 4,95 м). Вернемся снова к размеру стены по бойнице, ширина которой 2,4 м, высчитаем ее из величины массива: $4,95$ м — $2,4$ м = $2,55$ м. — это и есть глубина «прясла». При подсчете глубины «прясла» с западного фасада те же операции проведены уже с другими числами, так как размер южной стены помещения № 6—2,46 м и общий массив юго-западного угла этого помещения складывался из величин — $2,46+2,67=5,13$ м. Размер массива, связанный с тем же западным фасадом, можно высчитать с северо-западного угла помещения № 7, тогда наращению подлежит северная стена $2,55$ м + $2,67$ м = $5,23$ м. Возможно, разница в толщинах массивов одной и той же стены — 10 см является погрешностью обмера, где не учитывалась толщина штукатурных слоев в помещении № 6 (0,02 — 0,03 м), энтазис стен при обмерах их на равных уровнях и т.д. Возьмем для подсчета глубины «прясла» среднюю толщину массива и вычтем размер западной стены по среднему сечению $5,18-2,67=2,51$ м. Таким образом, «прясло» без бойницы на западном фасаде почти равно заглаблению бойницы на восточном фасаде ($2,51-2,55$ м). Теперь можно получить весь размер памятника по оси запад — восток — (расстояние между крайними границами, образованными западным и восточным обходными коридорами, равно 9,3 м на высоте 1,5 м от пола, и 9 м в основании ($9\text{ м}+5,18\text{ м}+4,93=19,10\text{ м}$)). Размер замка по оси север — юг просчитан тем же способом и равен 20,85 м.

Размеры Каппатепа напоминают отдельно стоящие замки Мервского оазиса, а также многочисленные сельские поселения древних областей Семиречья, Чача, Илака. Эти археологические объекты в прошлом имели сходную рельефную структуру, окружающую замок, датируются в тех же временных пределах (V—VIII вв.) Несмотря на многочисленность раскопанных раннесредневековых памятников, они еще не изучены как объекты архитектурных школ. Отсутствие сведений о композиционных приемах построений исключает возможность познавать строительный объект как высшую форму проявления геометрических и матема-

тических знаний общества. В архитектуре Средней Азии, как правило, анализам планов, фасадов, разрезов подвергались наземные сооружения, выполненные из кирпича или камня. И это, естественно, связано с более точными объемами твердого строительного материала, нежели сырец. Тем не менее попытки геометрического построения и математической закономерности в среднеазиатских сырцовых сооружениях есть и небезуспешные. Так, градостроительная основа Пенджикента имеет модульное строение, в котором «уличные магистрали разбивают город на несколько кварталов». Архитектор Л. Л. Гуревич, проработавший с нивелиром на древнем строительном полигоне и с циркулем за чертежной доской, считает, что «Пенджикент, как раннесредневековый город выделяется регулярностью застройки» и утверждает, что «планировочная сеть шахристана и замки были инструментально разбиты в V в. на основе модулей в 53,8 м и 26,9 м» (Анарбаев, 1981, с. 21). Достаточно подробный анализ проделан на объекте Кой-Крылганкала, где выявлены практически все возможные модули архитектурных элементов и показана их взаимосвязь в одном объекте (Лапиров—Скобло, 1979, с. 58—65). Еще два памятника, расположенные на территории древней Уструшаны, были подвергнуты анализу с целью выявления модуля (многоколонный зал в Бунджикате) и закономерности в построении законченных объектов, сохранившихся до наших дней в целом виде (Мамаджанова, 1987).

Поиск модуля и общей идеи построения в каждом конкретном случае не одинаков, так как различно функциональное назначение отдельных внутренних объемов и условия его существования в целом, в определенной географической среде. В замке Каппатепа обращает на себя внимание в первую очередь одинаковость расположения угловых помещений от центра и осевое расположение заглубленных «прясел» на всех четырех фасадах. Интуитивная догадка об осевом изначальном построении подтвердилась, но путь решения был непростым. Если провести ось север—юг через центр помещения с колодцем, что выглядит достаточно естественным, так как оно занимает центр замка, то выяснится, что ось остается центральной только для помещения с колодцем, а относительно обходных коридоров будет смещена к западу на 30 см. Чтобы получить центральную ось запад—восток, необходимо определить недостающие контуры колодезного помещения с северной сто-

роны. Для этого достаточно отложить ширину коридора с севера по аналогии с другими 2,1 м. Затем отложить толщину стены колодца. Расчистка показала, что она неодинакова: с востока 1,8 м, с запада и юга—1,5 м. Вопрос о толщине стены с севера оставим на время открытым. Ось запад—восток проведем симметрично относительно обходных коридоров, заметим при этом, что ширина колодезного помещения 1,8 м. (обмерная величина от 1,8 м до 2,11 м, связана с переложенными стенами последнего периода). Теперь поменяем ось север—юг, сделав ее центральной также относительно обходных коридоров. Таким образом, получены две пересекающиеся взаимоперпендикулярные оси, являющиеся центральными для пространства, ограниченного обходными коридорами. Они образуют прямоугольник со сторонами 9,30 м и 11,10 м — это величины, в которых откладываются кратное число, раз отрезок величиной 1,8 м.: по оси запад—восток — пять (с остатком 3 см), по оси север—юг — шесть раз (с остатком 30 см). Остатки по 30 см объясняются обмером на высоте 1,5 м от пола. Книзу стены расширяются благодаря энтазису, равному 0,05 м на 0,5 м высоты, таким образом, основание стен на 15 см с одной и с другой стороны шире, чем на высоте 1,5 м. Теперь попробуем упорядочить внутреннее пространство замка, ограниченное обходными коридорами, расчертив в ней сетку с шагом 1,8х1,8 м, этой сеткой покрыт весь план строительного периода, он срабатывает только в пределах коридора. Прямоугольник пространства между коридорами составит ровно 30 ячеек. Два центральных квадрата в направлении север—юг равны площади колодезного помещения, однако сдвинуты относительно его контура в северо-восточную сторону. Перед нами первичный прямоугольник плана, с которого начиналось построение замка. Отметим попутно, что через центр осей север—юг, запад—восток проходят оси, на которых располагаются отдаленные углы сводчатых помещений. Удаленность их от центра определяется четырехкратной величиной диагонали квадрата 1,8х1,8 м — ячейки, лежащей в основе плана. Итак, исходной единицей для осуществления строительной идеи лежит геометрическая фигура — квадрат с диагональю. Что же собой представляют числа, составляющие этот квадрат?

При первых попытках определить закономерность и последовательность построения внутренних объемов замка было намечено несколько путей. Один из них принадлежал по-

иску с привлечением систем перекрытия. Аргументы в пользу исходного начала масштабности сооружения, находящегося, в прямой зависимости от пролета перекрытия, проанализированы в построении плана Кой—Крылганкала (Лапиров—Скобло, 1979, с. 58-65). Метод, использованный в упомянутой работе, не мог быть применен на Каппатепе в силу следующего обстоятельства. Остаток свода, обрушившийся на пол помещения № 7, а также остатки пазов от деревянных балок давали достаточно ясную картину двухъярусного членения внутреннего пространства как в коридорах, так и в помещениях. Своды могли завершать всю систему перекрытия второго яруса. По плану первого этажа не удалось выявить строгой закономерности в размерах сводов, что позволило бы опереться на них в поисках модуля. Все три помещения (четвертое пандусное с массивом сердечника в центре) имеют стены с близкими, но не равными размерами — 4,1 м; 4,0 м; 3,92 м — это опорные стены для наклонных отрезков свода. Противоположная опорная сторона укорочена — на 2,62; 1,8; 1,5 м и, таким образом, безопорная часть свода должна была покоиться на сводах обходных коридоров или вписываться в их контуры. Щипцовые стены помещений, которые собственно, являются размером пролета перекрытия, различны не только между собой (3,1 м, 3,07 м, 3,44 м), но и не имеют того же размера с противоположной стороны внутри помещения. Таким образом, в данном сооружении пролет перекрытия не являлся исходным началом построения, а, скорее всего, был следствием общей идеи. Поскольку своды не являлись акцентирующим моментом в построении, они рождались в процессе возведения здания спонтанно, как бы само собой разумеющееся завершение верха. Это явление лишний раз подтверждает мнение о повсеместности использования сводов в строительстве периода появления замка Каппатепе. Действительно, опорами сводов являлась внешняя оболочка самого замка, она же оборонительная стена, составляющая размеры фасадов, поддающиеся модульной раскладке в исчислении на размеры сторон кирпича.

Более простой путь поиска модуля подсказывает двумерность формата кирпича. Простым арифметическим подсчетом можно найти наименьшее общее делимое для всех сторон кирпича размером 0,5х0,3х0,1 м. Такой величиной является 1,5 м. Если рассматривать применяемую величину в горизонтальной плоскости, то в своем естественном

положении стороны кирпича в нем будут укладываться кратно по пять или три раза в зависимости от тычкового или ложкового ряда. Итак, если величина 1,5 м имеет отношение к модулю, то она должна в чистоте отразиться каким-либо целым элементом в плане. Не исключено ее кратное двойное, тройное и т.д. присутствие. Искомую величину — 1,5 м составляют толщины южной и западной стен помещения с колодцем. В двухкратном размере эта величина встречается в северной щипцовой стене помещения № 6 и в южной — помещения № 7 (размер 3,07 0,6), в щипцовых стенах вместо 3,00 м за счет энтазиса боковых стен, наблюдаемом во всех стенах замка — 5 см на 0,5 м высоты). Двукратность также теоретически обнаруживается в заглублениях по фасадам. Таким образом, величина 1,5 мало что дает в плане закономерности. Внимание привлекает шестикратное его увеличение, которое дает ширину внутреннего пространства, ограниченное обходными коридорами, по оси запад—восток. По оси север—юг эта закономерность уже отсутствует. При анализе многократности одинаковых размеров большая повторяемость в отдельных архитектурных деталях принадлежит числу 1,8 м. К нему относятся: ширина восточной и северной стен помещения с колодцем; на ширине 1,8 м отстоят угловые отвороты с юго-востока помещения № 6. Той же величиной является ширина входной части помещения № 7 со стороны южного коридора. На аналогичном расстоянии от северо-восточного угла помещения № 1 расположена бойница. В пандусном помещении искомый размер встречается дважды: в ширине пандусного сердечника в направлении север-юг. Есть еще две величины по 1,8 м, полученные графической прорисовкой контуров северного и южного обходных коридоров и являющиеся шириной северного колодца коридора от восточного выступа лопатки и южного — между каменной кладкой колодца и плоскостью стен с бойницей. И, наконец — 1,8 м—ширина центрального помещения с колодцем. Таким образом, в уровне первого этажа замка присутствуют 10 элементов с горизонтальным размером, в котором формат кирпича укладывается и кратно (тычковой стороной) — $1,8 \text{ м} : 0,3 \text{ м} = 6$, так и в обратном значении кратности (при ложковой стороне) — $1,8 \text{ м} : 0,5 \text{ м} = (1,5 \text{ м} : 0,5 \text{ м}) + (0,3 \text{ м} : 0,5) = 3,06$.

Не менее важную во всем объеме замка функцию выполняет формат кирпича— $0,5 \times 0,3 \times 0,1 \text{ м}$. Но ему принадле-

жит роль связующего звена в модульных пропорциях. Двумерность формата кроме удобства в пропорционировании несет в себе еще и декоративные свойства. Они были использованы в интерьере (в частности, в помещении № 1), где чередуются тычковые (0,3 м) и ложковые (0,5 м) ряды, разделенные горизонтальным слоем (толщиной 10 см.) раствора. Другой декоративный мотив наблюдается на фасадах (обнаженный участок с запада). Здесь чередуются ряды целого и половинного размера ложковой стороны, причем разрыв между рядами равен двойной толщине кирпича.

В поиске построения участвовал еще один путь — это расположение отдельных элементов на одной оси. Уже общий взгляд на композицию плана создавал картину некоторой закономерности: на одной оси лежат северо-западный угол помещения № 1, массив сердечника и стена проема восточного коридора, связанного с пандусом потайной бойницы. Точно также на одной оси того же направления северо-юг расположены северо-восточный угол помещения № 6, восточная стена проема между западным коридором и помещением № 7 и восточная стена с лабиринтом того же помещения.

В построении плана есть некоторая странность, которая не находит объяснения в закономерностях модульного построения — это скошенное положение стен помещения № 1 и 6. Параллельно тому же направлению выложена западная стеночка пандусного сердечника и стенки лабиринта восточной бойницы. Если быть последовательным, то необходимо выявить направление в помещении № 7. Он также скошен относительно направлений стен помещения. Графический способ показывает, что две направляющие стен южного лабиринта пересекаются с двумя аналогичными направляющими восточного лабиринта, имеют две точки пересечения по оси, на которой расположены угол пандуса и помещения № 6. Последняя ось примечательна еще одним моментом — она на 25-26° отклоняется к западу от ориентации на север, на такую же градусную величину отклонены к востоку направления скоса стен помещения № 1 и № 6 и стен лабиринта восточной бойницы.

Многоплановость, которая наблюдается в композиции плана, возвращает мысль к первоначальному квадрату, определившему размер колодезного помещения. Возникает

естественный вопрос: почему прямоугольник, в центре которого пересекаются четыре оси, будучи центром для коридорного пространства, не существует в натуре? Объяснение возможно следующее. Разбивка плана происходила действительно на основе того мистического прямоугольника. Он не мог сохраниться в натуре потому, что понадобилось усиление восточной стены колодца способом простого утолщения ее на 30 см, то же самое произошло и с северной стеной. Таким образом, внутренняя величина помещения с колодцем осталась равна первоначальному прямоугольному прямоугольнику, но смещенному на запад и на юг. Увеличение размеров стен колодца вызвано ослаблением устоев внешней восточной стены из-за полосей лабиринтов и бойниц. Северная стена, вероятно, перераспределяла нагрузку из-за скошенного положения относительно всех стен.

Вывод из вышеописанной ситуации со смещением основного ядра построения может быть только следующий. Реальное положение центра построения и осей зависели от решения мастера-строителя, его видения взаимосвязи всех деталей здания, причем решение принималось без предварительной подготовки, тут же на месте, в условиях не простого и не стандартного рельефа.

Глава V

Материальная культура памятника. Керамика

За период работы на Каппатепа было получено очень много различных находок, но глиняная посуда составляет основную и довольно разнообразную часть.

Весь керамический комплекс делится на две группы по способу изготовления: лепную и гончарную. Каждая из этих групп распадается на отдельные подгруппы по их функциональному назначению — тарную, кухонную и столовую, кроме них имеются изделия специального назначения. Все это будет оговорено при описании каждой отдельной группы керамики.

Соотношение лепной и гончарной керамики неравное, преобладает первая (76%), при этом соотношение в подгруппах также неодинаково — гончарной керамики довольно много среди кувшинов и кружек, встречается немало среди хумов, а в остальных подгруппах изделий гончарной выделки почти нет или же небольшой процент и отдельные экземпляры. Переходим к описанию изделий из керамики.

Хумы. Это более крупные изделия, хорошо известные в материальной культуре Средней Азии с древнейших времен. Но этой категории гончарных изделий очень много на памятниках раннесредневекового периода, что, как полагают исследователи, было обусловлено становлением нового, феодального способа производства, с необходимостью хранить большие запасы продовольствия в замках и укрепленных усадьбах (Брыкина, 1982, с. 59).

Фрагменты хумов и целые экземпляры найдены почти во всех помещениях, особенно их было много в помещениях № 1 и 7. Многие хумы стояли на полу и были задавлены рухнувшими на них верхними частями стен и перекрытий. Некоторые хумы удалось восстановить, а несколько, которые были врыты в пол, хорошо сохранились,

Хумы имеют разные формы и емкость, различаются по технике изготовления.

Хумы лепные. Эти изделия изготовлены из грубого теста с многочисленными примесями, неровного обжига. По форме тулова двух видов: а) хумы яйцевидной и вытянутой формы. Горловина слабо выделена. Венчики овального профиля, прямопоставленные, или слегка отогнутые наружу (Рис. 5.5), являются продолжением стенок, небольшой толщины; б) другой вид лепных хумов — это более приземистые, толстенные изделия. На фрагментах широких донцев следы подсыпки песка или матерчатой основы. Горловина слабовыраженная, устье по размерам почти равно донцу, венчик утолщён, отогнут наружу, в срезе овальной, прямоугольной или подтреугольной формы.

Диаметр венчика 25—46 см, высота 35—75 см. По качеству теста оба вида лепных хумов почти не различаются: изготовлены из грубого теста, с добавлением шамота. Обжиг неровный. В разломе стенок хумов второго вида (б) чётко прослеживается трехслойность, свидетельствующая о плохом качестве обжига.

Хумы гончарные. Они составляют значительную долю фрагментов. Здесь очень много вариантов профилей венчиков, которые сгруппированы в следующем порядке:

- а) слегка отогнутые наружу, в сечении овальной формы;
- б) подтреугольного сечения;
- в) подпрямоугольного сечения;
- г) подпрямоугольного сечения, внешняя поверхность которых украшена полосой пальцевых тиснений или зашипоз (Рис. 5. 2).
- д) слегка отогнутый наружу венчик подпрямоугольного сечения, внешняя его поверхность разделена поперечной бороздкой на две равные части;
- е) отогнутый наружу венчик прямоугольного сечения, внешняя поверхность в её верхней части заовалена, а в нижней — оттянута вниз;
- ж) такой же, как и предыдущий только две части внешней поверхности разделены поперечной бороздкой (рис. 4. 2—5). Другие виды профилей венчиков промежуточные.

По качеству гончарные хумы различаются. Некоторые из них изготовлены из хорошо отмученной глины, в тесте почти нет примесей, поверхность покрыта довольно плотным ангобом светлых тонов, ровного обжига; другие же изго-

товлены из пористой глины, с примесями, ангоб плохого качества, обжиг неровный (в разломе стенок — характерная трехслойность). На поверхности отдельных хумов по светлomu ангобу имеются потеки светло-коричневой или темно-красной окраски (рис. 5. 2. 4).

Диаметры венчиков колеблются от 30 до 50 см.

Как было отмечено выше, хумы — одна из наиболее часто встречаемых категорий керамических изделий на памятниках Средней Азии. Хумы, близкие к нашим по профилям венчиков, размеру и формам известны как на территории Илака и Чача, так и в соседних областях — Фергане, Худжанде, Уструшане, Согде (Тереножкин, 1948; Левина, 1971, с. 25—28; Буряков, 1982, с. 77, рис. 8, 5—7; Брыкина, 1982, с. 59—60; Беляева, 1984, с. 339, 344; Пулатов, 1975, с. 42—66; Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, с. 71—89; Бентович, 1964, с. 264—268; Исаков, 1977, с. 125, 135—136, рис. 43).

Если применить хронологическую классификацию эволюции венчиков хумов, предложенную В. И. Распоповой (Распопова, 1966, с. 139—148), учитывая, что влияние Согда на Семиречье шло через Чач-Илак), то хумы вариантов а), в), г) — более ранние, чем другие, а в общем датировка хумов укладывается в рамках VI—VIII вв.

Хумчи. Эти изделия по назначению, форме и способу изготовления близки к хумам, отличаясь от них лишь меньшими размерами (рис. 4. 5—9). Размеры диаметров устья колеблются в пределах 24—36 см. Кроме тех вариантов венчиков, встречающихся среди хумов имеются следующие:

а) с уступчиком по верхней поверхности подпрямоугольного венчика (рис. 4. 7, 9);

б) подпрямоугольный профиль венчика, наружная сторона разделена двумя поперечными бороздками на три части.

По внешней, а иногда и по внутренней поверхности некоторых хумчей имеются потеки или мазки коричнево-красной краски.

Тагора. К группе толстостенных изделий принадлежат и тагора. Это более емкие изделия открытой, усеченно-конической формы. Диаметр их устья чаще всего больше диаметра донца.

Тагора не принадлежат к числу широко распространенных и часто встречаемых находок. Они почти всегда представлены единичными экземплярами. При раскопках замка Каипатепе найдены несколько фрагментов от трех тагора, одного лепного и двух гончарных. О выделении типов тагора, из-за малочисленности находок говорить не приходится, но ввиду того, что все три тагора различаются между собой, они описаны отдельно.

Лепная тагора имеет прямые стенки, завершающиеся заovalенным и слегка отогнутым наружу венчиком. Дно не сохранилось, но видно, что оно было меньше устья. Диаметр устья 30 см. В тесте много примесей. Обжиг неровный.

Вторая тагора — изделие станковой выделки на плоском донце, от которого под углом идут ровные стенки, заканчивающиеся прямоугольным в разрезе «Г» — образным венчиком. Диаметр устья 46 см. По имеющимся у нас фрагментам восстановить высоту тагоры трудно, но учитывая данные аналогичных изделий из других памятников, например Кайрагач (Брыкина, 1982, табл. 13, 2, 5—8), Чаш—Тепе (Левина, 1971, с. 151, рис. 54, 21), можно сказать, что высота тагора 25—35 см.

Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины, в плотном тесте — незначительное количество примесей. Обжиг равномерный (стенки в разломе темно-желтого цвета). Внутренняя поверхность, верхняя поверхность (площадка венчика) и частично внешняя сторона венчика покрыта бордовым ангобом, а наружная поверхность стенок — плотным ангобом желтого цвета.

Другой фрагмент тагоры — фрагмент стенки, завершающийся сильно отогнутым венчиком. В сечении венчик подпрямоугольной формы. Верхняя площадка украшена прорезанным волнистым орнаментом.

Немного ниже венчика, по наружной стороне стенки, такой же орнамент. Близкие к этому экземпляру тагора известны в Юго-Западной Фергане, в частности, они обнаружены при раскопках Карабулака (Брыкина, 1974, с. 63, рис. 38. 1, 2).

Тагора использовались для хранения пищевых запасов, для замешивания теста и, возможно, для стирки, а также для других хозяйственных дел.

Горшки. Эта категория изделий также представлена лепными и гончарными экземплярами. В количественном

отношении преобладают гончарные. Лепные горшки — шаровидной или слегка вытянутой формы в разрезе, с несколько отогнутым наружу венчиком.

Горловина слабо выражена или вообще отсутствует. Диаметр устья равен или немного меньше диаметра плоского донца. Высота сосудов в среднем равна диаметру тулова. Выделяются два типа лепных горшков: а) сосуды без ручек; б) сосуды с ручками. К первому типу в нашем комплексе относятся два целых, хорошо сохранившихся экземпляра, фрагмент венчиков, стенок и донцев.

Размеры целых изделий: диаметр устья 24—25 см, высота — 30, наибольший диаметр тулова 30, диаметр донца 22—24 см. В тесте много примесей.

Другие горшки снабжены двумя (изредка одной) петлеобразными или овальными ручками, которые крепились одним концом к венчику на уровне края или слегка приподнимаясь над ним; другим, нижним — к плечикам. Имеются и горшки с подковообразными ручками, которые лепились к верхней части тулова. На некоторых из них насечки, полоски, имитирующие шерсть баранов. Нижние концы ручек прижаты пальцами, возможно, для лучшего крепления.

Аналогичные горшки хорошо известны по комплексам каунчинской культуры — в слоях Каунчи I—III (Левина, 1971, с. 180, табл. 59; с. 182, с. 185; Буряков, 1982, с. 74, рис. 6, 2, 22, 27) и отарско-каратауской культуры (Байнаков, 1986, с. 44, рис. 5, 24, 25; с. 47).

Значительная часть найденных фрагментов горшков — станковой выделки. Гончарные горшки имеют шарообразное тулово. Венчики в профиле разнообразны (подтреугольные, подпрямоугольные, заовальные, клювовидные и др.), но все отогнутые наружу. Диаметр устья в среднем 19—20 см.

Горшки изготовлены из хорошо отмученной глины без примесей или с незначительными инородными включениями, довольно тонкостенные, снаружи покрыты желтым или розовым ангобом. Многие горшки по светлому ангобу внешней поверхности имеют потеки темно-коричневого, бурого или черного цветов. Имеются экземпляры с ручками, прикрепленными к верхней части тулова, украшенные по горловине или по тулову резным орнаментом.

Аналогичные изделия хорошо известны по изученным памятникам Ташкентского оазиса и датируются в пределах VI—VIII вв. (Левина, 1971, с. 185).

Котлы. К горшковидным сосудам примыкают близкие к ним по форме котлы для приготовления пищи.

Котлы исключительно ручной лепки, сферической формы и с невысоким прямопоставленным горлом. Во многих случаях горловина очень слабо выражена. Котлы на плоском дне. Венчики заовальные в профиле, прямые или слегка отогнутые наружу. На горловине или на плечиках дугообразные ручки, опускающиеся от закраины на плечико, часто украшенные жгутовидным орнаментом. Некоторые котлы имеют по две подковообразные ручки—ушки. Диаметр устья в пределах 15—25 см.

Котлы изготовлены от руки из глины со значительными примесями. Выделка, в основном, грубая.

В тесте каппатепинских котлов содержится большое количество гипса, шамота. Состав теста котлов обусловлен их функциональным назначением. При изготовлении пищи котлы постоянно подвергаются воздействию огня и вследствие этого должны обладать термостойкостью. Наблюдения Н. С. Гражданкиной и Ф. А. Бурнашевой показали, что котлы выдерживают нагрев до 200—300° (Бурнашева, 1964, с. 170).

Котлы найдены во многих памятниках Средней Азии. По составу теста, форме изделий и особенно по ручкам котлы Каппатепы находят ближайшие аналогии в комплексах каунчинской культуры (Левина, 1971, с. 192).

Чайники. Сосуды, специально предназначенные для кипячения воды—чайники—довольно редко находимые изделия. Один целый экземпляр чайника и два небольших фрагмента от другого были найдены при раскопках Каппатепы. Рассмотрим целый экземпляр.

Чайник лепной. Тулово шаровидное, на плоском, слабо-выраженном донце. Горловина невысокая, также слабо выражена. Подпрямоугольный в сечении венчик отогнут наружу. У чайника имеется носик-слив, вертикально поставленный на покатое плечико.

Носик-слив в плане треугольной формы и основанием треугольника соприкасается с венчиком. На боку чайник снабжен небольшой округлой ручкой, прикрепленной одним концом к венчику, другим — к тулову. Диаметр венчика 14 см; диаметр донца 14,5; высота 15 см.

Весь чайник в копоти, подвержен сильному воздействию огня. Чайник изготовлен из того же огнеупорного состава теста, что и котлы.

Известен чайник и по раскопкам Карабулака (Брыкина, 1974, с. 56, рис. 33. 5; 35. 3). Фрагменты чайников имеются среди керамических находок из культового комплекса в кишлаке Вранг (Западный Памир) и датируются V—VI вв. н.э. (Бубнова, 1986, с. 259).

Но между чайниками Каппатепа и Карабулака имеются различия:

а) чайник из Каппатепа плоскодонный, а карабулакский — круглодонный;

б) чайник из Каппатепа имеет треугольный, вертикальный носик-слив, карабулакский — цилиндрический носик на покате тулова;

Жаровни-сковороды. Это плоскодонные изделия с невысоким бортиком. При раскопках Каппатепа целых жаровен не найдено, но получены многочисленные фрагменты, которые группируются в несколько типов, отличных друг от друга:

а) прямопоставленный бортик высотой до 5 см, венчик подпрямоугольный в сечении;

б) невысокий бортик (до 3 см), заovalенный в сечении венчик слегка наклонен вовнутрь;

в) невысокий бортик, венчик слегка отогнут наружу,

г) невысокий бортик (1,5—2 см), по краю которого нанесены неглубокие вдавливания.

В целом все жаровни плоскодонные, круглые, с невысоким бортиком (2—5 см). Диаметр 45—50 см. Возможно, были и меньшего диаметра. Изготовлены из огнеупорного теста (близкого по составу к тесту котлов) с большим количеством инородных включений.

Жаровни находят часто, и вообще все они близки по своей форме и размерам. Различия порой наблюдаются в толщине и высоте стенок бортика. Как и другие керамические изделия Каппатепа идентичны подобного рода находкам с раскопок других памятников Чач-Илака. Исследователи предполагают, что жаровни использовались в качестве переносных очагов для обогрева жилых помещений (Брыкина, 1974, с. 69).

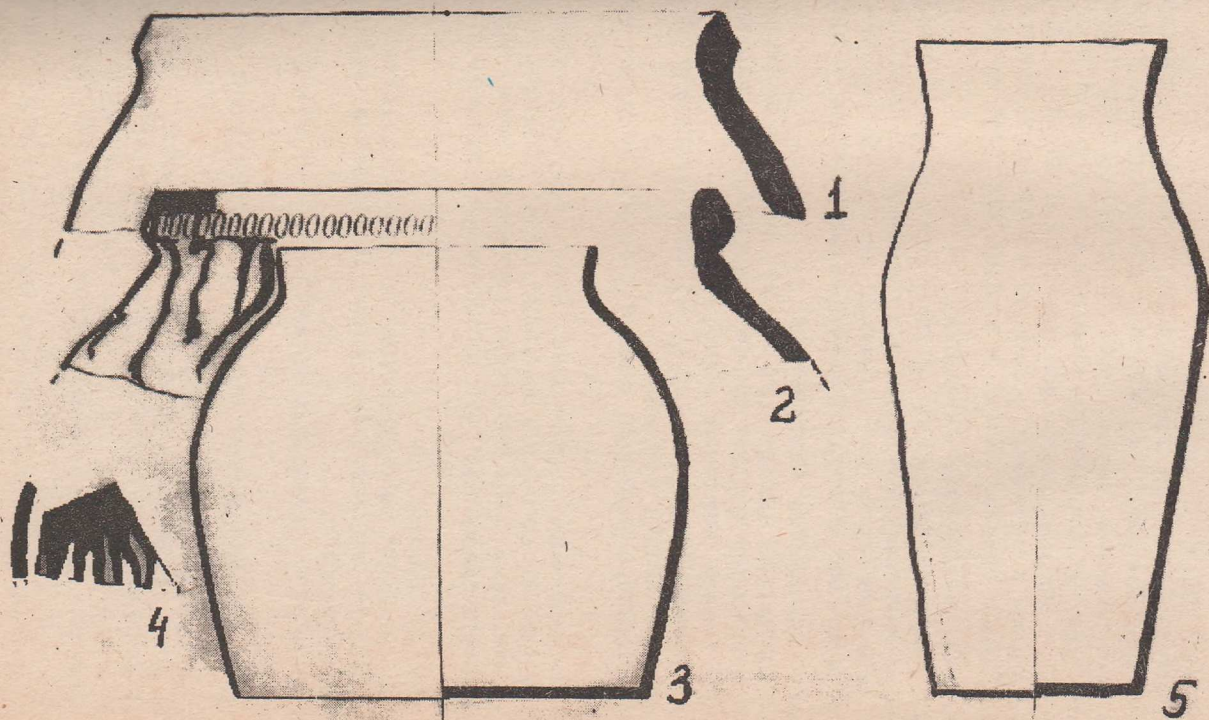

Рис. 4. Замок Каппатепа. Керамика. Хумы и хумча.

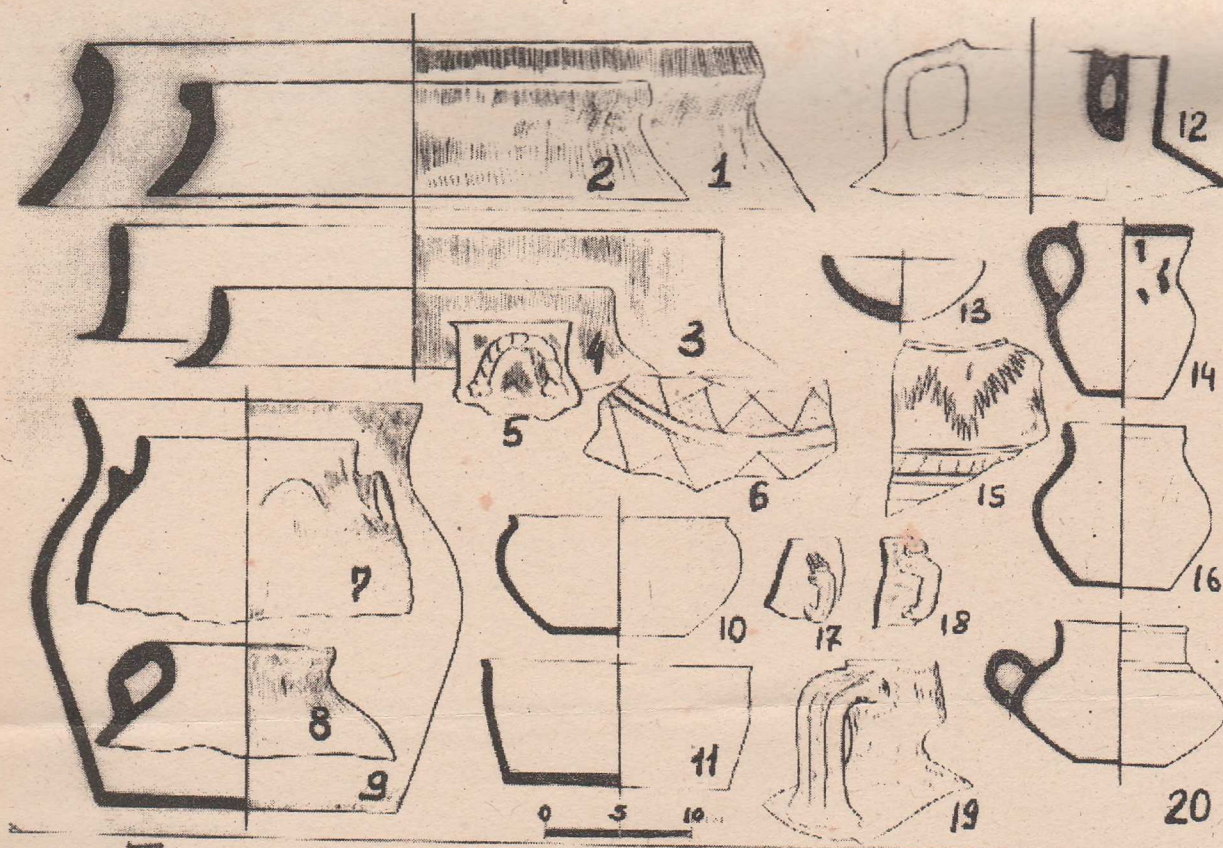

Рис. 5. Замок Каппатепа. Керамика.

Фляги. Это сосуды предназначенные для перевозки воды. Назначение определяется и формой сосудов — уплощенность одного или обоих боков для удобства транспортировки.

В нашем комплексе имеется один целый экземпляр. Фляга имеет круглое, уплощенное с боков тулово. Горловина сосуда узкая, венчик отбит. В верхней части фляги симметрично друг другу — ленточные ручки, прикрепленные концами к горловине и покатым плечикам. Места крепления ручек к горловине и тулову тщательно заглажены. Диаметр горловины 3 см. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной желтой глины, тесто без примесей, обжиг ровный.

Орнаментом украшен один бок — три концентрических круга: два внутренних прочерчены острым предметом по сырой глине до обжига, третий внешний — образован маленькими, неглубокими наклонными насечками.

Фляги хорошо известны в Средней Азии. Основная часть находок приходится по времени на первую половину и середину I тысячелетия нашей эры, а по ареалу распространения — на районы контактов оседлого и кочевого населения. Но это большие сосуды с сильно выпуклым одним и уплощенным другим боками. Фляга из Каппатепе небольшая, изящная, орнаментированная и уплощенная с обеих боков. К ней близка по размерам и форме фляга IX—X вв. н.э. из Карабулака (Брыкина, 1974, с. 60, рис. 36). По мнению Г. А. Брыкиной, в средневековые фляги утратили свое первоначальное назначение и превратились в декоративную столовую посуду (Брыкина, 1974 с. 62). Этим объясняется редкость находки фляг в слоях IX—XII вв., их оформление орнаментом, уменьшением размеров. Глядя на качество изготовления фляги из Каппатепе, трудно не согласиться с этим мнением.

КУВШИНЫ. Эта одна из ведущих форм керамического комплекса Каппатепе: имеются целые экземпляры, археологически целые, фрагменты венчиков, стенок ручек и носик. Среди общего количества можно выделить несколько типов кувшинов лепной и гончарной выделки.

Лепные кувшины:

I тип — кувшины с яйцевидным туловом, широкой, хорошо выделанной горловиной. Венчик в разрезе заovalен.

Эллипсоидная в разрезе ручка прикреплена концами к венчику и покату плечу. На противоположной стороне — вертикальный носик-слив, трапециевидный в плане. Диаметр горловины 12 см. Кувшины этого типа изготавливались из теста с примесями извести и гипса. Обжиг неровный.

П тип — кувшины этого типа отличаются раздутым шаровидным туловом и вертикально поставленной горловиной диаметром 9-10 см. Венчик подпрямоугольный в разрезе. Кувшин снабжен прямопоставленным носиком-сливом, в плане подтреугольной формы. Край носика (основание «треугольника») соединен с венчиком небольшой полочкой.

На противоположной стороне — ручка с тремя желобками-канавками по наружной поверхности (в плане ручка «гофрированная»). В своей верхней части, на месте крепления к венчику ручка имеет небольшое навершие (подражание металлическим кувшинам?). Кувшины этого типа также изготовлены из плохо отмученной глины, в тесте инородные примеси, обжиг неровный. Имеются еще два варианта этого типа кувшинов: а) вертикальный носик поставлен вплотную к стенке горловины; б) край носика слегка отогнут наружу и прикреплен к венчику кувшина.

Во всех трёх вариантах второго типа кувшины сохраняют одинаковую форму тулова и ручки.

III тип. Тулово кувшинов грушевидной формы, хорошо выделана высокая горловина (высота 7 см, диаметр 9 см) с заovalенным венчиком. Ручка, прикрепленная концами к венчику и покату плечу, в плане овальной формы и слегка приподнята над венчиком. У сосудов этого типа симметрично ручке расположен цилиндрический раструбообразный носик, край которого прикреплен к верхней части горловины. Сосуды изготовлены из теста с инородными включениями, обжиг неровный. Этот тип кувшинов известен по находкам из слоев Каунчи III (Левина, 1971, с. 186, рис. 59, 354), Мингурюка (Буряков, 1982, с. 82, рис. 9), в Куве и Кайрагаче (Брыкина, 1982, с. 66, табл. 22,6, рис. 23,2) и датируется в пределах VI—VIII вв.

IV тип отличается от вышеприведенных отсутствием носика. Тулово грушевидной формы, толстостенное. Хорошо выделана горловина диаметром 7 см. Венчик в профиле слегка заovalен. Наибольший диаметр тулова равен 26 см. Массивная ручка прикреплена к краю горловины и покату плечу. В тесте — примеси извести и гипса, обжиг неровный.

ГОНЧАРНЫЕ КУВШИНЫ. Кувшины станковой выделки найдены на Каппатепа в меньшем количестве, чем лепные, но и среди них можно выделить несколько типов, различающихся между собой.

I тип. Узкогорлый кувшин с яйцевидным туловом. Горловина (диаметр 6 см, высота 7 см) завершается заovalенным венчиком, загнутым вовнутрь. Изящно выгнутая ленточная ручка (уплощенно-овальная в разрезе) крепится к верхней части горловины одним концом, а другим — к покату плечу. В самой верхней, слегка загнутой части горловины, по её внешней, поверхности имеются вкруговую два неглубоких желобка.

С противоположной от ручки стороны — высокий цилиндрический носик небольшого диаметра.

Кувшины этого типа изготовлены из хорошо отмученной глины, обжиг ровный. Поверхность покрыта серым ангобом, по которому имеются потеки черного.

II тип. Узкогорлые кувшины с широким туловом. Горловина диаметром 6 см при высоте 6 см. Венчик подпрямоугольного сечения. К верхней части горловины, немного ниже венчика, прикреплена ручка, другой конец которой крепится к покату плечу. Ручка овальная, на месте крепления к горловине слегка изогнутая. По внешней стороне ручка имеет два неглубоких желобка. В комплексе имеются несколько вариантов этого типа: различаются только ручки — овально-уплощенные, с двумя желобками, с тремя желобками или эллипсовидные. Кувшины изготовлены из теста с незначительными включениями, обжиг не всегда ровный (стенки в изломе двух-трехцветные): Сосуды покрыты жидким розоватым и кремовым ангобом. На некоторых экземплярах по внешней поверхности — пятна и потеки коричневого ангоба.

III тип. Узкогорлые кувшины с широким грушевидным туловом. Прямопоставленная горловина завершается подтреугольным в сечении венчиком. Ручка (в разрезе овальная или уплощенно-овальная) крепится концами к верхним частям горловины и тулова, а по внешней поверхности иногда имеются неглубокие желобки. Верхняя часть тулова украшена прочерченным орнаментом.

Сосуды этого типа изготовлены из хорошо отмученной глины, почти без инородных включений (чаще использована желтая глина). Обжиг хорошего качества. Поверхность изделий покрыта желто-серым ангобом.

Кувшины этого типа близки к подобным находкам из Карабулака (Брыкина, 1974, с. 44, рис. 26).

IV тип. От этого типа целых экземпляров не сохранилось, только небольшие фрагменты. Внешний облик и форму можно восстановить предположительно, по сохранившимся фрагментам и аналогиям из других памятников. Этот тип объединяет узкогорлые кувшины с широким туловом. Венчик подтреугольной формы. Чаще всего кувшины красноглиняные. Поверхность тщательно сглажена и слегка залощена. Верхняя часть тулова украшена резным орнаментом.

Близкие по форме и оформлению кувшины известны по керамическим комплексам Юго-Западной Ферганы (Брыкина, 1982, с. 66, табл. 23.3). Они датированы VIII—XI вв. (Брыкина, 1982, с. 68).

V тип также представлен отдельными фрагментами, в основном, горловинами и ручками. О форме самих кувшинов что-либо точное сказать трудно. Кувшины этого типа отличаются от вышеприведенных наличием на вершине ручек налепов разных форм. Внутри типа различаются варианты. Целесообразность выделения этих кувшинов определяется наличием отдельных типов подобных изделий в других памятниках. Они известны в слоях Каунчи (Григорьев, 1940, с. 22. 13; Он же, 1948, с. 64, табл. 3, рис. 29-31) и Мингюрюка (Буряков, 1982, с. 83).

Миски и чаши в отличие от кувшинов представлены очень слабо, что не позволяет нам получить полное представление об этих видах столовой посуды.

В комплексе керамики из Каппатепе имеется один целый экземпляр миски и несколько маловыразительных стенок мисок и чаш.

Миска из Каппатепе (рис. 6, 27) станковой выделки, на плоском донце с невысокими стенками. Миска тонкостенная, венчик заострен. В средней части тулова имеется перегиб, делящий корпус на две части. Размеры миски: диаметр устья 11 см; диаметр донца 6; высота изделия 4,5 см. Миска изготовлена из хорошо отмученной глины, обжиг ровный. Стенка в изломе кремового цвета. Вся поверхность покрыта светло-красным ангобом, слегка подлощена.

Чаши представлены отдельными фрагментами (рис. 6, 25-26). Они полусферической формы на плоском донце.

От донца, плавно закругляясь, идут прямые стенки, завершающиеся заостренным, слегка отогнутым наружу венчиком. Чаши изготовлены из теста хорошего качества, без грубых включений, обжиг ровный. Фрагменты покрыты жидким беловатым, иногда светло-красным ангобом.

Плоскодонные, тонкостенные миски и чаши, иногда с перегибом бортика, отмечены во многих памятниках Чача и Илака, в первом тысячелетии н.э., вплоть до VIII в. (Левина, 1971, с. 184, рис. 59; Древний Ташкент, 1973, с. 27-28). Известны они и в других, соседних с Илаком территориях.

Кружки. По количеству кружки являются самой многочисленной группой керамических изделий, но выделение всех типов затруднено фрагментарностью находок, за исключением пяти целых экземпляров. Имеются кружки лепной работы и станковой выделки.

I тип. (рис. 6. 4). Лепные кружки. Корпус биконической формы, нижняя часть несколько более вытянута. Горло расширяется кверху, венчик является прямым продолжением стенки, незначительно отогнут наружу. Округлая в сечении С-образная ручка приклеплена одним концом к краю горловины, другим — к середине тулова, ручка в своей верхней части слегка приподнята над венчиком. Размеры кружек: диаметр устья 10 см, диаметр донца 10 см, высота 10,5 см. Кружки изготовлены из плохо промешанного теста с включениями гипса и мелкотолченного кварца.

II тип. Кружки лепные, с усеченно-шаровидным туловом. Горловина прямая, низкая, венчик заострен. Ручка С-образная, прикрепленная концами к горловине и середине тулова, в разрезе — овально-уплощенная. Кружки этого типа изготовлены из плохо отмученного теста, с включениями мелкотолченного камня. Обжиг неровный. Подобные по форме и качеству изготовления кружки многочисленны в могильниках Западной Ферганы.

III тип (рис. 6.3). Кружки гончарного изготовления. Эти изделия имеют усеченно-биконическую форму тулова на плоском донце. Горловина прямая, отделена от тулова валиком, подчеркнутым двумя горизонтальными прочерченными вкруговую линиями. Венчик заостренный, слегка отогнутый наружу, также отделен от основной части горловины прочерченной линией.

Все кружки этого типа тонкостенные, тщательной выделки. Тесто хорошей отмучки, поверхность тщательно заг-

лажена, покрыта желто-бежевым ангобом. Размеры: диаметр горла 8,5 см, диаметр донца 8, максимальный диаметр тулова 14,5, высота 10 см.

Подобные кружки известны по находкам в Пенджикенте (Бентович, 1953: Он же, 1958, Маршак, 1957), на городище Мугтепа в Ура-Тюбе (Ранов, Салтовская, 1961) и др. датируются VII—VIII вв. н.э.

IV тип. Кружки с шарообразным туловом на плоском устойчивом донце и цилиндрической горловиной. Петлевидная ручка прикреплена к середине тулова. В разрезе ствол ручки округлый. В верхней части ручки имеется щиток-налеп. Кружки тонкостенные, изготовлены из хорошо отмученной глины без инородных включений, обжиг ровный. Поверхность покрыта красным ангобом, иногда слегка подлощена.

Подобные кружки были широко распространены на территории Чач-Илака (Буряков, 1982, с. 85) и датированы периодом Мингурюк II — серединой VII — серединой VIII вв. н.э. (Буряков, 1982, с. 100).

Без сомнения, кроме вышеприведенных, использовались и другие типы кружек. Об этом свидетельствуют классификация кружек из близлежащих могильников Западной Ферганы (включая и окрестности замка Каппатепе) (Литвинский, 1973, с. 16-24) и большое количество находок отдельных частей кружек из Каппатепе (рис. 6. 12-18). Они различаются между собой формой ручек, наклепами на них, изгибом стенок.

В основу нашей классификации взята совокупность признаков (форма тулова, горловины, венчика и ручек) и поэтому фрагментарные находки, представляющие какой-либо один признак, трудно с большой долей достоверности отнести к описанным типам или же выделить в отдельные.

Кубки представлены плохо. В нашем комплексе имеется один фрагмент — нижняя часть изделия. Поддон усеченно-конической формы, полый (рис. 7. 1). Диаметр донца 4,5 см, высота 1,5 см. От него идут вверх округлые стенки резервуара, точная форма и высота которого трудно установить.

ИЗДЕЛИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Крышки. Находок крышек немного. В комплексе керамики Каппатепе они представлены двумя видами.

1. Слегка вогнутые к центру. В центре имеется небольшая грибовидной формы вертикальная ручка. Такой вид крышек хорошо известен. Изготовлены они из хорошо отмученной глины, в изломе светло-коричневого (кремового) цвета (рис. 6. 23).

2. Второй вид встречается гораздо реже. Это конусовидные крышки, изготовленные из гипса. Сделаны они в виде затычек. Вероятно, крышки обворачивались материей, тканью и использовались для плотного закрытия узкогорлых изделий разного объема.

Чираги-светильники. Эти изделия использовались для освещения помещений. Интересный экземпляр светильника найден при зачистке помещения № 4 Каппатепа. Это сосуд внешне похож на кувшинчик с расширяющейся горловиной, который перекрыт вогнутой крышкой. В центре крышки имеется круглое отверстие диаметром 1 см. В двух местах приподнятых краёв крышки диаметрально друг другу расположены небольшие отверстия, возможно, для подвешивания.

Подобные сосуды-кувшинчики с закрытым устьем известны в Ташкентском оазисе. Один из них найден при зачистке пола помещения № 3 в Шахристане городища Мингурюк (Древности Ташкента, 1976, с. 51, рис. 21), другой в Янгиюльском районе и хранится в Ташкентском областном обществе охраны памятников (Древности Ташкента, 1976, с. 51). Близкий по форме и, возможно, по назначению сосуд найден при раскопках помещения № 2 укрепления у слияния рек Пскема с Чаткалом (Древности Чарвака, 1976, с. 54-55, рис. 19). Все вышеприведенные изделия датированы в пределах V—VIII вв. н.э.

Кувшинчики с закрытым устьем названы сосуда́ми для воскурений (Древности Ташкента, 1976, с. 51).

Интересный сосуд, в какой-то мере близкий нашему, обнаружен при раскопках городища Намудлыг. Это лепной кувшинчик, покрытый снаружи красной краской с лощением. Как и наш экземпляр, кувшинчик из Намудлыга имеет перекрытое чашечкой устье. Кувшинчик снабжен четырьмя зооморфными ручками. По мнению исследователей Намудлыга, это сосуд культового назначения и датируется VI—VIII вв. н.э. (Буряков, Касымов, Ростовцев, 1973, с. 140).

Нам представляется, что сосуд из Каппатепе, как и аналогичные ему сосуды из Ташкентского оазиса является одним из видов светильника; округлое тулово представляло собой резервуар для масла, отверстие в крышке было предназначено для фитиля, опускаемого одним концом в горючую жидкость резервуар. А две маленькие дырочки, как было сказано выше, предназначались для подвешивания светильника на стену или под потолок. Косвенно эту мысль подтверждает и то, что изделия в двух случаях из четырех найдены в укреплениях, в которых в основном керамика практического назначения, а парадная и ритуальная представлена слабо.

В комплексе керамики Каппатепе имеются светильники и более распространенного типа — чираги-плошки, представляющие собой небольшие резервуары на плоском дне и вытянутый носик. Этот тип чирагов можно также отнести к VII—VIII вв., так как позднее, в IX—XI вв. происходит дальнейшее развитие формы чирагов-плошек: на резервуаре появляется петлевидная ручка, корпус и носик становятся гранеными над резервуаром — навершие треугольной или листовидной формы, поверхность светильников покрывалась глазурью.

МЕЛКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ

Среди керамических находок из Каппатепе есть мелкие изделия, которые повторяют форму сосудов, но цель их изготовления и применения не совсем ясна. Представлены разные изделия: кувшины, горшочки, чашки, миски и кружки, изготовленные как от руки, так и на круге.

Кувшины представлены лепными и гончарными экземплярами. Целых изделий три, которые мы и рассмотрим.

1. Лепной кувшинчик (рис. 6. 7) с вытянутым бутылкообразным туловом, расширяющимся ко дну. Диаметр донца в два раза превосходит диаметр устья. Венчик заovalен и слегка отогнут наружу. Кувшинчик изготовлен из грубого теста с включениями гипса. Обжиг перовный. Размеры: диаметр устья 4 см; диаметр донца 8; высота кувшинчика 13,5 см.

2. Кувшин станковый (рис. 6. 1). Округлое, слегка вытянутое в нижней части тулово с расширяющейся кверху горловиной. Венчик слегка загнут вовнутрь. Слив образован

смятием верхней части горловины. Округлая в сечении ручка прикреплена своими концами к горловине и тулову. Сосуд изготовлен из теста хорошего качества, снаружи покрыт жидким ангобом светло-коричневого цвета. Горловина в верхней части окрашена горизонтальной полосой (ширина 1 см) черного ангоба. По тулову нанесены брызги и пятна черного ангоба. По своим размерам кувшинчик близок к кружкам, но отличается формой. Размеры: диаметр дна 5,5 см, максимальный диаметр тулова 10, высота 12 см. Подобные кувшинчики отмечены при раскопках на территории Ташкента (Древний Ташкент, 1973, с. 27, рис. 5, 11), в Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 27, рис. 6), других памятниках раннего средневековья и датируются второй половиной VII—первой половиной VIII вв. н.э.

3. Узкогорлый кувшинчик с туловом усеченно-биконической формы (рис. 6. 11). Ручка прикреплена к краю устья и верхней половине тулова. Сосуд изготовлен из глины хорошей отмучки, ровного обжига, покрыт жидким серым ангобом. По тулову нанесены отдельные мазки красной краски. Размеры: диаметр горла 4 см, диаметр донца 6; 5, максимальный диаметр тулова 13,5, высота 17 см. В комплексе есть и другие кувшины малых размеров с ручками (рис. 6. 9) и без них (рис. 7—7, 16, 11).

Горшковидные сосуды.

1. Миниатюрный лепной горшочек (рис. 6, 22) изготовлен из грубого теста. Диаметр горловины (6 см) немного больше диаметра донца (5 см), высота сосудика 5 см.

2. Сосуд станковой работы (рис. 6, 2), с усеченно-шаровидным туловом и невысоким горлом. Венчик прямой, его внешняя сторона разделена неглубоким желобком на две части — овальную верхнюю и заостренную нижнюю. Кувшин изготовлен из хорошо отмученной глины, покрыт жидким серым ангобом. Размеры: диаметр венчика 8 см, диаметр донца 6,5, высота 12 см.

Чаши и миски довольно многочисленны и разнообразны. Лепные изделия толстостенные, изготовлены из плохо промешанной глины, некоторые из них круглодонные (рис. 6. 22; рис. 7, 8). Станковые сосуды отличаются изяществом формы, тщательностью выделки, хорошим качеством теста. Поверхности покрыты желтым или красным ангобом (рис. 6. 24; рис. 7, 3, 6).

Кружки (рис. 6. 5—6, 8, 10) ручной лепки. Формы тулова в основном повторяют формы крупных кружек: тулово с прямым или слабовыраженным горлом. Ручки «С»-и петлеобразные, прикреплены к верхней части тулова и горловине, иногда приподняты над венчиком.

Одна из кружек украшена по плечу орнаментом из наклепных шишечек в круговую (рис. 6. 6).

Сфероконический сосуд (рис. 7. 9) имеет узкое невысокое горлышко. Венчик подтреугольной формы в разрезе, слегка отогнут наружу. Грушевидное тулово резко сужается в своей нижней вытянутой части. Диаметр венчика 2 см, максимальный диаметр тулова 8 см. Сосуд изготовлен из глины хорошей отмучки, обжиг ровный, поверхность покрыта плотным желтоватым ангобом. Орнаментация отсутствует.

Мелкие сосуды и миниатюрные изделия найдены при раскопках многих памятников. По поводу их назначения высказывались различные предположения. Однако исследователи до настоящего времени не пришли к единому мнению. Это объясняется тем, что одни сосуды можно использовать в повседневном быту, как предполагает Г. А. Брыкина (Брыкина, 1982, с. 75), другие из-за малых размеров нельзя использовать по прямому назначению и, возможно, эти изделия (очень малых размеров, миниатюрные) являлись игрушками (Неразик, 1959, с. 252).

Орнаментация. Почти каждый вид изделий имеет орнаментированные экземпляры, рассмотрение которых позволит на основе небольшого материала определить бытовавшие в южном Илаке приемы орнаментации керамики.

Наиболее часто встречается **прочерченный** орнамент. Как правило, на горловине и плечиках сосудов по сырой глине до обжига наносились различные волнистые зигзагообразные линии. Они проведены между двумя горизонтальными линиями. На других сосудах между горизонтальными линиями имеются ряды коротких вертикальных. Во многих случаях главной геометрической фигурой является треугольник. По плечу одного кувшина нанесен орнамент: две полосы соединенных треугольников, вписанных между горизонтальными линиями. Треугольники заполнены мелкими наколами. Надо отметить, что прочерченные зигзаги, узоры и волнистые линии как прием орнаментации очень часто встречаются на многих памятниках Средней Азии. Что ка-

сается вписанных треугольников, то этот прием орнаментации хорошо известен по керамике горной части Илака и Чача, в слоях VI—VIII вв. (Кадоваттепе, Кендыктепе, Намудлыг) (Буряков, Касымов, Ростовцев, 1973, с. 134). В керамике Каппатепе встречаются фрагменты кувшинов и горшков, украшенных прочерченным орнаментом в виде елочек, ручки кружек и кувшинов, орнаментированные косыми насечками, поперечными нарезками и продольной бороздкой от начала ручки до конца (на наружной поверхности) (Левина, 1971, с. 189).

Другой вид орнаментации — **ямочный**. Он характерен для большеемких сосудов — хумов и хумча. По внешней поверхности венчика путем вдавливания пальца наносился ряд ямочек. Размеры их зависели от силы давления и размеров пальца. Как правило, ямочный орнамент наносился на венчике, но иногда так орнаментировались плечики сосудов. У некоторых горшков и котлов концы дугообразных ручек также имели ямочные вдавливания.

Лепной орнамент. Многие изделия украшались различными налепными элементами. Например, одна из небольших кружек имеет налепы-шишечки вкруговую по плечу. Многочисленны и разнообразны налепы на ручках кружек: в виде плоских щитков-пуговиц, в виде треугольника или тоненького жгутика в форме букв «С» и «S».

На одном из фрагментов под ручкой, на месте её крепления к тулову имеется небольшой налеп, рассеченный крестообразным знаком.

Несколько фрагментов красноангобированных с лощением кувшинов имеют врезной фрагмент. Он выполнен штампом по сырой глине до обжига и представляет четырехшестилепестковые розетки, вписанные в квадрат или прямоугольник. Полоса врезного орнамента располагается по тулову или горловине сосудов.

К вышеприведенным приемам орнаментации керамических изделий Каппатепе следует добавить и красно-коричневые потеки поверх ангоба. Украшение керамики потеками и мазками повсеместно встречается в керамике Ташкентского оазиса (Григорьев, 1940, с. 14; Он же, 1948, с. 48; Тереножкин, 1950, с. 158; Древности Чардары, 1968, с. 40—44, 46—47; Левина, 1971), Ферганы (Брыкина, 1982), Нижней Сырдарьи (Левина, 1971) и на некоторых памятниках Согда (Пугаченкова, Беляева, 1987, с. 84). Что касается собственно территории Чач-Илака потеки краски на сосу-

дах известны с начала 1 тыс. нашей эры (Буряков, 1982, с. 72—77). Большинство исследователей согласны с предположением Е. Г. Пещеревой о том, что потеки и брызги наносились в качестве оберега (Пещерева, 1959, с. 153).

Таким образом, приемы орнаментации керамики Каппатепы показывают на тесные связи с другими керамическими комплексами как горного Илака, так и всего Ташкентского оазиса, а также с соседней Ферганой, особенно с ее западной частью.

На основе рассмотренного керамического комплекса, полученного при раскопках замка Каппатепы, можно сделать следующие выводы:

1. В керамике Каппатепы преобладают изделия, сделанные вручную (лепная керамика).

2. Керамика Каппатепы, несмотря на преобладание лепной, довольно разнообразна и представлена всеми видами: кухонная, тарная и столовая. Имеются изделия малых форм и специального назначения (светильники, крышки и т.д.).

3. Анализ ассортимента и подсчеты фрагментов свидетельствуют, что в комплексе Каппатепы преобладает тарная керамика, столовой посуды (миски и чаши) меньше, чем кухонной, парадная посуда отсутствует вообще. Ассортимент керамики и ее качество косвенно свидетельствуют о суровом «спартанском» образе жизни обитателей Каппатепы и это объясняется функциями как хорошо укрепленного здания, рассчитанного на долговременную осаду в то неспокойное время.

4. При сравнении керамики Тиркаштепа (I—IV вв.), раскопанной в 0,5 км к югу, и Каппатепы (V—VIII вв.) наблюдается преемственность некоторых форм керамических изделий. Однако слабая изученность керамики Южного Илака вообще, в частности неполная публикация керамики Тиркаштепа, не позволяют сделать четкие выводы о развитии форм керамики этого региона в первом тысячелетии нашей эры.

5. Комплекс керамики Каппатепы прямых аналогий с известными нам по публикациям керамическими материалами не имеет. Тождество некоторых форм, близость по размерам и приемам орнаментации многих видов керамики Каппатепы с изделиями таких хорошо разработанных керамических комплексов Каунчитепы и Мингурюк Ташкентского оазиса позволяют отнести наш комплекс к той же культуре

(локальный вариант), тем более, что окрестности Каппатепе административно входили в территорию Чак-Илак.

6. В керамике Каппатепе, наряду с близостью к комплексам Средней Сырдарьи (культура Кауинчи), хорошо прослеживаются тесные культурные контакты с населением близко расположенного Худжанда и соседней Ферганы. Это хорошо иллюстрируют формы чайников, фляги, тагора и некоторых кувшинов. Эта особенность керамики Каппатепе объясняется географическим положением замка на стыке трех историко-культурных областей Средней Азии раннего средневековья: Чак-Илака, Худжанда и Ферганы и обусловлена наличием в этот период тесных межэтнических торгово-экономических и культурных связей, расположением замка вблизи традиционных торговых путей.

7. Недостаточная изученность керамики горного Илака затрудняет дробную датировку изделий из Каппатепе. Однако, как показывает сравнение с керамикой соседних памятников, основная часть керамики Каппатепе относится к VII—VIII вв. н.э., определенная часть к более раннему периоду и датируется V—VI вв. н.э.

Другие изделия из керамики.

Как было отмечено выше, основную массу находок составляют изделия из керамики. К рассмотренным нами группам посуды примыкает ряд других находок, также изготовленных из керамики: пряслица, очажные подставки, крышки сосудов.

Пряслица¹. Это довольно многочисленная группа. Представлены пряслица самых различных форм; округлые, округло-сплюснутые, биконические, усеченно-биконические, конусовидные, пирамидальные на плоском или выемчатом основании. Большая часть пряслиц изготовлена из глины хорошей отмучки и без примесей, меньшая часть — из грубого замеса. На некоторых из них имеется орнамент-прочерченный, зигзагообразный, желобок по нижнему краю вкруговую. Кроме готовых изделий найдены 20 заготовок

1. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН
Таджикской ССР. Фонды СТАКЭ, кп 1381 1381; 1381 1381
785 809 679 703

для пряслиц из стенок гончарных сосудов. Заготовки представляют собой небольшие кружочки с неровными краями, их диаметр от 3,5 до 7 см. На некоторых заготовках заметны следы попыток просверлить отверстие.

Такие изделия в большом количестве находят и на других памятниках Средней Азии, датируемых в большом хронологическом диапазоне. Большинство исследователей считают керамические кружочки заготовки для пряслиц. Но существуют на этот счет и другие мнения. Так, допускается использование их при счете и взвешивании (Заднепровский, 1962, с. 29; Воробьева, 1973, с. 144) или же при ремонте керамических сосудов для прикрытия отверстий (Альбаум, 1969).

Очажковые подставки¹. Среди находок из Каппатепа имеются три глиняные очажковые подставки, хорошо известные по раскопкам памятников раннего средневековья, расположенных по среднему течению Сырдарьи. Две из них представляют тип как называемых «шашлычниц» — это дугообразные подставки на стержне, по внутренней поверхности дуги нанесены насечки. Третья подставка — массивная, лепная, в виде головы быка.

Терракотовая фигурка. Среди фрагментов керамики обнаружена небольшая терракотовая фигурка. Сохранился фрагмент изделия — основная часть туловища животного. Все четыре конечности, голова и хвост отбиты. В области спины неглубокими насечками нанесён квадрат. От него к голове и хвосту также имеются насечки. Вероятно, это фигурка лошади, а насечками схематично выделено седло.

Аналогичные фигурки коней найдены на городище Тепаи Шах (II—IV вв. н.э.) в Южном Таджикистане. На крупе одного из них угловатыми насечками и резными линиями показана упряжь (Литвинский, Седов, 1983, с. 229, табл. XXIV).

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ²

Среди находок из Каппатепа много изделий, сделанных из разных пород камня — это главным образом орудия

1. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Фонды СТАКЭ, 1381/638 — 1381/640.

2. Там же, кп 1381/702 — 1381/758.

труда: жернова, зернотерки, терочки, точильники. В коллекции также представлены небольшие каменные бусины и косметические принадлежности (сурмадон и сурматаш). Основным материалом для изготовления орудий труда из камня служили породы, выходы которых встречаются в окрестностях Табошара.¹

В количественном отношении преобладают жернова, представленные как целые изделия, так и их фрагменты. Рассмотрим некоторые из них.

Жернов № 1 изготовлен из мелкозернистого песчаника сероватого цвета. Диаметр 36 см, толщина 11 см. В центре имеется сквозное отверстие, диаметр которого в устье канала 5,5 см, а у выхода — 3,5 см. Одна поверхность рабочая, хорошо обработана, другая тщательной обработке не подвергалась.

Жернов № 2 овальной формы, изготовлен из мелкозернистого песчаника, диаметр 38, толщина 11 см. В центре небольшая лунка—углубление (диаметр 5 см). Вероятно, это нижний жернов (верхние имеют сквозные отверстия).

Фрагмент жернова изготовлен из мелкозернистого песчаника, диаметр 32 см. Толщина по внешнему краю 7, а у отверстия — 3,5 см.

Всего при зачистке помещений Каппатепа найдено 17 жерновов. Жернова ручных мельниц. Нижние камни имеют слегка выпуклую поверхность, верхние — вогнутую. На краю некоторых (верхних) камней имеются углубления, куда вставлялись рукоятки, с помощью которых вращались жернова.

Жернова по породе камня и размерам делятся на две группы: первая изготовлена из мелкозернистого песчаника (мелкогалечного конгломерата) массивных форм, вторая группа изготовлена из кремнистых пород и меньшей толщины. Среди наших находок есть и жернова, использованные для размала рудных пород — они имеют по кругу поверхности канавки небольшой глубины. Последние, образуя некоторое пространство при соприкосновении рабочих поверхностей жерновов, способствовали получению при размале зерновой руды. Известно, что выплавка металла из зерновой руды лучше, чем из рудной пыли. Жернова с канавками на рабочей поверхности использовались для

1. В 18 км к юго-востоку от Табошара есть местность Ташкескан, откуда вплоть до XX в. брали сырье местные камнетесы.

размола (раздробления) рудной породы в горнорудных районах (Буряков, 1978, с. 73).

Анализ датировки ранних жерновов на территории Средней Азии позволяет говорить, что эти орудия труда появляются здесь с рубежа нашей эры (Литвинский, 1978, с. 32—33).

Наряду с жерновами найдены фрагменты 4 ладьевидных зернотерок. Они все сделаны из крупных речных галек. Сохранившаяся длина большей части зернотерок 25—40 см при ширине рабочей поверхности в 25—30 см.

По мнению М. Е. Массона, обнаружение в разных частях Карамазарских гор, бывших в средние века районом интенсивного развития горной промышленности, большого количества уплощенных камней типа ручных зернотерок, дает основание предположить, что здесь они служили не прямому своему назначению, а применялись при обработке руды (Массон, 1930 в, с. 9).

Рядом с зернотерками и отдельно от них найдены терочники, использованные при растирание зерна или же руды.

Терочники разных форм, больше всего овальной формы с двумя плоскими поверхностями. Имеются терочники подквадратной формы с закругленными углами, у шестигранных терочников две поверхности рабочие. Терочники изготовлены из песчаника и известняка.

ПОДПЯТНИКИ. Несколько каменных изделий, обнаруженных при раскопках Каппатепа, на наш взгляд, являются подпятниками. Это овальные и прямоугольные с закругленными углами камни, с небольшими углублениями на обеих сторонах.

Лощило. Найдено три экземпляра этих изделий (рис. 48. 8—10). Они тщательно заполированы со всех сторон. Применялись для лощения керамики.

Грузило. Хорошо обработанный уплощенно-округлой формы камень с отверстием в центре. Диаметр грузила 12; диаметр отверстия 5 см.

ДРУГИЕ ИЗДЕЛИЯ. Коллекция каменных изделий содержит, кроме вышеописанных предметов, восемь каменных бусин, четыре пряслица, изготовленных из белого камня, каменные ядра пращ — хорошо обработанные камни шарообразной формы, несколько точильных камней-кайраков, удлиненной формы, сурматаш и сурмадон.

Последние — каменная палочка и грифель для окраски бровей и ресниц относятся к туалетным принадлежностям. Они встречаются довольно часто на памятниках Средней Азии. Особенно много их в женских погребениях различных могильников (Литвинский, 1978, с. 128. Там же, с. 127—133, анализ и классификация туалетных приборов, время их появления и ареал распространения. (См. также Древности Чардары, 1968, с. 201).

СТОЛИКИ И ДРУГИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АЛЕБАСТРА

При зачистке помещений Каппатепа найдены несколько фрагментов дастарханов — приземистых столиков. Один столик археологически целый (из трех складывающихся в единое целое фрагментов), что позволяет дать общую характеристику этому виду домашней утвари. Дастарханы изготовлены из алебастра (плохой отмучки) в виде толстого диска (диаметр 43, толщина 4,6 см) на трех ножках. Ножки невысокие (высота 5,6 см), конусовидной формы.

Дастарханы как предметы быта населения найдены археологами на многих средневековых памятниках Средней Азии: так, они известны по памятникам Кеша (Алимов, 1969, с. 105—115), Согде (Бентович, 1964, с. 291; Кабанов, Филанович, Урманова, 1974; Якубов, 1988, с. 190—191, табл. XXI, 8—9); Ферганы (Давидович, Литвинский, 1955, с. 151; Брыкина, 1982, с. 49), Чача (Буряков, 1982, с. 91, 98), Уст-рушаны (Брыкина, 1974, 68). Приземистые столики или их фрагменты обнаружены при раскопках памятников по среднему течению Сырдарьи (Левина, 1971), в Киргизии (Бернштам, 1950, табл. 71—75; Кожемяко, 1959; Он же, 1963, Распопова, 1960, с. 161) и Южном Казахстане (Агеева, Пацевич, 1958; Древний Отрар, 1972; Сенигова, 1972, Байпаков, 1972, с. 92).

Дастарханы изготавливались из разных материалов: камня, глины, алебастра, дерева и были в основном двух видов: а) столики на ножках, б) столики на одной чашеобразной подставке. Первый вид изделий более ранний и вытесняется вторым в IX—X вв. (Богомоллов, Папахристу, 1982, с. 110).

Дастарханы Каппатепа относятся к группе столиков на ножках, изготовленных из алебастра. По предположению Г. А. Брыкиной, эта группа характерна для материальной

культуры Ферганы и особенно ее юго-западной части (Брыкина, 1982, с. 49).

По функциональному назначению дастарханов существуют разные точки зрения, но на наш взгляд, очень убедительны доводы Г. И. Богомолова и О. А. Папахристу, полагающих, что дастарханы использовались для раскатки теста (Богомоллов, Папахристу, 1982, с. 115). Столики использовались и для других хозяйственных нужд, так на поселениях Горного Согда столики служили в качестве «подставки, т.е. на них гончары формовали свои изделия, а лепешечники делали лепёшки» (Якубов, 1988, с. 190). Что касается дастарханов Каппатепа, то следует отметить, что они обнаружены в нижних хозяйственных помещениях замка.

Дастарханы Каппатепа¹, как сказано выше, относятся к первой группе изделий — дастарханам на ножках и датируются в пределах VII—VIII вв. н.э. Этой датировке не противоречит и керамический материал, обнаруженный в помещениях вместе с фрагментами дастарханов.

В одной группе со столиками и несколько других изделий из алебаstra, вероятно, использовавшихся в качестве крышки для высокогорлых сосудов². Все они конусовидной формы, но различаются по размерам. У двух первых высота 6 мм, диаметр основания 11 см, третье несколько уплощенное: высота 5,5 а диаметр основания 13 см. Четвертое изделие высотой 9, при диаметре основания 12 см.

При зачистке помещения № 5 найдены 6 алебастровых дисков³. Они обнаружены в нижних частях хумов и хумча или же непосредственной близости от них. Судя по всему, алебастровые диски являются ремонтными донцами, т.е. в случае необходимости прохудившееся дно сосуда заливали жидким алебастром.

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Эти изделия дошли до нас во фрагментах, что объясняется хрупкостью материала. Все фрагменты стекла найдены исключительно в верхних слоях, т.е. в руинах верх-

1. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Фонды СТАКЭ. КП 1381/657.

2. Там же. КП 1381/651 — 1381/654.

3. Там же. КП 1381/661 — 1381/666.

него, жилого этажа. Из-за фрагментарности находок нам не удалось классифицировать изделия. Точно выделены только три вида, хотя, бесспорно, ассортимент стеклянных изделий в хозяйстве обитателей замка Каппатепа был гораздо шире.

Чаши. Они составляют большой процент от общего количества находок. Чаши различаются по форме и размерам. Диаметр устья колеблется от 7 до 16 см. По профилю венчика выделяются четыре типа.

1. Чаши с манжетовидным венчиком, полученным отгибом закраины и припайки ее к стенке сосуда.

2. Чаши с утолщенным за счет валика венчиком.

3. Чаши с плавно утолщенным валиком.

4. Чаши со слабо выделенным венчиком.

Изделия изготовлены в технике свободного выдувания без формы, о чем свидетельствует гладкая блестящая поверхность (Абдураззаков, Безбородко, Заднепровский, 1963, с. 216-218). Стекло прозрачное, светло-голубого и зеленоватого оттенка, количество пузырьков в стекле незначительно. Чаши были столовой посудой и использовались для сервировки стола.

Кружки. Представлены ручками и фрагментами стенок. Имеется стенка кружки с овальной ручкой. Другой фрагмент — верхняя часть ручки, округлая в поперечном срезе, имеет утолщение в виде широкой горизонтальной полочки для удобства держания кружки в руке. О способе изготовления судить трудно, однако принято считать, что кружки изготавливались «тиходутным» способом (Абдураззаков, Безбородко, Заднепровский, 1963, с. 219-220).

Стекло прозрачное, за исключением монолитной ручки, светло-зеленого (салатного) оттенка. Количество пузырьков в стекле незначительно. Кружки также относятся к столовой посуде и предназначались для подачи жидкостей, напитков.

Рюмки. От рюмок сохранились только нижние части. Они имеют монолитную ножку, стержень которой заканчивается дисковидным основанием. Высота ножек рюмок в

КВ 4747/64

пределах 2,5-3 см. Один фрагмент рюмки имеет следы облома припая понтин на основании ножки. Стекло прозрачное, светло-голубых тонов.

Из остальной массы фрагментов стеклянных изделий выделяются вогнутые донца кувшинов, графинов и небольших парфюмерно-аптекарских сосудов. Диаметр донцев колеблется от 3 до 7 см. Стекло различных оттенков, с незначительным количеством пузырьков. Имеются в коллекции несколько фрагментов орнаментированных сосудов, например фрагмент горловины графина с гладким валиком¹, часть стенки сосуда со шлифованным орнаментом.

В общем стекло Каппатепе в массе своей тонкое, хорошего качества. Представлены фрагменты прозрачного и непрозрачного стекла, последнее составляет незначительную часть коллекции. В свою очередь прозрачное стекло двух видов: бесцветное и окрашенное. Среди окрашенных фрагментов преобладают фрагменты, окрашенные в сине-голубые тона. Некоторые изделия с фиолетовым оттенком. В коллекции имеются несколько вогнутых донцев бутылообразных изделий и венчики сосудов открытой формы (банкообразные), некоторые окрашены в «болотный» цвет, а фрагменты непрозрачного стекла окрашены в «молочный»² и иссиня-черный цвета³.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

При раскопках замка Каппатепе обнаружено немало изделий из металла. Все они корродированы, что не всегда даёт возможность точно определить первоначальный вид предмета или же его функциональное назначение. Это относится к 14 бесформенным кускам железа.⁴ Основная часть коллекции определена; большинство предметов изготовлено из железа и бронзы, другие металлы представлены плохо.

Орудия труда и оружие. В IV ярусе помещения № 3 найдено интересное орудие труда. Оно изготовлено из же-

1. Институт истории, археологии и этнографии им. Дониша АН Тадж. ССР. Фонды СТАКЭ. КП 1381/771 — 1381/773; 1381/782.

2. Там же. КП 1381/782.

3. Там же. КП 1381/765.

4. Там же. КП 1381/839.

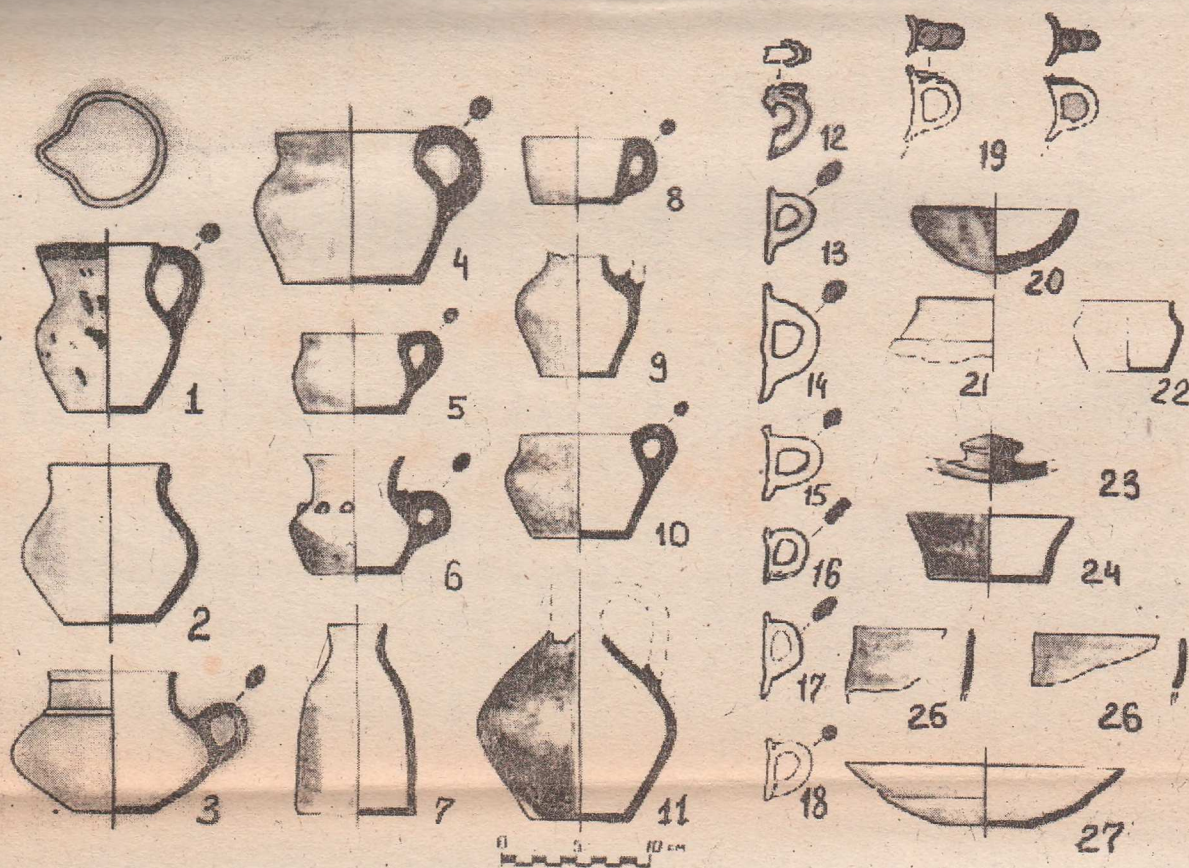

Рис. 6. Замок Каппатепе. Керамика.

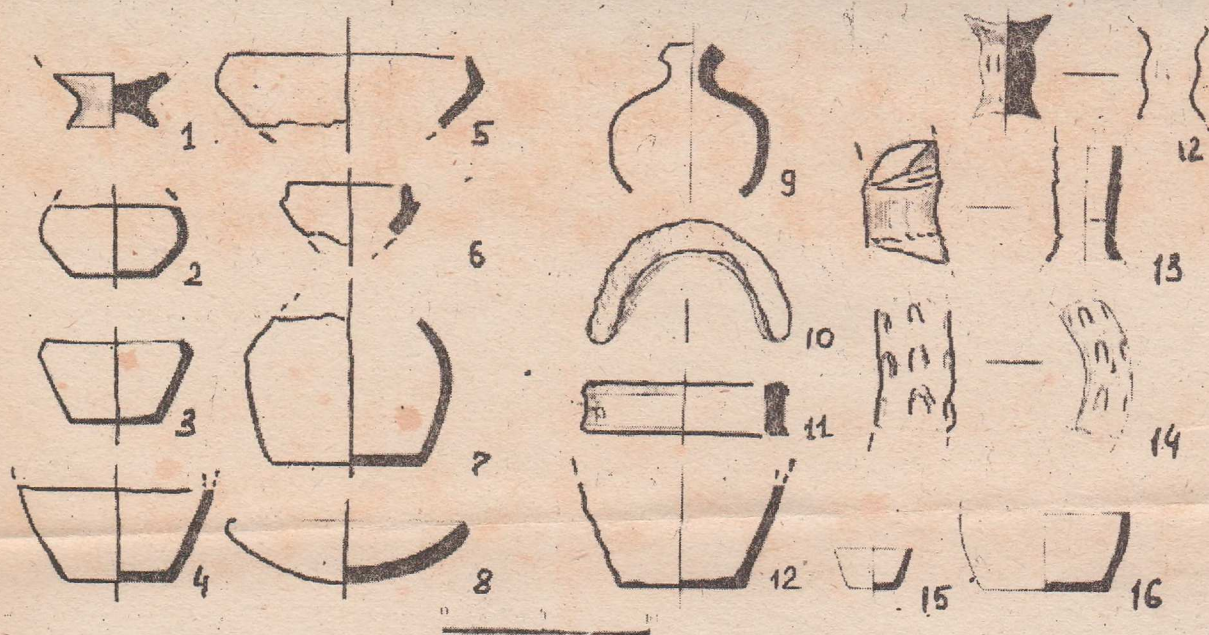

Рис. 7. Замок Каппатепе. Керамика.

леза и внешне напоминает тещу, широко используемую в хозяйстве современных узбеков и таджиков. Орудие трапециевидной формы; в верхней части имеется отверстие для деревянной рукоятки, нижняя, слегка расширяющаяся часть — лезвийная, рабочая. Это орудие труда отдаленно напоминает железные топоры, находимые на поселениях и в могильниках Средней Азии (Литвинский, 1978, с. 29), но ближе к землекопательным орудиям (Баруздин, 1956, с. 26; Бернштам, 1940, с. 14; Кибиров, 1956, с. 16; Он же, 1959, с. 113) и теща (Кабанов, 1955, с. 96, рис. 14; Он же, 1981, с. 73, рис. 36, 2).

Однако в отличие от вышеназванных предметов орудие труда из Каппатепе имеет массивный рабочий край. Последнее обстоятельство позволяет предполагать использование этого инструмента не только в плотничьем деле и быту, но и в горняцком деле. Вероятно, в последнем случае орудие использовалось шире.

Ножи. Найдено 4 целых ножа и несколько фрагментов. Из них три целых — однолезвийные (отточенные с одного края полотна), различающиеся по длине полотна (15, 14,2 и 9 см). Они имеют короткие черешки, на которые насаживалась деревянная или крепилась костяная рукоять.¹ Последний из целых — двулезвийный нож, похожий на маленький кинжальчик (длина 11,3 см). К двулезвийным относятся еще три фрагмента, но они небольшие по размерам.

Однолезвийные ножи Каппатепе близки к таковым, обнаруженным при раскопках могильников Северного Таджикистана (в классификации Б. А. Литвинского — это ножи 1 и 2 типов Отдела 1 — Литвинский, 1978, с. 10-11, с. 21).

Другие изделия. Два фрагмента относятся к войсковому костюму. Первый из них — фрагмент пластинчатого панциря, другой фрагмент массивной, слегка изогнутой пластины с небольшим валиком, вероятнее всего часть шлема. К костюму можно отнести и фрагменты пряжки с подвижным язычком (рис. 52, 8, 10). Небольшая серебряная проволока, вероятно часть украшения. Украшением является и малень-

1. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Фонды СТАКЭ. КП 1381/847 — 1381/851; 1381/865.

кое бронзовое изделие шаровидной формы с ушком для подвешивания. Из бронзы сделан и бубенчик; он двухстворчатый, состоит из двух сферических частей, скрепленных по экватору. В верхней части имеется небольшая петелька. В коллекции металлических изделий много гвоздей разной величины, стержни, подкова. Среди них следует отметить две скобы. Скобы были одинарные и двойные. Одинарные скобы изготавливались из толстой проволоки, концы которой заострялись и сгибались под прямым углом. Скобы из Каппатепа относятся к другому виду — они двойные и представляют собой две тонкие параллельные пластины, скрепленные штырями-заклепками. Между пластинами одной из скоб зажат кусочек дерева.

Двойные скобы, аналогичные нашим, найдены в Пенджикенте (Беленицкий, 1958, с. 137, рис 35/1), на Кафыркале (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 104, рис. 37/13, 14, 19), при раскопках Ай-Ханум в Северном Афганистане

Другая не менее важная и интересная находка — бронзовая ложечка. Длина 11 см. Стержень круглый, в сечении диаметром 0,3 см. О назначении ложечки сказать определенно трудно: туалетная ли это ложечка или же просто ухвертка.

Внешне близкие предметы — ухвертки хорошо известны по раскопкам могильников Северного Таджикистана, т.е. на территории Илака, на памятниках, расположенных совсем недалеко от Каппатепа. Однако эти находки в отличие от каппатепинской в большинстве случаев в конце стержня имеют отверстия или петельки для подвешивания, а также они меньше по размерам (наиболее крупные экземпляры — 6,8 и 8,4 см Литвинский, 1978, с. 136).

Известна ухвертка и из Южного Таджикистана. Найдена при раскопках на городище Кафыркала (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 105, рис. 38, 10). Однако несмотря на внешнюю схожесть с ухвертками наша находка таковой не является.

Более близки к нашей находке медные, бронзовые, костяные или деревянные ложечки, часто встречаемые при раскопках аланских памятников Северного Кавказа (Минаев, 1951, с. 287, рис. 14; Кузнецов, 1962, рис. 16,6) и гуннских памятников Забайкалья, Тувы и Монголии (Сосновский, 1946, с. 56, рис. 1; Руденко, 1962, с. 36-37, рис 26, е; с. 35, рис. 27, в; табл. VII, 8-9). Такие же ложечки находят

и при раскопках в Средней Азии. Так, в одном из помещений Кума (Горный Согд) найдена бронзовая ложечка. Исследователь памятника Ю. Якубов считает ее ювелирной ложечкой (Якубов, 1988, с. 205, рис. 49, 7). Аналогичная нашей по размерам (11 см), но имеющая двойную спираль в конце ручки-стержня ложечка найдена в верхнем горизонте Джеты Асар № 3 в Нижней Сырдарье (Левина, 1968; с. 68). Близость вышеописанной ложечки к нашей, вероятно, не случайна. Керамика из Каппатепе во многом перекликается с подобными изделиями из районов Нижней и Средней Сырдарьи.

Кроме вышеназванных изделий, в коллекции металлических предметов из Каппатепе; небольшая бронзовая трубочка (длиной 10 см) с одним закрытым концом, фрагмент железного стержня, два обломка бронзовых зеркал, небольшая бронзовая фигурная поделка непонятного назначения, заклепка, клубок железной цепочки.

Монеты. Весьма ценными находками являются серебряные монеты, обнаруженные при зачистке помещений верхнего этажа. Все три монеты однотипные.

На лицевой стороне монет погрудный портрет правителя вправо. На его голове — трехзубчатая корона. Перед лицом правителя надпись «Аль — Махди» » арабским письмом, а за головой царя надпись согдийским письмом. На обороте монет изображен ступенчатый алтарь с пламенем. В пламени огня — голова Ахурамазды(?). По сторонам алтаря в рост стоят жрецы-мобеды с копьями.

В среднеазиатской нумизматике подобные монеты известны как «бухархудатские». Появившись в V в. как подражание монетам сасанида Варахрана V, эти монеты были в денежном обращении Средней Азии до XI в. В начальный период обращения монеты имели надчекан — династический знак бухархудатов, в VII—VIII вв., на монетах появилась арабская надпись «Аль Махди», заменившая пехлевийскую надпись за головой правителя на лицевой стороне монет. В IX—X вв. монеты этого типа известны под названиями «мусайаби», «мухаммади» и «гитрифи», внешне похожие друг на друга, но различающиеся по металлу. Для

1. Монеты определены старш. научн. сотр. ИИАЭ Д. Даутовым, которому выражаем благодарность.

региона Чач-Илак-Ходжента характерны высокопробные «мусайаби» (Давидович, 1979, с. 112-115).

Ранние монеты «бухархудатского» типа были найдены в 1931 г. близ древних выработок Тарыэкан (Массон, 1933, с. 10; Он же, 1955, с. 180, табл. 1, 5), а позднее, в 1954 г. — в завале выработки Конджола (Турлычкин, 1961, с. 167).

Перед началом раскопок при осмотре холма были найдены еще три монеты. Первая из них представляет собой остаток медной монеты очень плохой сохранности, которая определению не поддается, две другие — монеты России начала XX в., своеобразная монета достоинством 15 копеек (СПб, 1906 г.)¹ и медная монета достоинством в 1 копейку (СПб, 1913 г.)².

ФРАГМЕНТ ТКАНИ

При зачистке помещения № 5 нижнего хозяйственного этажа замка Каппатепе на дне хума были обнаружены фрагменты ткани и несколько косточек персика.

Фрагмент ткани небольшой, прямоугольного формата (6х8 см)³. Сохранность удовлетворительная. Ткань хлопковая, грубая по фактуре, неокрашенная. Прядение простое полотняное. Нити основы, у утка толстые и не различаются между собой по качеству (плотность—22 нитей см. по основе и 14 нитей, см. по утку).

В силу своей недолговечности ткани при раскопках встречаются гораздо реже других находок. Известна хлопковая ткань из Хорезма (Неразик, 1966, с. 98), Северного Тохаристана (Немцева, 1989, с. 154), Горного Согда (Якубов, 1979, с. 72), Уструшаны (Пулатов, 1975, с. 75). Интересно, что вышеприведенные находки сделаны в сельских поселениях и в замках.

Исследователи отмечают, что в неокрашенных тканях

1. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Фонды СТАИО. КП 1381/863.

2. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Фонды СТАКЭ. КП 1381/864.

3. Ткань из Каппатепе (ИИАЭ АН Тадж. ССР, фонды СТАКЭ, КП 1381/873) обработана и закреплена сотрудником Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Тадж. ССР Майтдиновой Г. М., которой выражаем признательность за помощь.

грубой выделки раннего средневековья число нитей основы на 1 см приблизительно в два раза больше, чем число нитей утка, и что они спрядены с применением при их прядении простого ручного веретена. Фрагмент ткани из Каппатепа следует отнести именно к таким тканям VII—VIII вв.

Рассмотренный нами выше археологический материал — керамики, изделия из камня и металла — зажен для изучения материальной культуры района. Богатый и разнообразный набор находок из Каппатепа позволяет нам представить и изучить производственно-бытовой инвентарь обитателей замка и, более того, судить о быте, хозяйстве и занятиях, об уровне развития ремесла населения ранне-средневекового Илака, в частности у жителей юго-западных отрогов Кураминского хребта.

В материалах Каппатепа хорошо представлено керамическое производство: большое количество изделий как целых, так и во фрагментах, богатый ассортимент; в комплексе изделий станковые и лепные. Обилие разнообразных пряслиц и заготовок для них указывает на занятие местных жителей ткачеством. Очевидно и обработка металла, в частности кузнечное дело, занимало не последнее место среди ремесел — ведь в окрестностях замка, да и по всей Кураме много месторождений полезных ископаемых. Учитывая, что в этот период — период становления феодализма господствовало натуральное хозяйство, можно сказать, что прядение, изготовление зернотерок и жерновов, лепной посуды являлись домашним промыслом.

Рассмотрение как массового археологического материала — керамики, так и отдельных изделий, а также строительные приемы, как и вся архитектура замка указывают, что истоки материальной культуры населения юго-западной части Курамы в период раннего средневековья восходят к каунчинской культуре (III этап) и шире — к культурам бассейна Средней и Нижней Сырдарьи первой половины I тыс. н.э.

1. Это отмечается многими исследователями (Майтдинова, с. 17). Однако такое соотношение количества нитей основы и утка (2:1) не является правилом. Так, в 16 группах тканей с горы Муг. только в четырех соотношение 2:1, в других же оно больше или меньше — Якубов, 1979, с. 74—76, табл. 1).

Природно-климатические условия рассматриваемого нами района и находки позволяют говорить о занятии населения земледелием, скотоводством и добычей полезных ископаемых.

Сопоставление в общем полученного материала с результатами исследований других памятников свидетельствует о развитии района в общем русле развития всего Илака и в тесном переплетении с ходом экономического и культурного развития других областей Средней Азии.

Глава VI

Каппатепа в замковом зодчестве Илака

В раннее средневековье на территории Средней Азии наиболее распространенным типом поселений в сельской местности стали отдельно стоящие усадьбы и замки. Политическая децентрализация отразилась и в архитектуре. В связи с ослаблением власти верховного правителя феодалы укрепляли свои жилища, строили замки. Письменные источники сообщают о большом количестве замков в каждой из историко-культурных областей.

Широкомасштабные археологические работы подтверждают многочисленность замков в Средней Азии. Большой объем материала позволил поставить и успешно решить ряд проблем, связанных с замками и сельскими поселениями вообще в Хорезме (Неразик, 1966), Согде (Кабанов, 1981; Он же, 1977; Якубов, 1988), Северном Тохаристане (Альбаум, 1960; Он же, 1965; Аннаев, 1988).

Много замков изучено в других областях Средней Азии — Уструшане (Негматов, Зеймаль, 1959; Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973; Пулатов, 1975; Он же, 1976, Он же, 1980, с. 303-316), Фергане (Горбунова, 1965; Она же, 1966; Она же, 1971; Она же, 1972). Что касается бассейна Средней Сырдарьи, в частности территории Чач-Илака, здесь полностью раскопаны Актепа Юнусабадское (Тереножкин, 1948, с. 71; Филанович, Брусенко, Зильпер, 1976, с. 531) и Актепа Чиланзарское (Древний Ташкент, 1973, с. 114-140). Последний, несмотря на близость по архитектурно-строительным приемом с замками Согда, Уструшаны и Ферганы, функционировал как храмовый комплекс (Филанович, 1983, с. 117-122). В восточной части Кураминского хребта исследованы Тудай Хурд, представляющий из себя замок, позднее перестроенный в храмовый комплекс, двух-ярусный замок Тудай Калон (Салтовская, 1962, с. 43-54;

Она же, 1964, с. 42-52; Она же, 1971; Негматов, 1973, с. 82-83). Недостаточность полностью раскопанных замков Чача и Илака затрудняет на данном этапе их классификацию. Однако и сейчас можно сказать, что замкам бассейна Средней Сырдарьи присущи многие общие черты, характерные для замкового зодчества других областей Средней Азии; например, такие как наличие высокой искусственной платформ в равнинах или использование естественных возвышений в горных и предгорных районах, аналогичность фортификационных элементов (мощные стены и башни с бойницами), схожесть планировки, двухэтажность (но не во всех случаях) и расположение в стратегически важных пунктах (на перекрестке торговых путей, в начале ирригационных систем, на берегу рек, близ обрабатываемых земель) и др.

Замок Каппатепе построен на слегка подправленной оконечности адыра, у выхода сая из небольшого ущелья. Отсюда хорошо просматривается вся окрестность. С севера к зданию примыкает небольшая разровненная площадка-двор. Подъем ко двору и замку от берега сая осуществлялся по пологому северо-западному склону холма (рис. 23).

Замок был двухэтажный, хорошо сохранился только нижний этаж. Планировка и состав помещений представляют определенный интерес.

В основе плана здания — прямоугольник, близкий к квадрату (19, 3x21 м). В центре — комплекс помещений, по углам четыре подпрямоугольные башни, использовавшиеся как помещения. За несколько столетий функционирования план внутренней части претерпел некоторые изменения. Первоначально в центре здания был квадратный зал с колодцем, а по периметру располагались узкие помещения. В последний период центральная часть замка состояла из трех вытянутых по линии СВ—ЮЗ помещений. Сообщение между ними осуществлялось по узким, перпендикулярным к помещениям коридорам. Раскопки показывают, что все помещения в замках четко делятся на две группы по своему назначению: парадно-жилые помещения и хозяйственно-складского назначения. Также отмечено, что в двухэтажных замках, как правило, помещения нижнего этажа — хозяйственные (в некоторых случаях они могли быть жилыми, предназначенными для прислуги, например в Кучуктепе, Зартепе). Это же относится и к замку Каппатепе.

Помещение первого этажа, судя по набору находок и внутренней отделке были подсобно-хозяйственными, за исключением помещения № 2, где могла жить прислуга. Фрагменты изящных изделий из стекла, парадной посуды, монеты обнаружены в остатках верхнего жилого этажа, в нижних в основном большеемкая тара: хумы, хумча и их фрагменты. Второй этаж уцелел на 20—45 см, но судя по этим остаткам планировка обоих этажей, вероятно, была одинаковой. Стены были общими на всю высоту, а этажи разделял деревянный настил на балках. Помещения верхнего этажа имели сводчатые перекрытия, о чем свидетельствуют остатки сводов над завалом помещений №№ 2, 3 и 5. Небольшой пролет узких помещений и толстые стены облегчали такое решение перекрытий. Подобный прием известен и по другим памятникам, в частности по уструшанскому замку Тоштемиртепа (Пулатов, 1980, с. 305).

Четыре башни по углам замка в плане прямоугольные, а внутрибашенные помещения разной конфигурации: два из них (северо-западное и северо-восточное) трапециевидные, третье (юго-западное) прямоугольное, а юго-восточное — квадратное.

Связи между этажами осуществлялись по пандусу. Такое решение связей помещений разных уровней хорошо известно по раскопкам многих памятников Средней Азии поры раннего средневековья и является характерным для строительства этого времени (Воронина, 1964, с. 52, 57; Распопова, 1990, с. 135 и др). Не останавливаясь на перечне памятников с пандусом, следует отметить, что пандусные клетки имеют в основном, два вида внутреннего столба — круглый или подквадратный, последний встречается гораздо чаще (Пулатов, 1975, с. 142). В Каппатепе пандусная клетка находилась в юго-восточной башне. В центре башни — квадратный в плане, сложенный полностью из сырцовых кирпичей столб: который огибал пологий пандус (ширина — 1,2 м). Зачистка показала, что пандус имел четыре марша, а подъем к концу марша достигал 41-46 см. Все колена-марши пандуса имели основание из сырца, а наклонный пол представлял из себя толстую глиняную обмазку. Под четвертым коленом пандуса (последний при подъеме из нижнего этажа на верхний) основание было самое большое — от пола первого этажа до уровня второго. Гнезда балок в стенах помещений зачищены на высоте

1,8—1,95 м. Кроме пандусного сообщения из верхнего помещения непосредственно в нижний можно было попасть с помощью приставной лестницы.

Уникальность замка Каппатепа в отсутствии входа в помещения первого этажа. Все попытки его найти не увенчались успехом. Логично было ожидать вход в северной стене — здесь пологий подъем, двор. Зачистка вдоль стен, по внутреннему периметру, шурфовка и зондаж стен с внешней стороны не дали ожидаемых результатов — вход не был найден. Возможно, вход был поднят над землей, как это практиковалось в жилых башнях Дагестана, где он располагался на высоте 3 м от земли. Попасть в здание через такой вход можно было только по приставным лестницам (Гольдштейн, 1973, с. 176). Это же можно сказать о домах поселения Хоняйлов (Уструшана). Отмечено отсутствие входа на памятнике Кафыркала II (Западный Памир) Бубнова, 1991 с. 230).

У северо-восточной башни находился небольшой бугор, в структуре которого сырец. Бугор имеет форму усеченной пирамиды с пологим северным склоном. Надо полагать, что это остатки подъема на второй этаж, где располагался парадный вход. Отсюда можно попасть сразу на второй, жилой этаж. Такое решение входа применено в замке Тоштемиртепа (Уструшана) (Пулатов, 1980, с. 312) и Большой Нагимкале (Мервский оазис) (Пугаченкова, 1958, с. 132).

Таким образом, существовал вход сразу в помещения второго этажа, связанные между собой проходами. А вниз, в хозяйственные помещения, спускались по пандусу в юго-восточной башне. Позже в стене башни № 1 был пробит проем — вход в помещения первого этажа; вероятно, это было связано с тем, что после некоторых перестроек помещения № 1 и 2 оказались отрезанными от остальных. Если спустившись по пандусу, можно было попасть в помещения № 3, 4, 5, 7, 9, то в помещения № 1 и 2 — только через проем в стене башен.

Стены замка массивные, толщиной 2,4 м. Такая толщина выбрана не случайно: она не только придает стенам устойчивость и монументальность, но и имеет практические стороны. Известно, что толстые слои глины, которая обладает «термической инерцией», хорошо изолируют помещения от внешнего воздуха, жаркого летом и холодного зимой (Воронина, 1982, с. 49). Стены замка на первом этаже глу-

хия (о втором этаже сказать что-либо достоверно трудно). Только в восточной стене есть проем, имеющий на наружной поверхности стреловидную форму. Как бойница очень неудобна (хотя нельзя исключать и этого): толщина стены (2,4 м) уменьшает обзор местности и сектор стрельбы обороняющемуся до минимума — узкая полоска, да и то над гребнем соседнего адырного «языка», а всё остальное пространство «мертвое», не достигаемое для стрелка.

Вышеназванный проем примерно в середине канала соединен узким тунельчиком в толще стены пом. № 2 с башней 1, в восточной стене которой остатки такого же проема «бойницы». Иногда в военной практике перемещения бойца от одной точки к другой и стрельба создает у наступающих впечатление многочисленности обороняющихся. Но в данном случае проход очень узок и неудобен для такого быстрого маневра. Таким образом, это, вероятно всего, световые и одновременно вентиляционные проемы. Аналогичные по назначению проемы-продухи известны в замковом строительстве (Пулатов, 1975, с. 124-131; Немцева, 1989, с. 157, 158). Это косвенно подтверждается и тем, что в другой части замка подобных проемов нет, но зачищенные небольшие ниши для чирагов-светильников, освещавших помещения западной половины замка. Это тоже известный по другим памятникам способ освещения помещений нижнего этажа в двухэтажных замках (Аннаев, 1988, с. 27; Немцева, 1989, с. 157).

Ряд обстоятельств (изолированность друг от друга помещений западной и восточной половин, разные приемы освещения, наличие прямого входа в помещение № 2 и вход в помещение западной половины через пандус со второго этажа, а также набор находок) указывает на их различные функции. Вероятно, помещения № 1, 2 и 3 могли быть жилищем для прислуги, а другие — хозяйственно-складского назначения.

Немаловажна роль строительных приемов в определении времени возведения здания. При этом следует обратить внимание на общую планировку, отдельные элементы, материалы и др.

Раскопки раннесредневековых замков Средней Азии дали большой материал для изучения принципов внутренней планировки зданий. Несмотря на большое разнообразие, исследователями выделяются два типа планировок, которые в различных вариантах встречаются гораздо чаще других:

а) центральное помещение и группа сообщающихся узких помещений по периметру здания, б) несколько узких параллельных друг другу помещений и перпендикулярный к их оси коридор.

Первый тип планировки более ранний по времени, хотя отмечается одновременное сосуществование обоих типов и их вариаций.

Планировочная схема последнего периода функционирования замка Каппатепе проста; три узких параллельных помещения по линии СВ—ЮЗ и перпендикулярное к ним четвертое помещение. Такое решение внутренней застройки, так называемая «коридорно-гребенчатая планировка» встречается в Средней Азии довольно часто, особенно при раскопках раннесредневековых памятников на территории Согда и Уструшаны (Перечень замков с «коридорно-гребенчатой» планировкой см.: Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 106-115; Бердимурадов, Пардаев, 1990, с. 151-155; Якубов, 1979, с. 121-124). Причем такая планировка использовалась не только при постройке замков, но и усадеб, отдельных зданий и жилых домов (Давидович, 1951; Рапопорт, 1958 а, с. 358-362; Он же, 1958 б, с. 195, 196; Аннаев, 1980, с. 24-25).

Однако замок Каппатепе нельзя безоговорочно относить к зданиям с коридорно-гребенчатой планировкой — в последних узкие параллельные помещения расположены по обе или же с одной стороны перпендикулярного к их оси коридора, при этом каждое из параллельных помещений имеет отдельное сообщение с общим коридором.

В Каппатепе мы видим сочетание элементов обоих вышеназванных типов планировки: расположение помещений «коридорно-гребенчатое», а сообщение между ними по периметру, за исключением двух восточных помещений, изолированных от остальных и имеющих выход через проем в башне № 1 прямо во двор.

Заслуживает внимания вопрос о форме башен замка. В истории фортификации Средней Азии принято мнение, что в раннем средневековье круглые башни приходят на смену квадратным и прямоугольным. Б. А. Литвинский считает, что широкое распространение идеи круглой в плане башни в обширном регионе Среднего Востока и Центральной Азии приходится на II—III вв. н.э. (Литвинский, Седов, 1983, с. 82). Рассмотрение большого материала показывает, что переломный момент смены одного вида другим прихо-

дится на V—VI вв. Но это не четкая грань — некоторое время прямоугольные и квадратные башни сосуществовали с круглыми и овальными. Известные прямоугольные башни в памятниках VI—VIII вв. — Калаи Кафирнигане (Литвинский, 1982, с. 122), Кафыркале (Соловьев, 1982, с. 122), Пенджикенте (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1980, с. 262; Семёнов, 1984; Он же, 1985) и других (Альбаум, 1963, с. 74; Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов, 1988, с. 85-98), в том числе и Каппатепе. На памятниках Табошара зафиксированы оба вида башен: круглые на Тиркаштепа и прямоугольные на Каппатепе. В целом замок Каппатепе — один из многочисленных замков Средней Азии раннего средневековья. В последние годы целый ряд подобных памятников исследован в Верхнем Зеравшане: это замок на горе Муг, Калаи Мирон, Калаи Фильмандар, Караул Ато, Таи Малла, Калаи Куджарах, замок Нофин (Исаков, 1978; Он же, 1979 б; Он же, 1980; Он же, 1981). Среди них наиболее близким к замку Каппатепе по многим показателям является замок Фильмандар (V в.) (Исаков, 1979 а). Еще один памятник, близкий территориально и по решению плана к Каппатепе, раскопан в Фергане. Это поселение Аралтепа. Здание построено на высокой платформе и состоит из центрального помещения и четырех окружающих его боковых помещений, по углам четыре прямоугольные башни. Здание датировано III—IV вв. н.э. (Горбунова, Оболдуева, 1988, с. 82—96). Различие в решении главного входа, размерах некоторых помещений и сообщения между ними.

Рассмотренный материал позволяет говорить, что замок Каппатепе построен в стиле архитектурной традиции бассейна Сырдарьи, и отражает в своем объемно-планировочном решении влияния на нее архитектуры соседних с Илаком областей — Согда, Уструшаны и Ферганы. Время возведения замка следует считать V—VI вв., а период функционирования определяет массовый материал — керамика, а также монеты бухар-худатского типа, т.е. в пределах VI—VIII вв. н.э.

Основной строительный материал, использованный при строительстве замка — лёсс: прямоугольные сырцовые кирпичи (размер 50х30х10 см) и связывающий их глиняный раствор. Используются и другие материалы. Так, из камней выложены невысокие подпорные стенки, опоясы-

вающие холм и круговую и стенки колодца в центральном помещении. Дерево использовано при перекрытии помещений первого этажа. В разных частях помещений замка, в завале выявлялись сгнившие остатки строительного леса в виде коротких балок, или же оставшиеся от них и других деревянных частей, зольные пятна.

Еще одним вопросом является количество обитателей. Так как замок Каппатепа был резиденцией феодала, можно предположить, что здесь жила одна семья — семья владельца и прислуга. Письменные источники дают мало сведений по демографии раннего средневековья. Археологи решают этот вопрос исходя из ориентировочной плотности населения, при этом в учет берутся жилая площадь помещения или здания и общая площадь застройки в раскопанной части города или селения, а также функциональный анализ вскрываемых частей. В исторической литературе предложен подсчет количества жителей для раскопанных частей ряда памятников Хорезма (Неразик, 1978), Согда (Беленицкий, Большаков, Бентович, 1974, с. 259—260; Якубов, 1988, с. 167—168), Северного Тохаристана (Аннаев, 1988, с. 53—57; Массон, 1981, с. 39), Чак-Илака (Буряков, 1982, с. 173—176), Южного Казахстана (Байпаков, 1974, с. 195—197).

Для определения количества жителей замка Каппатепа можно сопоставить данные по аналогичным памятникам. Так, Т. Д. Аннаевым на основе ряда критериев среди изученных замков Северного Тохаристана выделены три категории по количеству жителей: I категория — замки с количеством жителей 30—40 человек, II категория — 20—24 человека, и III категория замков — 15—20 человек (Аннаев, 1988, с. 57). Для согдийского замка Фильвандар число проживавших предлагается 10—15 человек (Исаков, 1979, с. 51).

В замке Каппатепа 18 помещений на двух этажах, из них 6 нижних явно хозяйственного назначения, одна пандусная клетка на обоих уровнях. Из оставшихся 10 помещений жилыми могли быть 7—8 помещений площадью 105,8—118,1 м²; в этом случае замок Каппатепа близок к замкам II категории в классификации Т. Д. Аннаева и число его обитателей было 20—25 человек.

Таким образом, сильно укрепленный замок Каппатепа является резиденцией местного феодала. Здесь же проживала его семья и прислуга. Недалеко от замка, на берегу сая

располагалось поселение, но, к сожалению, от него почти ничего не сохранилось. На поверхности много фрагментов керамики и небольшие остатки двух помещений.

В целом памятник Каппатепа по своим материалам незауряден и дает богатый материал для изучения архитектурной традиции и материальной культуры раннесредневекового горнорудного Илака.

Заключение

Кураминский хребет, особенно его юго-западные склоны, представляет интересный в археологическом отношении район Средней Азии. Разведочными работами археологов здесь выявлены многочисленные памятники кочевого и оседлого населения района — могильники, поселения и замки, рудники, датируемые в значительном хронологическом диапазоне: в пределах всего 1 тыс. н.э. Данные исследований памятников района являются дополнением, конкретными материалами к скудным сведениям письменных источников по истории и культуре горной части Илака, и комплексное изучение памятников разной категории расширяет наше представление о социально-экономической и культурной жизни этой историко-культурной области Средней Азии.

Курама богата полезными ископаемыми. Богатые месторождения гор были известны издавна и, вероятно, начало добычи полезных ископаемых этих мест теряется в глубокой древности. Вне сомнения, что месторождения Чаткало-Кураминских гор стали металлургической базой формирования кайраккумской, чустской и бургулюкской культур (Рузанов, 1985, с. 113).

О ранних этапах истории юго-запада Курамы (района современного Табошара) говорить пока трудно — нам не известны памятники того времени, а памятники вышеуказанных культур расположены на значительном удалении от этих мест. В I тыс. до н.э. в низовьях и среднем течении р. Ахангаран была распространена бургулюкская культура, а в конце тысячелетия, точнее во II—I вв. до н.э. она сменяется каунчинским культурно-хозяйственным комплексом (Буряков, 1982, с. 70), который распространяется на значительную территорию, в том числе на районы Кураминского хребта (Буряков, 1987, с. 35). Появление носителей этой культуры прослеживается по археологическим памятникам. Курганы и курумы Курамы со своеобразным погребальным обрядом датируются в пределах III—II вв. до н.э. — V—VI вв. н.э. Исследователи отмечают ряд признаков, как будто

бы свидетельствующих о близости погребальных обрядов раннего этапа каунчицкой культуры, подземных каменных склепах и наземных наусах позднего этапа этой культуры и курумов Курамы (Литвинский, 1972, с. 188, 206, 212; Литвинский, 1981, с. 56). Б. А. Литвинский, много лет исследовавший курганы и курумы Кураминского хребта предлагал считать их памятниками горного варианта каунчинско-джунской культуры (Литвинский, 1972, с. 212—213).

Смена бургулюкской культуры каунчицкой отражается и в политической истории: на обширной территории, в областях среднего и нижнего течения Сырдарьи во II—I вв. до н.э. складывается государственное объединение Кангюй, восточной, граничащей с Даванью — Ферганой областью которого были районы Кураминского хребта. Несмотря на относительно слабую центральную власть, все районы государства связывали единство этнического субстрата и тесные экономические и культурные связи, на что указывает близость археологических культур Средней и Нижней Сырдарьи (Байпаков, 1989, с. 341).

Памятники первых веков н.э. в окрестностях Табашара представляют могильник Чугзхона и Тиркаштепа. Последний возник как храмовый комплекс и позднее был перестроен в сильно укрепленный замок.

В период раннего средневековья Илак входил в состав Чача, изредка и на короткое время получая самостоятельность. Именно в этот период начинается интенсивное освоение природных богатств недр Кураминских гор. По свидетельству арабских источников, хребет пересекался пятью крупными транзитными дорогами. Вероятно, одной из них на западе Курамы была дорога через Алтынтапканский перевал. Эта дорога, пролегавшая по ущелью Токмакская и далее по Уткемсу, огибала хребет Моголтау с востока и выходила к Сырдарье, являясь таким образом кратчайшим путем из центральной части Илака и его столицы Тункета в Худжанд и далее в Уструшану и Фергану. Значимость дороги усиливали благоприятные географические условия, заселенность и наличие в этом районе крупных рудников, месторождений в районе современных Табашара и Конджола (сейчас по этому маршруту проходит автодорога Худжанд—Табашар).

Раскопанный на северо-западной окраине Табашара замок Каппатепе дал богатый материал по материальной

культуре раннесредневекового Илака. Хорошо сохранившаяся архитектура замка иллюстрирует высокий уровень зодчества, истоки которого в традициях каунчинской культуры с ее развитой фортификацией, жилой и общественной архитектурой, в том числе и монументальной (Буряков, 1982, с. 72). Уже в постройке Тиркаштепа проявилось мастерство зодчих и их знакомство с достижениями архитектурной мысли других частей Средней Азии. Да и у строителей курумов и мугхона, по мнению Б. А. Литвинского, «был сравнительно высокий уровень строительных знаний и навыков», и что «...эти строительные навыки и приемы имели источником не только собственную традицию и практику, но также знакомство с пахсово-сырцовской архитектурой Ферганы и Шаша» (Литвинский, 1972, с. 191).

Замок Каппатепе представляет следующую после Тиркаштепа ступень развития архитектуры Илака. Результаты наблюдений в ходе раскопок и тщательного анализа геометрического построения позволяют считать, что архитектурный комплекс построен по заранее продуманному плану с учетом и использованием особенностей местных условий и рельефа.

Исходный материал строительства — прямоугольный сырцовый кирпич со сторонами 50 и 30 см при толщине 10 м.

При постройке замка Каппатепе были хорошо продуманы как внутренняя планировка, так и внешний вид. Постройка занимает относительно небольшую территорию, но использование с максимальной отдачей каждого метра пространства значительно увеличивает полезную площадь внутреннего пространства здания. Умелое использование рельефа местности увеличивало массивность и высоту замка, демонстрируя мощь и убеждая в его неприступности.

Замок возведен на высоком профессиональном уровне и, как показали сопоставления с памятниками других районов, его создатели были хорошо знакомы со строительной культурой Согда, Хорезма, Уструшаны и Ферганы. Особенно четко прослеживаются черты строительной традиции бассейна Сырдарьи (Якке-парсан). Такая особенность — тесная связь с северными районами, основу которых составляли сакские архитектурно-строительные традиции, характерна не только для рассматриваемой нами территории, но и для архитектуры восточных районов всего Чач-Илака (Буряков, 1987, с. 36; Филианович, 1989, с. 314—319).

Богат и разнообразен набор находок, полученных в ходе раскопок Каппатепе — изделия из глины, алебастра, камня, стекла и металла. Коллекция керамики, в которой преобладает лепная, свидетельствует о большом мастерстве гончаров: богатый ассортимент, хорошее качество исполнения, умелая орнаментация. Прослеживается преемственность керамики Тиркаштепа и Каппатепе и следы культурных контактов с населением соседних регионов. Керамика, как и архитектура, свидетельствует об общности материальной культуры Табошара в V—VIII вв. с соседним Ташкентским оазисом. Эта общность проявляется в близких формах и приемах изготовления и орнаментации керамических изделий, сходном наборе других изделий быта.

Архитектурные остатки и многочисленные находки из замка Каппатепе представляют богатый материал для характеристики архитектурной традиции и материальной культуры раннесредневекового горнорудного Илака.

Литература

АБДУРАЗЗАКОВ А. А., БЕЗБОРОДОВ М. А., ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю. А. Стеклоделие Средней Азии. — Ташкент, 1963.

АБДУРАХИМОВ С. Я. Древние разработки полезных ископаемых в северной части Таджикистана // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, сер. IV, Геология, 1977, № 3.

АБДУРАХИМОВ С. Я. Из истории горнорудного дела Таджикской ССР // История и методика естественных наук, вып. XXIII, Геология. — М., 1979.

АГЕЕВА Е. И., ПАЦЕВИЧ Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ Каз. ССР, т. 5, — Алма-Ата, 1958.

АКРАМОВ Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского. — Душанбе: Ирфон, 1974.

АЛИМОВ У. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе // ИМКУ, вып. 8, — Ташкент: Фан, 1969.

АЛЬБАУМ Л. И. Балалык-тепе. — Ташкент, 1960.

АЛЬБАУМ Л. И. Раскопки замка Заиг-тепе // ИМКУ, вып. 4, — Ташкент, 1963.

АЛЬБАУМ Л. И. Заиг-тепе // ИМКУ, вып. 6, — Ташкент, 1965.

АЛЬБАУМ Л. И. К датировке верхнего слоя поселения Кауяч-тепе // ИМКУ, вып. 8, — Ташкент, 1969.

АНАРБАЕВ А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V — XII вв.). — Ташкент: Фан, 1981.

АНДРЕЕВ М. С. Местности в долине р. Ангrena, интересные в археологическом отношении // Туркестанские ведомости, 1893, № 46.

АННАЕВ Т. Д. Архитектура усадьбы Куевкурган // САУ, № 2, 1980.

АННАЕВ Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. — Ташкент: Фан, 1988.

АРРИАН ФЛАВИЙ, АНАБАСИС АЛЕКСАНДРА. — М. Л., 1962.

БАЙПАКОВ К. М. Керамика средневекового Кулана // Поиски и раскопки в Казахстане. — Алма-Ата, 1972.

БАЙПАКОВ К. М. О численности оседлого населения Илийской долины в средневековье // В глубь веков. — Алма-Ата, 1974.

БАЙПАКОВ К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. — Алма-Ата: Наука, 1986.

БАЙПАКОВ К. М. Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата: Наука, 1989.

БАРТОЛЬД В. В. Соч., т. I, — М., 1963.

БАРТОЛЬД В. В. Соч., т. 3, — М., 1965.

БАРУЗДИН Ю. Д. Карабулакский могильник (раскопки 1955 г.) // Тр. ИИ АН Киргизской ССР, вып. 2, — Фрунзе, 1956.

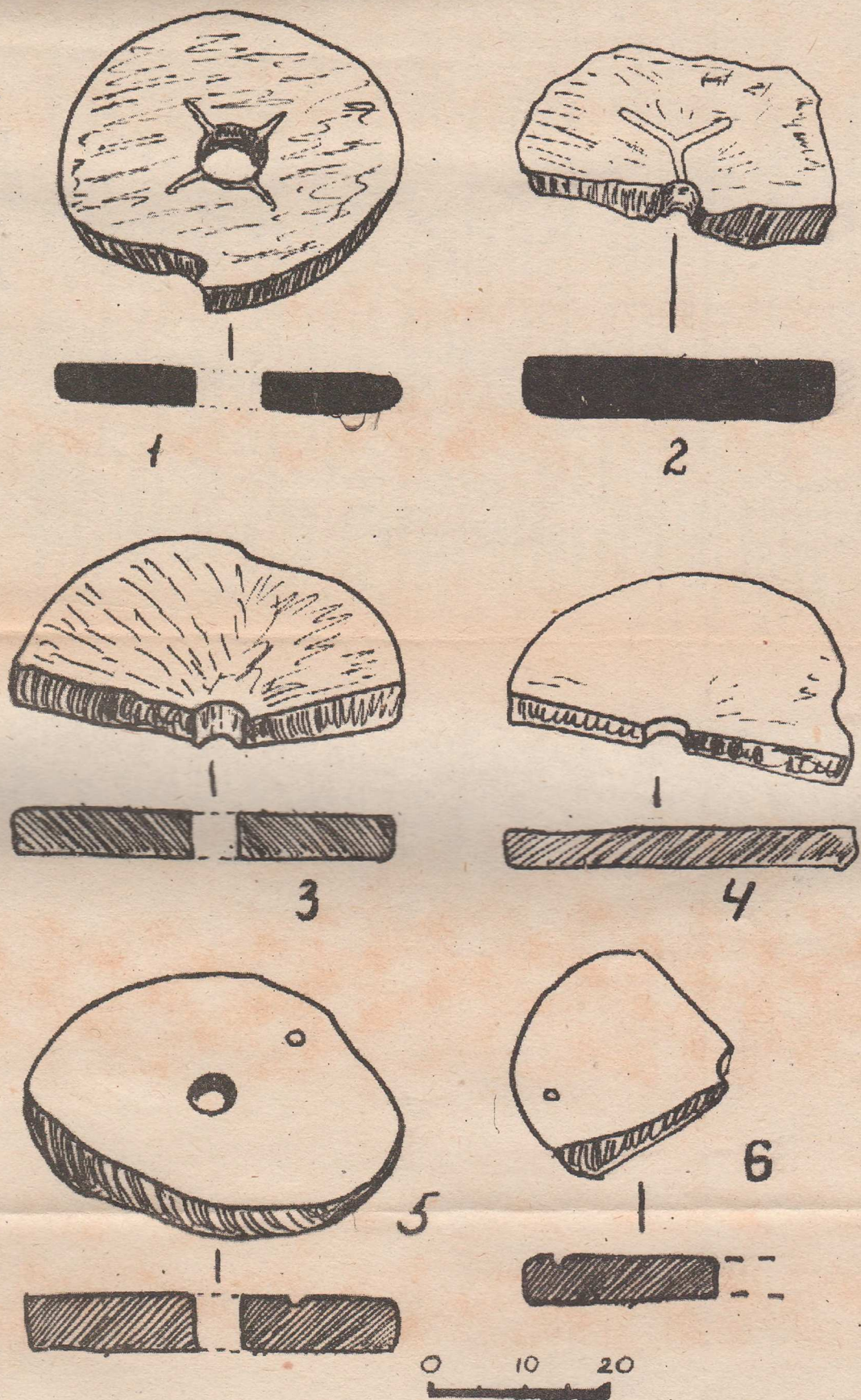

Рис. 8. Замок Каппатепа. Изделия из камня. Жернова.

- БЕЛЕНИЦКИЙ А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента//МИА СССР, № 68, — М., Л., 1958.
- БЕЛЕНИЦКИЙ А. М., БОЛЬШАКОВ О. Г., ВЕНТОВИЧ И. Б. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1974.
- БЕЛЕНИЦКИЙ А. М., МАРШАК Б. И., РАСПОПОВА В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г.//АРТ, вып. 14, — Душанбе: Дониш, 1980.
- БЕЛЯЕВА Т. В. Некоторые итоги работ Ходжентского отряда в 1978 г.//АРТ, вып. 18 (1978), — Душанбе: Дониш, 1984.
- БЕНТОВИЧ И. Б. Керамика Пенджикента//МИА СССР, № 37, — М., Л., 1953.
- БЕНТОВИЧ И. Б. Керамика Пенджикента//МИА СССР, № 66 — М., Л., 1958.
- БЕНТОВИЧ И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII — VIII вв.)//МИА СССР, № 124, — М., Л., 1964.
- БЕРДИМУРАДОВ А. Э., ПАРДАЕВ М. Х. Раскопки верхнего здания Амантепа//ИМКУ, вып. 23, — Ташкент: Фан, 1990.
- БЕРНШТАМ А. М. Кенкольский могильник//Археологические экспедиции ГЭ, вып. 2, Л., 1940.
- БЕРНШТАМ А. Н. Чуйская долина//МИА СССР, № 14, — М., 1950.
- БИЛАЛОВ А. И. Из истории ирригации Уструшаны. — Душанбе, 1980.
- БОГОМОЛОВ Г. И., ПАПАХРИСТУ О. А. О дастарханах//ИМКУ, вып. 17, — Ташкент: Фан, 1982.
- БРЫКИНА Г. А. Карабулак. — М.: Наука, 1974.
- БРЫКИНА Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. — М., Наука, 1982.
- БУБНОВА М. А. Изучение памятников, связанных с горным промыслом на территории Таджикистана в 1970 г.//АРТ, вып. 10 (1970). — М., 1973.
- БУБНОВА М. А. Культовый комплекс в кишлаке Вранг (Западный Памир)//АРТ, вып. 19, — Душанбе: Дониш, 1986.
- БУБНОВА М. А. Культовое сооружение Кафыркала I — IV и разведки 1983 г.//АРТ, вып. 23 (1983). — Душанбе: Дониш, 1991.
- БУРНАШЕВА Ф. А. К вопросу использования химико-технологических методов при изучении керамики (котлов) средневековья//ИМКУ, вып. 5, — Ташкент, 1964.
- БУРЯКОВ Ю. Ф., КАСЫМОВ М. Р., РОСТОВЦЕВ О. И. Археологические памятники Ташкентской области. — Ташкент: Фан, 1973.
- БУРЯКОВ Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. — М., Наука, 1974.
- БУРЯКОВ Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака), — Ташкент, 1975.
- БУРЯКОВ Ю. Ф. По караванным путям Ташкентского оазиса. — Ташкент, 1978.
- БУРЯКОВ Ю. Ф. Древняя и средневековая культура Чача. — Ташкент, 1979.
- БУРЯКОВ Ю. Ф. Генезис и этапы развития городов Ташкентского оазиса. — Ташкент: Фан, 1982.
- БУРЯКОВ Ю. Ф. Бассейн среднего Яксарта в древности и раннем средневековье//Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда. — Ташкент: Фан, 1987.
- ВОРОБЬЕВА М. Г. Дингильдже//Тр.ХАЭЭ, вып. 9. — М., 1973.

- ВОРОНИНА В. А. Архитектура древнего Пенджикента//МИА СССР, № 124, — М., 1964.
- ВОРОНИНА В. А. Жилище народов Средней Азии и климат//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1982.
- ГАФУРОВ Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Т. I. — Душанбе: Ирфон, 1989.
- ГОЛЬДШТЕЙН А. Ф. Башенные сооружения горного Дагестана//Архитектурное наследство. — М., 1973.
- ГОРБУНОВА Н. Г. На землях древнего оазиса в Фергане//СГЭ, вып. 26. — М., Л., 1965.
- ГОРБУНОВА Н. Г. Раскопки древних поселений в Фергане//СГЭ, вып. 27. — М., Л., 1966.
- ГОРБУНОВА Н. Г. Ферганская экспедиция в 1968 г.//СГЭ, вып. 33. — М., Л., 1971.
- ГОРБУНОВА Н. Г. Раскопки Куюк-тепе в Фергане//СГЭ, вып. 34. — М., Л., 1972.
- ГОРБУНОВА Н. Г., ОБОЛДУЕВА Т. Г. Поселения Аралтепе в Фергане//АСГЭ. — Л., 1988.
- ГРИГОРЬЕВ Г. В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.) — Ташкент, 1940.
- ГРИГОРЬЕВ Г. В. Келесская степь в археологическом отношении//Изв. АН КазССР, сер. археол., № 1. — Алма-Ата, 1948.
- ДАВИДОВИЧ Е. А. Отчет о работах 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы//Тр. ЮТАКЭ, т. 2. — Ашхабад, 1951.
- ДАВИДОВИЧ Е. А., ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Археологический очерк Исфаринского района//Тр. АН ТаджССР, ИИАЭ, т. 35. — Сталинабад, 1955.
- ДАВИДОВИЧ Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г.//АРТ, вып. 2 (1954), Тр. АН ТаджССР, 37. — Сталинабад, 1956.
- ДАВИДОВИЧ Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. — М., Наука, 1979.
- Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. — Ташкент: Фан, 1990.
- Древний Отрар. — Алма-Ата: Наука, 1972.
- Древний Ташкент. — Ташкент: Фан, 1973.
- Древности Ташкента. — Ташкент: Фан, 1976.
- Древности Чарвака. — Ташкент: Фан, 1976.
- Древности Чардары. — Алма-Ата: Наука, 1969.
- ЖУКОВ В. А. Разведочные работы группы по изучению памятников каменного века//АРТ, вып. 25 (1985). — Душанбе: Дониш, 1993.
- ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА СССР, № 118. — М., Л., 1962.
- ИВАНОВ П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. — Краткий исторический очерк. — М., Л., 1932.
- ИСАКОВ А. Цитадель древнего Пенджикента. — Душанбе: Дониш, 1977.
- ИСАКОВ А., ЭШОНКУЛОВ У. Работы Косатарошского отряда//АО 1977 г. М., 1978.
- ИСАКОВ А. Фильмандарский замок//УСА, вып. 4—Л. 1979 (а).
- ИСАКОВ А. Разведки и раскопки Косатарошского отряда в 1974 г.//АРТ, вып. 14 (1974). — Душанбе: Дониш, 1979 (б).

ИСАКОВ А. Работы Косатарошского отряда в 1975 г.//АРТ, вып. 15 (1975). — Душанбе: Дониш, 1980.

ИСАКОВ А. О работах Косатарошского отряда//АРТ, вып. 16 (1976). — Душанбе: 1981.

ИСЛАМОВ О. И. О мероприятиях по охране и документации древних и средневековых рудников//Тр. САГУ, вып. 2. — Ташкент, 1954.

ИСЛАМОВ О. И., РУТКОВСКАЯ Л. М. Геолого-археологическая характеристика древнего рудника Кони-Мансур//Археология Средней Азии, 4, тр. САГУ, вып. 3. — Ташкент, 1957.

КАБАНОВ С. К. Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи//ТИИА, вып. 7. Мат. по истории Узбекистана. — Ташкент, 1956.

КАБАНОВ С. К. Согдийское здание V в н. э.//ОА, № 8, 1958.

КАБАНОВ С. К., ФИЛАНОВИЧ М. И., УРМАНОВА М. Х. Раскопки части жилого массива IX — XI вв.//Афрасиаб, вып. 3. — Ташкент, 1974.

КАБАНОВ С. К. Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III — IV вв.) — Ташкент, 1977.

КАБАНОВ С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III — IV вв. — Ташкент, 1981.

Керамика Хорезма//Тр. ХАЭЭ, т. 4. М., 1959.

КИБИРОВ А. К. Археологические памятники Чаткала//Тр. КАЭЭ, т. 2. — М., 1956.

КИБИРОВ А. К. Археологические работы в центральном Тянь-Шане//Тр. КАЭЭ, т. 3. — М., 1959.

КОЖЕМЯКО П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959.

КОЖЕМЯКО П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. — Фрунзе, 1963.

КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена Северного Кавказа//МИА СССР, № 106. — М., Л., 1962.

ЛАПИРО — СКОБЛО М. С. Анализ построения древним зодчим плана Кой-Крылган-Кала//Этнография и археология Средней Азии. — М., 1979.

ЛЕВИНА Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты Асарской культуры//Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1968.

ЛЕВИНА Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. — М., 1971.

ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Горные инструменты из коллекции Ленинабадского краеведческого музея//Изв. АН ТаджССР, отд. общ. н., вып. 2. — Сталинабад, 1952.

ЛИТВИНСКИЙ Б. А., ИСЛАМОВ О. И. О некоторых орудиях и приемах средневековых рудокопов Средней Азии//Изв. АН ТаджССР, отд. общ. н., вып. 3. — Сталинабад, 1953.

ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Древнейшие страницы горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. — Сталинабад, 1954 (а).

ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Из археологических материалов по истории горной техники Средней Азии (преимущественно IX — X вв.//Тр. АН ТаджССР, т. 27. — Сталинабад, 1954 (б).

ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. — Сталинабад, 1954 (в).

- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников в Карамазарских горах//АРТ, вып. 3 (1955). — Сталинабад, 1956 (а).
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Предварительный отчет о работах в Карамазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г.//АРТ, вып. 2. — Сталинабад, 1956 (б).
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Среднеазиатский горный промысел в средние века (IX — XII вв.). Техника//Материалы II совещ. археол. и этногр. Средней Азии. — М., Л., 1959 (а).
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г.//АРТ, вып. 5 (1957). — Сталинабад, 1959 (б).
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Курумы//Археологи рассказывают. — Сталинабад 1959 (в).
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А., ОКЛАДНИКОВ А. П., РАНОВ В. А. Древности Кайраккумов. — Душанбе, 1962.
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. — М., 1972. /
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. — М., 1973 (а).
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. — М., 1973 (б).
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. — М., 1978.
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Калаи Кафирниган (раскопки 1976 г.)//АРТ, вып. 16 (1976). — Душанбе: Дониш, 1982.
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А., СЕДОВ А. В. Тепаи Шах. — М., 1983.
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А., СОЛОВЬЕВ В. С. Средневековая культура Тохаристана. — М., 1985.
- МАЙТДИНОВА Г. М. Костюмы раннесредневекового Тохаристана. — Душанбе: Дониш, 1992.
- МАМАДЖАНОВА С. М. Вопросы реконструкции архитектурных памятников Уструшаны (на примере замка Чильхуджра)//МКТ, вып. 4. — Душанбе: Дониш 1987.
- МАРАФИЕВ С. Ш., МОСКАЛЕНКО Н. А. К вопросу о симбокузача и генезисе циркульного орнамента//МКТ, вып. 4. — Душанбе: Дониш, 1987.
- МАРАФИЕВ С. Ш. Участие Ленинабадского областного музея в историко-краеведческих исследованиях Северного Таджикистана//МКТ, вып. 4. — Душанбе: Дониш, 1987.
- МАРШАК Б. И. Керамика нижнего слоя Пенджикента//ИООН АН ТаджССР, № 14, 1957.
- МАССОН В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы типологии поселений и культурогенеза)//ОНУ, № 6, 1981.
- МАССОН М. Е. Историческая археология на службе геологической разведки//Народное хозяйство Средней Азии, № 2. — Ташкент, 1930 (а).
- МАССОН М. Е. К истории добычи ртути в Средней Азии//Народное хозяйство Средней Азии, № 5. — Ташкент, 1930 (б).
- МАССОН М. Е. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Горные инструменты//Среднеазиатское районное геолого-разведочное управление. Бюлл. № 2. — Ташкент 1930 (в).
- МАССОН М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг.//Научная мысль, № 1, 1930 (г).

МАССОН М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг.//Материалы Узкомстариса. Вып. 5. — Ташкент, 1933.

МАССОН М. Е. Историческая археология на службе геологической разведки//Народное хозяйство, № 2. — Ташкент, 1934 (а).

МАССОН М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана //Тр. ТПЭ. Вып. 2. — Л., 1934 (б).

МАССОН М. Е. К истории добычи асбеста в Средней Азии//За недра Средней Азии, № 5. — Ташкент, 1934 (в).

МАССОН М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых//ТПЭ, 1933, Материалы экспедиции, вып. 20. — Л., 1934 (г).

МАССОН М. Е. К истории горной промышленности Карамазара//Тр. Таджикстанской базы АН СССР, т. 4. — М., Л., 1935.

МАССОН М. Е. Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка//Тр. ТПЭ, вып. 37. — М., Л., 1936.

МАССОН М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. — Ташкент, 1953 (а).

МАССОН М. Е. Ахангаран. Историко-топографический очерк. — Ташкент, 1952 (б).

МАССОН М. Е. К вопросу о «черных дирхемах» мусеяби//Тр. ИИА АН Уз ССР, вып. 7. — Ташкент, 1955.

МАССОН М. Е. Краткий очерк изучения Средней Азии в археологическом отношении//Археология Средней Азии, Тр. САГУ, нов. сер. т. 81. Исторические науки, кн. 12. — Ташкент, 1956.

МАХМУД ИБН ВАЛИ. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Введ. прим. и указатели Б. А. Ахмедова. — Ташкент, 1977.

МАШКОВЦЕВ С. Ф. Горы Карамазара. Путеводитель, вып. I. 3-й Всесоюз. геол. съезд. — Ташкент, 1928.

МИНАЕВ Т. Н. Археологические памятники на р. Гиляч, в верховьях Кубани//ИИА СССР, № 23. — М., Л., 1951.

МИРЗОБАХОДУРОВ Р. А. Некоторые особенности распределения птиц южного склона Кураминского хребта и Аштского массива по ландшафтно-природным зонам//Сб. науч. ст. мол. уч. и аспирантов, № 40, вып. 2. — Ленинабад, 1971.

МУХАМЕДЖАНОВ А. Р., АДЫЛОВ Ш. Т., МИРЗОАХМЕДОВ Д. К., СЕМЕНОВ Г. А. Городище Пайкаенд. — Ташкент, 1988.

НАЗАРОВ ФИЛИПП. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. — М., 1968.

НАСЛЕДОВ Б. Н. Карамазар. — М., Л., 1935.

НЕГМАТОВ Н. Н., ХМЕЛЬНИЦКИЙ С. Г. Средневековый Шахристан. — Душанбе, 1966.

НЕГМАТОВ Н. Н., ПУЛАТОВ У. П., ХМЕЛЬНИЦКИЙ С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа. — Душанбе, 1973.

НЕГМАТОВ Н. Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. //АРТ, вып. 10 (1970). — М., 1973.

НЕГМАТОВ Н. Н. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана. Краткие результаты работ 1974 г.//АРТ, вып. 14 1974. — Душанбе: Дониш, 1979.

НЕГМАТОВ Н. Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1978 г.//АРТ, вып. 18 (1978). — Душанбе: Дониш, 1984.

- НЕГМАТОВ Н. Н. Полевые исследования СТАКЭ в 1979 г.//АРТ, вып. 19 (1979). — Душанбе: Дониш, 1986.
- НЕГМАТОВ Н. Н., МАМАДЖАНОВА М. Д., РАХИМОВ Н. Т. и др. Раскопки Северотаджикистанской экспедиции//АО, 1986 г. — М., 1988.
- НЕГМАТОВ Н. Н. Исследования СТАКЭ в 1982 г.//АРТ, вып. 22 (1982). — Душанбе: Дониш, 1990.
- НЕМЦЕВА Н. Б. Раннесредневековая усадьба и замок у городища Бабатеп на юге Узбекистана//Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. — Ташкент, 1989.
- НЕРАЗИК Е. Е. Керамика Хорезма Афригидского периода//Керамика Хорезма. Тр. ХАЭЭ, т. 4. — М., 1959.
- НЕРАЗИК Е. Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма. — М., 1963 (а).
- НЕРАЗИК Е. Е. Раскопки в Якка-Парсане//МХЭ, вып. 7. — М., 1963 (б).
- НЕРАЗИК Е. Е. Поселения и жилище Хорезма как исторический источник I — XIV вв.//Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1973.
- НИЛЬСЕН В. А. Архитектура Средней Азии V — VIII вв. — Ташкент, 1966.
- Отчет археологической комиссии за 1882 — 1888 годы. — СПб., 1891.
- ПЕТРУНЬ В. В. Об археологических поисковых признаках в геологической практике//Сов. геол., № 9, 1959.
- ПЕЩЕРЕВА Е. М. Гончарное производство Средней Азии. — М., Л., 1959.
- Протоколы заседаний ТКЛА, год 3. — Ташкент, 1897 — 1898.
- ПУГАЧЕНКОВА Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Тр. ЮТАКЭ, т. 6. — М., 1958.
- ПУГАЧЕНКОВА Г. А., БЕЛЯЕВА Т. А. К стратиграфии Кумышкенттепе//СА, № 4, 1987.
- ПУГАЧЕНКОВА Г. А., РТВЕЛАДЗЕ Э. В. Северная Бактрия — Тохаристан. — Ташкент: Фан, 1990.
- ПУЛАТОВ У. П. Чильхуджра. — Душанбе, 1975.
- ПУЛАТОВ У. П. Раннесредневековый замок Тоштемиртепа//АО 1975 г. М.: Наука, 1976.
- ПУЛАТОВ У. П. «Дом огня» в Уструшане//Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. — Душанбе, 1977.
- ПУЛАТОВ У. П. Раскопки на Калаи Сапе//АО 1977 г. — М., 1978.
- ПУЛАТОВ У. П. Замок Тоштемиртепа//АРТ, вып. 15 (1975). — Душанбе, 1980.
- ПУЛАТОВ У. П., САЛТОВСКАЯ Е. Д. Раскопки Тиркаштепа в 1979 г.//АРТ, вып. 19 (1979). — Душанбе: Дониш, 1985.
- ✓ ПУЛАТОВ У. П., САЛТОВСКАЯ Е. Д. Раскопки нижнего горизонта Тиркаштепа//АРТ, вып. 20 (1980). — Душанбе: Дониш, 1987.
- РАКИТИН А. М. Древний рудник Джар-Камар//Изв. ГК, т. 48, № 5, 1929.
- РАНОВ В. А., САЛТОВСКАЯ Е. Д. О работах Уратюбинского отряда в 1959 г.//АРТ, вып. 7 (1959). — Душанбе, 1961.

РАПОПОРТ Ю. А., ТРУДНОВСКАЯ С. А. Городище Гяуркала//Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции в 1949 — 1953. Тр. ХАЭЭ, т. 2, — М., 1958 (а).

РАПОПОРТ Ю. А. Топраккала//Тр. ХАЭЭ, т. 2. — М., 1959 (б).

РАСПОПОВА В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины//Тр. КАЗЭ, т. 4, — М., 1960.

РАСПОПОВА В. И. Жилища Пенджикента. — Л.: Наука, 1990.

РАХИМОВ Н. Т. Раскопки замка Каппатепе//АО 1985 г. — М., 1986.

РАХИМОВ Н. Т. Из истории изучения Карамазара//Материалы по истории таджикского народа. — Ленинабад, 1989 (а).

РАХИМОВ Н. Т. Охранные работы в Табошаре//Республ. науч.-практич. конф. мол. уч. и специалистов Таджикской ССР — Душанбе, 1989 (б).

РУДЕНКО С. И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы — М., 1962.

РУЗАНОВ В. Д. Древняя металлургия и металлообработка Узбекистана в эпоху бронзы//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. — Ташкент, 1985.

САЛТОВСКАЯ Е. Д. Раскопки на Кзыл-тепе в 1960 г.//АРТ, вып. 8 (1960), — Душанбе, 1962.

САЛТОВСКАЯ Е. Д. Раскопки на Тудай Клон в 1961 г.//АРТ, вып. 9 (1961), — Душанбе, 1964.

САЛТОВСКАЯ Е. Д. Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье, АКД, — Душанбе, 1972.

САЛТОВСКАЯ Е. Д. О работах Западно-Ферганского отряда СТАКЭ //АО 1979 г. — М., 1980.

✓ САЛТОВСКАЯ Е. Д. Начало раскопок Тиркаштепа//АРТ, вып. 18 (1978) — Душанбе: Дониш, 1984.

✓ САЛТОВСКАЯ Е. Д., ПУЛАТОВ У. П. Раскопки Тиркаштепа в 1979 г. //АРТ, вып. 19 (1979), — Душанбе: Дониш, 1986.

✓ САЛТОВСКАЯ Е. Д., ПУЛАТОВ У. П. Раскопки могильника Чугзхона в Табошаре//АРТ, вып. 21 (1981), — Душанбе: Дониш, 1988.

Самаркандские документы XV — XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). — М., 1974.

СЕМЕНОВ Г. Л. К вопросу о сложении внешней линии обороны цитадели г. Пенджикента//I конф. мол. уч.-историков Средней Азии и Казахстана, Тез. докл. — Душанбе, 1984.

СЕМЕНОВ Г. Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. АКД, — Л., 1985.

СЕНИГОВА Т. И. Средневековый Тараз. — Алма-Ата, 1972.

СИНЕНЬКАЯ Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара//Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1972.

Список населенных пунктов Таджикской ССР. — Сталинабад. Издательство УНХУ ТаджССР, 1932.

СОЛОВЬЕВ В. С. Работы колхозабадского отряда в 1976 г.//АРТ, вып. 16 (1976), — Душанбе, 1982.

СОСНОВСКИЙ Г. П. Раскопки Ильмовой пади//СА, вып. 8, 1946.

ТАШПУЛАТОВА А. О. К датировке возникновения Ленинабадского областного историко-краеведческого музея//Мат. науч.-теоретич. конф. мол. уч. АГПИ им. С. М. Кирова. — Ленинабад, 1983,

ТЕРЕНОЖКИН А. И. Холм близ Ташкента (раскопки 1940 года)//Тр. ИИА АН УзССР, т. 1. — Ташкент, 1948.

ТЕРЕНОЖКИН А. И. Согд и Чач//КСИИМК, 33, М., Л., 1950.

ТОМИЛИН В. Н. Месторождения медных и свинцовых руд в предгорьях Моголтау и Карамазара в Туркестане//Зап. Горного института, т. 4, вып. 1. — СПб., 1912.

Туркестанские ведомости, 20 марта, № 12, 1879.

ТУРЛЫЧКИН В. М. Геолого-археологическое обследование древних выработок Конджола//АРТ, вып. 7 (1959), — Душанбе, 1961.

Фарханли забони тоҷики, ч. 2, М., 1969.

ФИЛАНОВИЧ М. И., БРУСЕНКО Л. Г., ЗИЛЬПЕР Д. Н. Работы Ташкентского отряда//АО 1975 г. — М., 1976.

ФИЛАНОВИЧ М. И. Новые данные изучения Ак-тепе у Абразианого завода в Ташкенте//ИАОА, Ашхабад, 1978.

ФИЛАНОВИЧ М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. — Ташкент, 1983.

ФИЛАНОВИЧ М. И. Культурные взаимодействия оседлого и кочевого мира и формирование архитектурных традиций (по материалам Шаштепа в Ташкентском районе)//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций, — Алма-Ата, 1989.

ХАФИЗИ ТАНЫШ БУХАРИ. Шараф-нама-и шахи. ч. 2, М.: Наука, 1989.

ШИШКИН В. А. Узбекская археологическая экспедиция в 1961 г. //ИМКУ, вып. 4, — Ташкент, 1963.

ШИШКИНА Г. В. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкента//ИМКУ, вып. 4, — Ташкент, 1963.

Энциклопедияи Советии Тоҷик. ч. 7. — Душанбе, 1987.

ЯКУБОВ Ю. Паргар в VII — VIII вв. — Душанбе, 1979.

ЯКУБОВ Ю. Раннесредневековые сельские поселения Горного Согда. — Душанбе; Дониш, 1988.

Список сокращений

- АО — Археологические открытия.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана.
ИООН — Известия отделения общественных наук.
ИАСА — История и археология Средней Азии.
Известия ГК — Известия Геологического комитета.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии.
ИИ — Институт истории.
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МГУ — Московский государственный университет.
МКТ — Материальная культура Таджикистана.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СА — Советская археология.
САУ — Строительство и архитектура Узбекистана.
СТАКЭ — Северо-таджикистанская археологическая комплексная экспедиция.
УНХУ — Управление народно-хозяйственного учета Тадж. ССР.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии.
ТИИА — Труды Института истории и археологии.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

ПОДПИСИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ.

Рис. 1. Центральная часть Ленинабадской области	30
Рис. 2. Замок Каппатепа. План первого строительного горизонта	50
Рис. 3. Замок Каппатепа. Адсонометрия помещения № 1	70
Рис. 4. Замок Каппатепа. Керамика. Хумы и хумча	90
Рис. 5. Замок Каппатепа. Керамика	90
Рис. 6. Замок Каппатепа. Керамика	110
Рис. 7. Замок Каппатепа. Керамика	110
Рис. 8. Замок Каппатепа. Изделия из камня. Жернова	130

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Из истории археологического изучения юго-западной части Кураминского хребта (Карамазара)	8
Глава 2. Археологические памятники Табошара	21
Глава 3. Раскопки замка Каппатепе	36
Глава 4. Архитектура замка	58
Глава 5. Материальная культура памятника	84
Глава 6. Каппатепе в замковом зодчестве Илака	117
Заключение	126
Список использованной литературы	130
Список сокращений	139
Иллюстрации	140

Автор также выражает глубокую признательность генеральному директору ГУП «Заря Востока» Б. Н. НИШАНОВУ, начальнику РОГРПО «Востокредмет» КАРИМОВУ И. Х. за финансовую помощь в издании данной монографии.

Набиджон Турдиалиевич РАХИМОВ. ИЗ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКИСТАНА. (Замок Каппатепи).

Редактор А. Самеев.
Технический редактор И. Усмонов.
Корректор У. Туракулова.

(с) Н. Т. Рахимов. 2001.

Министерство культуры Республики Таджикистан.

Сдано в набор 10.08.2001 г. Подписано в печать 31.08.2001 г. Формат 60x84/16. Заказ № 2391. Упл. 9. Тираж 250. Цена свободная.

Государственное издательство им. Р. Джалила 735700 г. Худжанд, ул. М. Танбури 3.

Худжандская городская типография 735700 г. Худжанд, ул. М. Танбури 3.